

Дайджест новостей правового регулирования БАНКРОТСТВА

Ответственный редактор - Юрий Сбитнев

Выпуск 41 (июль-август 2022 г.)

Дайджест новостей правового регулирования банкротства
/июль-август 2022 года/

Оглавление

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА	3
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА.....	3
1. Законы.....	3
2. Законопроекты.....	3
3. Громкие банкротства.....	4
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.....	5
1. ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ	5
Оспаривание сделок.....	5
Включение в реестре требований кредиторов и компечнационное финансирование	23
Способы защиты прав лиц, участвующих в деле о банкротстве.....	29
Банкротство граждан	44
Прочие вопросы.....	45
Субсидиарная ответственность и убытки	55
Арбитражный управляющий	65
2. ПРАКТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ.....	68
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:.....	81
1. Книги	81
2. Статьи.....	81
3. Блоги	82

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Представляем Вашему вниманию 41-й выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства, и уже традиционно хотели бы обратить Ваше внимание на особо интересные правовые позиции Верховного Суда РФ.

Одной из занятных проблем судебной практики является решение вопроса об удовлетворении требований контролирующих должника лиц (ген. директора, конечного бенефициара и т.д.), относящихся к первой или второй очереди, а также к текущим платежам. Но и пропорциональное распределение конкурсной массы в равной степени среди независимых кредиторов и контролирующих лиц несправедливо, поэтому потребовались правила установления баланса интересов путем понижения очередности погашения требований близких к должнику лиц.

На практике мы неоднократно сталкивались со странной ситуацией: лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности (например, генеральный директор), получает удовлетворение своих не самых малых требований по заработной плате преимущественно перед независимыми кредиторами, включенными в третью очередь. Иными словами, он получал вознаграждение за доведение компании до банкротства (здесь, конечно, мы не берем те случаи, когда директор действовал добросовестно и, не выплачивая себе зарплату, спасал компанию). Спектр правовых инструментов для защиты кредиторов был небольшой и явно неэффективный. И вот похожее дело в августе было рассмотрено Верховным Судом РФ. В [Определении № 305-ЭС14-1659 \(20\) от 25 августа 2022 года](#) суд исключил применение правил о субординации требований и сделал вывод о том, что это частный случай влияния вины самого кредитора, создавшего невозможность исполнения обязательства. Если невозможность исполнения в виде банкротства возникла по вине кредитора, то он лишается права требовать исполнения обязательства в свою пользу до тех пор, пока не устранил последствия собственного поведения (п. 4 ст. 1, п. 1 ст. 6, п. 4 ст. 401, ст. 404, 406 и п.2 ст. 416 ГК РФ). Это означает, что он не вправе возлагать результат своего виновного поведения на других кредиторов, а значит, и не может получить удовлетворение в той же очередности, что и последние.

Очевидно, что такая правовая позиция получит активную поддержку среди практикующих юристов, поскольку такой «частный случай» достаточно часто возникает на практике.

С уважением,

Юрий Сбитнев,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- 27 сентября 2022 года Юридический институт «М-Логос» проводит [Авторскую онлайн-лекцию И.А. Веселова «Практические аспекты формирования доказательственной базы»](#). Начало в 16.00.

Ознакомиться с программой и подать заявку на участие можно [здесь](#).

- 27 октября 2022 года Юридический институт «М-Логос» проводит [Авторскую онлайн-лекцию В. Ефремова «Банкротный комплаенс»](#). Начало в 16.00.

Ознакомиться с программой и подать заявку на участие можно [здесь](#).

- 8 сентября 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Авторскую видеолекцию Евгения Глухова «Наследование прав и обязанностей, возникающих из договоров купли-продажи акций \(долей участия\) и корпоративных договоров»](#).

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- 6 сентября 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Авторскую видеолекцию Екатерины Смирновой «Цифровые платформы: все, что нужно знать о власти посредников в цифровую эпоху»](#).

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- 30 августа 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Авторскую видеолекцию Антона Томсинова «ДОГОВОР ПОСТАВКИ: последствия передачи товара ненадлежащего качества \(ст. 475 ГК\)»](#).

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- 25 августа 2022 года Юридический институт «М-Логос» провел [Авторскую видеолекцию Павла Мищенко «Как сделать понятной оферту для потребителя»](#).

Запись можно посмотреть в свободном доступе на нашем сайте [здесь](#).

- На нашем сайте опубликовано расписание онлайн программ повышения квалификации Юридического института «М-Логос» [на второе полугодие 2022 г.](#)

В рамках данного расписания обращаем ваше внимание на онлайн-курс повышения квалификации «[Практикум по эффективному ведению споров в сфере банкротства](#)», который пройдет в Институте с 21 ноября – 23 декабря 2022года.

- На сайте Института опубликован следующий тематический дайджест правовых новостей:

[Дайджест новостей налогового права за апрель-июнь 2022 года](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законы

[Федеральный закон от 28.06.2022 N 212-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#) (ст. 4.)

2. Законопроекты

[Законопроект № 132289-8 «О внесении изменений в статьи 34 и 61-15 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части уточнения лиц, участвующих в деле о банкротстве\)](#)

Дата внесения в ГД: 28.05.2022

Статус: 27.06.2022 г. - Рассмотрение Советом Государственной Думы законопроекта, представленного ответственным комитетом

Инициатор: Правительство Российской Федерации

Комитеты: Комитет Государственной Думы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям

Из пояснительной записки к законопроекту:

Проект федерального закона "О внесении изменений в статьи 34 и 6115 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - законопроект) подготовлен во исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 49-П (далее - Постановление).

Постановлением статья 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статья 34 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в их взаимосвязи признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2)

и 55 (часть 3), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им судебной практикой, они не позволяют лицу, привлеченному к субсидиарной ответственности, обжаловать судебный акт, принятый без участия этого лица,

о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов за период, когда это лицо являлось контролирующим по отношению к должнику.

В связи с этим законопроектом устанавливается, что на основании мотивированного ходатайства контролирующего должника лица суд вправе вынести определение о привлечении его к участию в рассмотрении дела о банкротстве (пункт 4 статьи 34 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в редакции законопроекта).

При этом подача ходатайства об участии в деле о банкротстве

не является признанием заявившим его лицом вины в банкротстве должника и не может служить основанием для привлечения такого лица к ответственности.

Также законопроектом статья 6115 Федерального закона

"О несостоятельности (банкротстве)" дополняется положениями, предоставляющими лицу, привлекаемому к субсидиарной ответственности, право участвовать в деле о банкротстве при рассмотрении иных вопросов, помимо привлечения его к ответственности, если их решение может повлиять на привлечение его к ответственности, а также на размер такой ответственности.

Вместе с тем если такое лицо до подачи заявления о привлечении его к ответственности участвовало в деле о банкротстве в качестве руководителя должника, участника должника, представителя учредителей (участников) должника, конкурсного кредитора либо имело такую возможность в ходе рассмотрения дела о банкротстве в качестве лица, контролирующего деятельность должника, то подача такого заявления не является основанием для восстановления пропущенного им срока на обжалование судебных актов, принятых до подачи заявления.

Законопроект не противоречит положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, а также положениям иных международных договоров Российской Федерации.

Реализация положений, предусмотренных законопроектом, не повлияет на достижение целей государственных программ Российской Федерации.

Законопроект не повлечет негативных социально-экономических, финансовых и иных последствий реализации предлагаемых решений, в том числе для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности.

В законопроекте отсутствуют требования, которые связаны

с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения

к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы.

3. Громкие банкротства

Банки и финансовые организации

[В «Открытие Холдинге» выявили признаки преднамеренного банкротства](#)

[АСВ против всех: как Верховный суд искал пороки в кредитах рухнувшей «Югры»](#)

[«Витас Банк» просит взыскать 3,3 млрд руб. со своего бенефициара](#)

[ВС вернул банку «Советский» бизнес-центр в Санкт-Петербурге](#)

[Суд взыскал 65,8 млрд руб. субсидиарки с совладельца «Росинтербанка»](#)

[Суд взыскал 2,5 млрд руб. субсидиарки с экс-топа «Межтопэнергобанка»](#)

Промышленность

[Суд признал авиакомпанию «Скол» банкротом](#)

[Основатель «Т-Платформы» инициировал собственное банкротство](#)

Культура и технологии

[Кассация отменила взыскание 386 млн руб. с создателя «Вия»](#)

[АСГМ отменил сделку по продаже Forbes](#)

Банкротство граждан

[Суд признал банкротом основателя сети «Корчма Тарас Бульба»](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

1. ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Оспаривание сделок

[Определение ВС РФ № 304-ЭС20-22046 \(4\) 21 июля 2022 г.](#)

При рассмотрении вопроса о признании на основании ст. 10 и ст. 168 ГК РФ недействительным по иску кредитора договора дарения, на основании которого должник подарил квартиру своему ребенку, необходимо исследовать выходит ли договор дарения за пределы обычной внутрисемейной сделки и намеревались ли даритель и одаряемый причинить вред кредиторам.

Намерение причинить вред независимому кредитору посредством заключения такой сделки не может быть установлено в ситуации, когда сам кредитор на момент совершения сделки не исполнил перед должником своих обязательств, превышающих по размеру встречные обязательства должника.

29.04.2013 Ширшова Н.М. (даритель) заключила со своим сыном Ширшовым С.И. (одаряемым) договор дарения однокомнатной квартиры. Переход права собственности на квартиру зарегистрирован 25.06.2013. Затем эту квартиру Ширшов С.И. обменял на четырехкомнатную с доплатой разницы в ценах квартир по договору мены от 04.07.2013, заключенному с Зубовой Е.И. Переход права собственности на квартиры на основании договора мены зарегистрирован 25.07.2013.

Суды установили, что на момент заключения договора дарения квартиры Ширшова Н.М. была осведомлена о намерении Теслиной И.П. обратиться в суд с иском о взыскании задолженности по

договору займа. Такой иск 26.05.2013 подан Теслиной И.П. в Мегионский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Решением суда общей юрисдикции от 21.08.2013 с Ширшовой Н.М. в пользу Теслиной И.П. взысканы 3 075 945 рублей: невозвращенный заем в сумме 3 049 000 рублей (получен по расписке от 14.09.2011 на сумму 3 000 000 рублей и от 19.04.2013 на сумму 49 000 рублей), а также 26 945 рублей в возмещение судебных расходов.

Определением Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27.02.2018 возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) Ширшовой Н.М. В рамках дела о банкротстве 17.08.2020 Теслина И.П. подала заявление об оспаривании договора дарения однокомнатной квартиры и последующей сделки по ее отчуждению (договора мены). Отказывая в удовлетворении заявления Теслиной И.П., суд первой инстанции, в частности, исходил из того, что на момент дарения однокомнатной квартиры сама Теслина И.П. была должником Ширшовой Н.М. по договору займа.

Поскольку сумма обязательств, неисполненных Теслиной И.П., значительно превышала сумму встречных обязательств, неисполненных Ширшовой Н.М., последняя разумно исходила из зачетного характера взаимной задолженности и могла распорядиться квартирой, не считаясь с мнением Теслиной И.П. С учетом этого суд первой инстанции не усмотрел признаков злоупотребления правом в действиях Ширшовой Н.М.

Отменяя определение суда первой инстанции в части, суд апелляционной инстанции счел, что оспариваемый договор дарения направлен на вывод недвижимости из числа активов Ширшовой Н.М. с целью избежания возможности обращения на нее взыскания по требованию Теслиной И.П., что свидетельствует о злоупотреблении правом (статьи 10, 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), отклонив возражения Ширшовой Н.М. о наличии у нее встречных требований к Теслиной И.П. Суд округа согласился с судом апелляционной инстанции.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Оспариваемый договор дарения заключен до 01.10.2015, в связи с чем он мог быть признан недействительным на основании статьи 10 ГК РФ (часть 13 статьи 14 Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В соответствии с пунктом 1 статьи 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации», оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Настаивая на действительности договора дарения, сын и мать Ширшовой неоднократно ссылались на то, что сделка по отчуждению квартиры была совершена ими в рамках обычных семейных отношений, они не намеревались причинить вред кредиторам Ширшовой Н.М. Эти возражения не были надлежащим образом проверены судом апелляционной инстанции. Так, из отчетов финансового управляющего имуществом Ширшовой Н.М. от 03.03.2022 и от 02.06.2022, размещенных в общедоступной информационной системе «Картотека арбитражных дел», усматривается, что Теслина И.П. – мажоритарный кредитор Ширшовой Н.М. Требования иных кредиторов Ширшова Н.М. могла бы исполнить без применения к ней процедур банкротства. При этом Ширшова Н.М. являлась не только должником, но и кредитором Теслиной И.П.: решением Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29.11.2010 по делу № 2-4846/10 с Теслиной И.П. в пользу Ширшовой Н.М. взысканы 8 067 722 рубля 22 копейки: невозвращенный заем в сумме 8 000 000 рублей (получен по расписке от 26.01.2006), проценты за пользование денежными средствами в сумме 32 722 рубля 22 копейки, а также 35 000 рублей в возмещение судебных расходов. Суд апелляционной инстанции, сославшись на постановление судебного пристава-исполнителя от 15.08.2011 об окончании исполнительного производства в отношении Теслиной И.П. и платежное поручение от 11.08.2011, пришел к выводу о том, что на момент дарения квартиры Теслина И.П. свое обязательство перед

Ширшовой Н.М. уже исполнила. Между тем упомянутое платежное поручение в материалах дела отсутствует.

Не отрицая факт прекращения исполнительного производства в отношении Теслиной И.П., Ширшова Н.М. и Ширшов С.И. указывали на то, что Ширшова Н.М. написала заявление об окончании исполнительного производства лишь потому, что Теслина И.П. пообещала ей взамен исполнения обязательства по возврату займа, подтвержденного судебным решением, передать в собственность земельный участок. В связи с этим стороны подписали договор об отчуждении участка, Ширшова Н.М. подала судебному приставу-исполнителю заявление об отсутствии претензий к Теслиной И.П. по договору займа, а Теслина И.П. составила расписку о получении от Ширшовой Н.М. оплаты за участок. Однако государственная регистрация перехода права собственности на данный участок не состоялась вследствие наложения на него ареста по долгам Теслиной И.П. перед третьими лицами.

Из представленного самой Теслиной И.П. определения Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 № 88-1868/2019 следует, что Теслина И.П., действительно, написала расписку о получении от Ширшовой Н.М. в счет оплаты за участок 5 8 067 722 рублей 22 копеек (суммы, равной той, что ранее была взыскана с Теслиной И.П. в пользу Ширшовой Н.М. по договору займа), заключила с Ширшовой Н.М. договор купли-продажи, но переход права собственности на земельный участок не был зарегистрирован.

Если утверждения Ширшовой Н.М. и ее сына соответствовали действительности, имело место не прекращение обязательства Теслиной И.П. по возврату займа исполнением (статья 408 ГК РФ), а его новация в обязательство по передаче Ширшовой Н.М. в собственность земельного участка (статья 414 ГК РФ). При неисполнении данного обязательства, возникшего в результате новации, Теслина И.П., за которой по-прежнему зарегистрировано право собственности на участок, никогда не переставала быть должником Ширшовой Н.М. В ситуации существования у Теслиной И.П. собственного неисполненного обязательства, превышающего по размеру встречное обязательство Ширшовой Н.М., стремление последней одарить сына не свидетельствует о нарушении дарением принципа добросовестности, выходе договора дарения за пределы обычной внутрисемейной сделки. Оспаривание же Теслиной И.П., не передавшей право собственности на участок, сделки, совершенной Ширшовой Н.М., указывает на недобросовестность истца, а не ответчиков по обособленному спору.

[Определение ВС РФ № 307-ЭС19-18598 \(27,29\) от 04 августа 2022 года](#)

1. По общему правилу бенефициар не заинтересован в раскрытии своего статуса перед третьими лицами, поэтому он обычно не составляет документы, в которых содержатся явные и однозначные указания, адресованные должнику и участникам притворных сделок относительно их деятельности. О наличии их подконтрольности бенефициару как единому центру, чья воля определяла судьбу имущества, в частности, могут свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов скоординированы в отсутствие к тому объективных экономических причин; по отдельности эти действия противоречат экономическим интересам и возможностям каждого из лиц; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одному и тому же лицу и т.д.

2. Бенефициарный собственник имущества, намеревающийся вывести его из-под возможного обращения взыскания со стороны кредиторов, скорее всего, постарается вывести имущество на безопасного номинального держателя, то есть на лицо, не испытывающего финансовые затруднения и (либо) не имеющее кредиторов, а не передать имущество во владение другого лица, также привлекаемого к субсидиарной ответственности.

3. В ситуации, когда одобренный контролирующим должника лицом план выхода из кризиса, не раскрытый публично, не удалось реализовать, на такое лицо относятся убытки, связанные с неэффективностью избранного плана и санационной деятельности в отношении контролируемого должника, в пределах капиталозамещающего финансирования.

4. Передача имущества с целью компенсационного финансирования не напрямую, а посредством совершения транзитных сделок (в т.ч. отчуждение имущества сначала физическому лицу, а затем конечному приобретателю) не должно предоставлять первоначальному отчуждателю имущества возможность пересмотреть управленческое решение по внесению имущества в капитал конечного приобретателя посредством признания недействительной

транзитной сделки (например, по основанию отсутствия согласия супруги промежуточного приобретателя на отчуждение общего имущества). Наличие у промежуточных сделок пороков не свидетельствует об отсутствии у сделок иных пороков, не препятствует их квалификации как прикрывающих сделку по предоставлению компенсационного финансирования и не должно лишать кредиторов конечного приобретателя возможности удовлетворения собственных требований за счет приобретенного имущества.

Осенью 2014 года общество «Росинвест» продало Митрушину В.И. бизнес-центр. После этого Митрушин В.И., являясь акционером банка «Советский», заключил с последним договоры дарения имущества в целях увеличения чистых активов, по условиям которых передал ему бизнес-центр безвозмездно. Вступившим в законную силу решением Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга от 29.11.2016 по делу № 2-3852/16 названные договоры дарения признаны недействительными, применена реституция путем аннулирования соответствующих записей в ЕГРН. Основанием для признания сделок недействительными послужило отсутствие согласия Митрушиной Ирины Александровны (супруги Митрушина В.И.) на дарение бизнес-центра (как общего имущества) банку «Советский».

После возврата имущества Митрушину В.И. оно было внесено в качестве вклада в уставный капитал компании.

Полагая, что в действительности цепочка заключенных между обществом «Росинвест», Митрушиным В.И. и банком «Советский» сделок прикрывала предоставление обществом «Росинвест» компенсационного финансирования банку «Советский» путем передачи в собственность бизнес-центра (требования уточнены при новом рассмотрении обособленного спора), конкурсный управляющий последнего обратился в арбитражный суд с настоящим заявлением. Удовлетворяя требование, суд первой инстанции исходил из того, что внесение имущества в уставный капитал является компенсационным финансированием. Оспариваемая цепочка сделок повлекла для банка «Советский» и его кредиторов неблагоприятные последствия при изъятии имущества путем инициирования судебного процесса в суде общей юрисдикции.

Отменяя определение суда первой инстанции в части применения последствий недействительности сделок, суд апелляционной инстанции исходил из того, что оспариваемые сделки являются мнимыми, фактически прикрывают незаконный вывод ликвидного имущества общества «Росинвест» с целью причинения вреда имущественным интересам последнего и его кредиторов. Суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции, дополнительно указав на то, что Митрушин В.И. и банк «Советский» обладают признаками транзитных участников в цепочке сделок. При этом оснований для вывода о предоставлении банку компенсационного финансирования не усмотрел.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Согласно пункту 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила. Это означает, что совершенной признается лишь прикрываемая сделка, которая действительно имела в виду. Именно она подлежит оценке в соответствии с применимыми к ней правилами. Притворная сделка может прикрывать сделку с иным субъектным составом; для прикрытия сделки может быть совершено несколько сделок; само по себе осуществление государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество к промежуточным покупателям не препятствует квалификации данных сделок как ничтожных на основании пункта 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (абзац третий пункта 86, абзац первый пункта 87, абзац первый 5 пункта 88 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Разрешая спор, суд первой инстанции установил аффилированность Митрушина В.И., обществ «Росинвест» и «Тандем», банка «Советский» и компании. Митрушин В.И. и Луцинский В.Н. являлись контролирующими общество «Росинвест» лицами и привлечены к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве последнего, Митрушин В.И. – акционер должника, а сын Луцинского В.Н. – единственный акционер компании. В рассматриваемом случае Митрушин В.И. приобрел бизнес-центр у общества «Росинвест» балансовой стоимостью более миллиарда рублей за 49 миллионов рублей.

Приобретение Митрушиным В.И. спорного имущества в личную собственность не имело какого-либо экономического смысла. Передача объектов в пользу банка «Советский» производилась в короткий промежуток времени после регистрации права собственности на Митрушина В.И. Перечисленные действия свидетельствуют о нетипичности сделок, их нецелесообразности и совершении на недоступных обычным (независимым) участникам рынка условиях.

Отличительной особенностью компенсационного финансирования является его предоставление контролирующим лицом в ситуации имущественного кризиса должника с целью возврата его к нормальной предпринимательской деятельности. Компенсационное финансирование может предоставляться в том числе путем передачи имущества. Неустраненные заинтересованным лицом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов (пункты 3.1, 3.3, 3.4 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020).

Из материалов дела следует, что в предшествующий оспариваемым сделкам период банку «Советский» Банком России неоднократно направлялись предписания об устранении различных нарушений (от 20.05.2013, 23.05.2014). Так предписанием от 23.05.2014 № 1-0-74-2/11552ДСП должнику указано произвести реклассификацию ссудной и приравненной к ней задолженности, доначислить резервы на сумму 688 миллионов рублей. С 24.05.2014 введены ограничения на проведение ряда банковских операций, среди которых привлечение денежных средств от физических лиц по вкладам, открытие банковских счетов физическим лицам и продажа им ценных бумаг должника; предписано принять меры по изменению проводимой политики кредитования юридических лиц, снижению объемов сомнительной, проблемной, необеспеченной задолженности. На 01.09.2014 (до передачи имущества должнику) согласно ежемесячной отчетности норматив Н 1.1. находился на уровне 9,95%, норматив Н 1.2. на уровне 9,95%, норматив Н 1.0. на уровне 10,15% (минимально допустимое числовое значение норматива Н 1.0 установлено в размере 10.0%), согласно отчету о финансовом результате кредитной организации на 01.07.2014 финансовым результатом деятельности банка «Советский» являлся убыток в сумме 107 280 000 руб. После передачи имущества (на 01.01.2015) значение норматива Н 1.1. составляло 11,25 %, Н 1.2. – 11,25% и Н 1.0. – 11,44%. В соответствии с отчетом о финансовом результате кредитной организации на 01.10.2014 (после проведения первой сделки по дарению) финансовый результат стал равен прибыли в размере 578 561 000 руб., а на 01.01.2015 (после совершения второй и третьей сделок по дарению) финансовый результат стал равен прибыли в размере 2 764 980 000 руб. Таким образом, передача бизнес-центра Митрушиным В.И. в пользу банка очевидно имела для него как акционера кредитной организации положительные экономические последствия, так как позволила поднять значение нормативов достаточности капитала и продолжить банку свою деятельность. Данные обстоятельства подтверждают притворность оспариваемой цепочки сделок, совершенной под контролем транзитного собственника имущества Митрушина В.И. и прикрывающей предоставление банку «Советский» компенсационного финансирования. Предоставляя такое финансирование, заинтересованное лицо принимает на себя все сопутствующие риски (в том числе риск его утраты на случай банкротства), которые не могут перекладываться на независимых кредиторов.

В данном случае передача имущества не напрямую от общества «Росинвест», а от Митрушина В.И., давала возможность при возникновении необходимости (применении в отношении банка мер по предупреждению банкротства, отзыва лицензии и т.д.) пересмотреть свое управленческое решение по внесению имущества в капитал должника посредством предъявления супругой Митрушина В.И. иска об отчуждении общего имущества без ее согласия (что и осуществлено). Создание схемы с транзитом собственности повлекло лишение кредиторов должника возможности удовлетворения собственных требований за счет денежных средств, вырученных от реализации бизнес-центра. В ситуации, когда одобренный контролирующим должника лицом план выхода из кризиса, не раскрытый публично, не удалось реализовать, на такое лицо относятся убытки, связанные с неэффективностью избранного плана и санационной деятельности в отношении контролируемого должника, в пределах капиталозамещающего финансирования.

Таким образом, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что бизнес-центр подлежит возврату в конкурсную массу должника.

Судебная коллегия считает несостоятельной версию возражавших против удовлетворения кассационной жалобы лиц, согласно которой действительным бенефициарным собственником бизнес-центра являлся Луцинский В.Н. Последний, якобы осознавая возможность привлечения его к субсидиарной ответственности по долгам общества «Росинвест», вывел ликвидный актив (бизнес-центр), оформив право собственности на банк. Однако следует учесть, что заниженная цена первой сделки (продажа имущества Митрушину В.И.) с большой вероятностью предполагала ее оспаривание в деле о банкротстве общества «Росинвест». При этом Митрушин В.И. наравне с Луцинским В.Н. привлечен к субсидиарной ответственности по долгам этого общества. Представляется крайне сомнительным, что являющийся потенциальным субъектом ответственности бенефициарный собственник имущества, намеревающийся вывести его из-под возможного обращения взыскания со стороны кредиторов, передаст его во владение другого лица, также привлекаемого к ответственности по тому же требованию. В такой ситуации бенефициар, скорее всего, постарается вывести имущество на безопасного номинального держателя, то есть на лицо, не испытывающего финансовые затруднения и (либо) не имеющее кредиторов. Как отмечено выше, в спорный период времени должник финансовой устойчивостью не отличался, в отношении него осуществлялись проверки со стороны регулятора, в связи с чем оформление спорного имущества на такое лицо в целях его сокрытия от притязания кредиторов не является логичным и экономически обоснованным.

Последующие действия по изъятию имущества у должника путем предъявления иска в суд общей юрисдикции произведены после введения в отношении него процедуры санации, а дальнейшая передача имущества в уставный капитал компании осуществлена с целью недопущения наложения на него ареста в рамках уголовного дела в отношении руководителей должника. Наличие у договоров дарения пороков, послуживших основанием для признания их судом общей юрисдикции недействительными по иску Митрушиной И.А. не свидетельствует об отсутствии у сделок иных пороков и не препятствует их квалификации как прикрывающих сделку по предоставлению компенсационного финансирования. В связи с этим рассмотрение и разрешение вопроса в отношении одной из прикрывающих (не существующих) сделок не исключает выявления единственно существующей (прикрываемой) сделки и применению правовых последствий, связанных с выявлением и существованием такой сделки.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС21-6122 \(3\) от 8 августа 2022 года](#)

Подконтрольность банка, заемщиков и должника одному бенефициару может объяснять мотивы заключения договоров ипотеки должником, входящим в одну группу компаний, в пользу своего финансового центра (банка), поскольку это имеет разумный экономический мотив – обеспечение выполнения предписаний регулятора с целью сохранения этой кредитной организации, находящейся под угрозой отзыва лицензии на осуществление банковских операций, к услугам которой периодически обращались члены группы для пополнения оборотных активов. Восстановление финансовой устойчивости входящего в группу банка позволило бы продолжить финансирование деятельности всей группы в целом.

Наличие у контролирующего лица экономических мотивов в совершении сделки само по себе не исцеляет ее от пороков недействительности с точки зрения критерия злоупотребления правом со стороны конкретного должника. Определяя баланс между общим интересом корпоративной группы и прямыми интересами ее участника, следует исходить из того, что не подлежат квалификации как злоупотребление правом те действия участника группы, которые будучи направленными на реализацию группового интереса, не стали причиной объективного банкротства такого участника. С учетом установленной структуры бизнеса группы выяснению судом подлежат в том числе обстоятельства, приведшие к несостоятельности должника.

Между должником и банком заключено четыре кредитных договора от 17.01.2014, 20.01.2014, 04.06.2014, 31.03.2017, в обеспечение исполнения обязательств по трем из них заключены договоры ипотеки. Требования банка установлены вступившими в законную силу решениями Арбитражного суда города Москвы от 03.08.2018 по делу № А40-248163/17 и от 10.02.2020 по делу № А40-87716/18. Удовлетворяя требование, суд первой инстанции исходил из его подтвержденности вступившими в законную силу судебными актами и наличием находящегося в залоге имущества во владении залогодателя (должника). Отменяя определение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции

установил, что должник входил в группу компаний, подконтрольных банку, который, в свою очередь, определял действия должника при принятии решений, имеющих значение для его предпринимательской деятельности. На момент заключения договоров ипотеки у должника имелись признаки неплатежеспособности, о которых банк не мог не знать. В результате заключения договоров ипотеки произошло существенное увеличение размера требований банка к должнику, исключающее погашение требований кредиторов третьей очереди за счет реализации заложенного имущества. Судом сделан вывод о недействительности договоров ипотеки как заключенных со злоупотреблением правом, целью которых являлся вывод имущества должника, причинение вреда кредиторам, установление контроля в процедуре банкротства. Суд округа с выводами апелляционного суда согласился

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Содержащиеся в абзацах втором – пятом пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» презумпции совершения неплатежеспособным должником подозрительной сделки с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов являются опровержимыми и применяются лишь в том случае, если иное не доказано другой стороной сделки (пункты 5 – 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). В то же время наличие у сделки, на которой основывается требование кредитор, оснований для признания ее недействительной в соответствии со статьями 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве не может использоваться в качестве возражений при установлении этого требования в деле о банкротстве, а дает только право на ее оспаривание в установленном порядке (пункт 4 постановления № 63).

В рассматриваемом случае обеспечительные сделки по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, не оспаривались и недействительными не признаны. При этом положения статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации могут быть применены только к сделкам, совершенным с пороками, выходящими за пределы дефектов подозрительных сделок.

В обоснование своего требования банк в том числе указывал, что подконтрольность банка, заемщиков и должника одному бенефициару объясняла мотивы заключения обеспечительных сделок, а не исключала их; на момент заключения договоров ипотеки должник был платежеспособен, целью их заключения являлось выполнение предписаний Банка России (далее – регулятор), а не причинение вреда кредиторам должника; банкротство должника вызвано иными причинами. Как установили суды и не оспаривается лицами, участвующими в деле, на момент заключения спорных сделок банк, заемщики и залогодатель – должник входили в одну группу компаний. Банк обращал внимание, что бизнес данной группы компаний, контролируемый бывшим бенефициаром банка Хотиным А.Ю., условно делился на финансы, нефтедобычу и недвижимость. При этом кредитование экономически взаимосвязанных групп нефтедобычи и недвижимости осуществлялось преимущественно за счет денежных средств банка. Таким образом, успешная деятельность банка по привлечению вкладов от третьих лиц являлась одной из главных составляющей развития бизнеса в сфере нефтедобычи и недвижимости. В таком случае заключение договоров ипотеки должником, входящим в группу недвижимости, в пользу своего финансового центра (банка) по ранее предоставленным им аффилированным заемщикам необеспеченным кредитам могло иметь разумный экономический мотив – обеспечение выполнения предписаний регулятора с целью сохранения этой кредитной организации, находящейся под угрозой отзыва лицензии на осуществление банковских операций, к услугам которой периодически обращались члены группы для пополнения оборотных активов.

Соответственно, с учетом установленной структуры бизнеса группы выяснению при рассмотрении настоящего спора подлежали в том числе обстоятельства, приведшие к несостоятельности должника. По мнению агентства, критическим для бизнеса всей группы компаний явился момент отзыва лицензии у банка (28.07.2017), после чего последний фактически утратил возможность вести свою обычную хозяйственную деятельность. Между тем финансовый анализ деятельности должника как на момент совершения сделок, так и после отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций судами не проводился, размер активов не устанавливался.

Судами лишь отмечено, что общества «Инвестиции и планирование» и «Главтехкомплект», в обеспечение исполнения обязательств которых по кредитным договорам должником заключены договоры ипотеки, на момент рассмотрения настоящего обособленного спора находились

соответственно в процедурах ликвидации и банкротства. Сам должник на момент заключения договоров ипотеки имел непогашенную задолженность перед банком по кредитным договорам.

Как правило, для создания фиктивной задолженности используется формальный денежный оборот, с помощью которого осуществляется вывод денежных средств из имущественной сферы должника-банкрота для сохранения его за конечными бенефициарами. В рассматриваемом случае обеспечительные сделки заключались во исполнение реальных кредитных договоров, по которым банк ранее предоставил денежные средства заемщикам. При этом, как указывал банк, спорными сделками оформлялся последующий залог имущества должника. Данное обстоятельство, ранее не исследованное судами, также имело существенное значение для вывода о злоупотреблении правом.

Таким образом, вывод судов том, что обеспечительные сделки направлены на причинение вреда кредиторам, формирование подконтрольной задолженности, уменьшения числа голосов, принадлежащих независимым кредиторам, является преждевременным.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС21-21196 \(5\) от 11 августа 2022 года](#)

Квалифицирующими признаками подозрительной сделки, указанной в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, являются ее направленность на причинение вреда имущественным правам кредиторов, осведомленность другой стороны сделки об указанной противоправной цели, фактическое причинение вреда в результате совершения сделки. При разрешении подобных споров суду в том числе следует оценить добросовестность контрагента должника, сопоставив его поведение с поведением абстрактного участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно.

Действия лица, приобретающего имущество по цене, явно ниже кадастровой и рыночной, нельзя назвать осмотрительными и осторожными. Многократное занижение стоимости отчуждаемого имущества должно породить у любого добросовестного и разумного участника гражданского оборота сомнения относительно правомерности такого отчуждения. В подобной ситуации предполагается, что покупатель либо знает о намерении должника вывести свое имущество из-под угрозы обращения на него взыскания и действует с ним совместно, либо понимает, что менеджмент или иные контролирующие должника лица избавляются от имущества общества по заниженной цене по причинам, не связанным с экономическими интересами последнего. Соответственно, покупатель прямо или косвенно осведомлен о противоправной цели должника.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Константа» (далее – общество, должник) его конкурсный управляющий обратился в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании недействительным договора купли-продажи земельного участка, заключенного обществом с Семеновым Евгением Павловичем, применении последствий недействительности сделки. Определением суда первой инстанции от 19.08.2021 заявление удовлетворено. Постановлением суда апелляционной инстанции от 09.11.2021 определение от 19.08.2021 отменено, в удовлетворении заявления отказано. Суд округа постановлением от 02.02.2022 оставил постановление от 09.11.2021 без изменения.

Между обществом и Семеновым Е.П. заключен договор от 21.08.2014 купли-продажи земельного участка, по условиям которого общество продает земельный участок площадью 1 484 кв. м по цене 222 600 руб. Согласно передаточному акту общество подтверждает уплату Семеновым Е.П. определенной договором стоимости недвижимости. Переход права собственности зарегистрирован за ответчиком 02.12.2014. В обоснование заявления конкурсный управляющий указал на безвозмездность сделки и ее совершение в целях причинения имущественного вреда кредиторам должника. Признавая сделку недействительной на основании пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», суд первой инстанции исходил из доказанности всей необходимой совокупности обстоятельств, в том числе неравноценности встречного исполнения и неподтвержденности передачи денежных средств Семеновым Е.П. обществу.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, указал на отсутствие доказательств осведомленности Семенова Е.П. о неплатежеспособности должника и наличии цели причинения вреда его кредиторам, учитывая

получение обществом встречного удовлетворения. Суды сочли, что цена договора при таких обстоятельствах значения не имеет.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Квалифицирующими признаками подозрительной сделки, указанной в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, являются ее направленность на причинение вреда имущественным правам кредиторов, осведомленность другой стороны сделки об указанной противоправной цели, фактическое причинение вреда в результате совершения сделки. Осведомленность контрагента должника о противоправных целях сделки может доказываться через опровержимые презумпции заинтересованности сторон сделки между собой, знание об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках его неплатежеспособности или недостаточности у него имущества (пункт 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

При разрешении подобных споров суду в том числе следует оценить добросовестность контрагента должника, сопоставив его поведение с поведением абстрактного участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно. Стандарты такого поведения, как правило, задаются судебной практикой на основе исследования обстоятельств конкретного дела и мнений участников спора. Существенное отклонение от стандартов общепринятого поведения подозрительно и в отсутствие убедительных доводов и доказательств о его разумности может указывать на недобросовестность такого лица.

Оценивая поведение Семенова Е.П., суд первой инстанции не установил его заинтересованности по отношению к обществу. Вместе с тем суд принял во внимание, что кадастровая стоимость земельного составляет 1 642 417 руб., средняя рыночная стоимость недвижимости согласно представленному конкурсным управляющим заключению специалиста от 20.01.2020 – 2 050 888 руб. Таким образом, установленная спорным договором цена ниже кадастровой стоимости в семь раз, рыночной – более чем в девять раз. Действия лица, приобретающего имущество по цене, явно ниже кадастровой и рыночной, нельзя назвать осмотрительными и осторожными. Многократное занижение стоимости отчуждаемого имущества должно породить у любого добросовестного и разумного участника гражданского оборота сомнения относительно правомерности такого отчуждения. В подобной ситуации предполагается, что покупатель либо знает о намерении должника вывести свое имущество из-под угрозы обращения на него взыскания и действует с ним совместно, либо понимает, что менеджмент или иные контролирующие должника лица избавляются от имущества общества по заниженной цене по причинам, не связанным с экономическими интересами последнего. Соответственно, покупатель прямо или косвенно осведомлен о противоправной цели должника.

Кроме того, конкурсный управляющий приводил доводы об отсутствии как надлежащих доказательств оплаты имущества и поступления денежных средств обществу, так и финансовой возможности у Семенова Е.П. оплатить имущество в установленном размере. Совокупность установленных обстоятельств спора и приведенных конкурсным управляющим доводов убедительным образом свидетельствовала в пользу того, что отчуждение имущества, скорее всего, осуществлено с целью вывода ликвидного актива из конкурсной массы в ущерб обществу. Бремя их опровержения подлежало переложению на покупателя.

В нарушение требований статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации Семенов Е.П. уникальные характеристики недвижимости, которые бы объективно свидетельствовали о наличии индивидуальных особенностей, столь сильно снижающих ее стоимость, не раскрыл, ходатайство о проведении судебной экспертизы рыночной стоимости имущества не заявил, надлежащих доказательств его оплаты (первичных документов бухгалтерского учета) не представил, добросовестность и разумность своих действий не подтвердил.

[Определение № 305-ЭС21-25831 \(4\) г. от 12 августа 2022 г.¹](#)

¹ См. аналогично:

[Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(8\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(6\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(9\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(12\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(10\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(7\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(14\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(11\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(15\) от 12.08.2022 г.](#), [Определение ВС РФ № 305-ЭС21-25831 \(13\) от 12.08.2022 г.](#)

1. Переводы денежных средств с расчетного счета по поручениям клиентов относятся к числу операций, регулярно выполняемых кредитными организациями. Они, как правило, совершаются в процессе обычной хозяйственной деятельности банка. Поэтому в деле о банкротстве кредитной организации при оспаривании операции по перечислению этой организацией денежных средств клиента с его счета, открытого в данной кредитной организации, обязанность доказывания факта совершения платежа за пределами обычной хозяйственной деятельности (нетипичности операции) изначально возлагается на конкурсного управляющего – агентство (пункт 4 статьи 189.40 Закона о банкротстве). Оспаривающее платеж агентство должно подтвердить наличие условий, составляющих любую из презумпций, указанных в пункте 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве. При их доказанности на клиента банка переходит бремя обоснования того, что, несмотря на наличие обстоятельств, составляющих презумпцию, спорная операция была совершена в процессе обычной хозяйственной деятельности.

2. При исследовании выхода банковской операции за пределы обычной хозяйственной деятельности, необходимо учитывать является ли клиент – плательщик или получатель платежа заинтересованным либо контролирующим лицом по отношению к кредитной организации. При этом добросовестность такого лица и наличие/отсутствие информированности о недостаточности активов банка имеет правовое значение для правильного разрешения вопроса по существу.

3. Презумпция, изложенная в подпункте 1 пункта 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве применима, если: имеется совокупность двух обстоятельств – образовалась картотека (в том числе, скрытая) к тому корреспондентскому счету (субсчету), который был использован для выполнения оспариваемой операции, и при этом спорный платеж совершен с нарушением правил Гражданского кодекса РФ об очередности исполнения поручений клиентов; либо доказано, что в распоряжении клиента, осуществившего оспариваемый платеж через корреспондентский счет (субсчет) в отсутствие формальных признаков нарушения установленной гражданским законодательством очередности исполнения поручений клиентов, или в распоряжении получателя платежа действительно имелись сведения о наличии других неисполненных распоряжений по иному корреспондентскому счету (субсчету) этой же кредитной организации, к которому уже имелась картотека (в том числе, скрытая), что позволяет сделать однозначный вывод о получении предпочтения.

4. Применительно к платежам, не защищенным правилом об обычной хозяйственной деятельности, при определении суммы, полученной обществом с предпочтением, необходимо принимать во внимание, что оспаривание сделок с предпочтением направлено на устранение последствий исполнения должником обязательств с нарушением правил об очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов. В связи с этим необходимо учитывать не только расходные операции по счету общества, но и операции по поступлению денежных средств на счет общества из внешних источников. Когда одна расходная операция привела к предпочтительному получению обществом остатка по его счету, последующая операция, на основании которой на этот же счет поступила денежная сумма из внешних источников, пополнившая корреспондентский счет банка, а значит и конкурсную массу, устраняет данное предпочтение на поступившую сумму. Такой подход соответствует смыслу статьи 61.7 Закона о банкротстве, согласно которой суд может отказать в признании сделки недействительной в случае, если приобретатель по оспариваемой сделке вернул все исполненное в конкурсную массу.

Общество открыло в банке расчетный счет. Банк России в акте проверки банка от 30.10.2019 зафиксировал недостоверность кредитных досье некоторых заемщиков, неправильный учет их задолженности. Банк России пришел к выводу о необходимости понижения качества ссудной задолженности отдельных заемщиков, потребовал доформировать резервы на возможные потери по ссудной задолженности. Впоследствии (24.12.2019) Банк России ввел в отношении банка ограничения в виде запрета на отчуждение активов, запрета на привлечение денежных средств физических лиц, индивидуальных предпринимателей, субъектов малого и среднего бизнеса за исключением лиц, владеющих долями в уставном капитале банка (не менее 1 процента), на размещение привлеченных средств в ссудную и приравненную к ней задолженность. В период с 10.12.2019 по 09.01.2020 общество

осуществило расходные операции по своему счету на общую сумму 30 298 406 рублей 14 копеек. Лицензия на осуществление банковских операций отозвана у банка 10.01.2020, в этот же день назначена временная администрация по управлению кредитной организацией (приказы Банка России от 10.01.2020 № ОД-6 и ОД-7).

Суды установили, что Касперская Н.И. контролировала долю в уставном капитале банка в размере 64 процентов через иностранную компанию. Одновременно ее супруг Ашманов С.И. владел долей в уставном капитале общества в размере 51 процента. Признавая спорные операции недействительными, суд первой инстанции сослался на статьи 61.2, 61.3 и 189.40 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и исходил из того, что операции совершены менее чем за месяц до дня назначения временной администрации. Ввиду наличия корпоративных и семейных связей общество, как указал суд, обладало информацией о неблагоприятном финансовом состоянии банка. Суд счел, что с 24.12.2019 в банке должна была начать формироваться официальная картотека, с 26.12.2019 выявлены факты подачи клиентами банка жалоб на неисполнение их поручений. Суд апелляционной инстанции, согласившись с общим выводом суда первой инстанции о недействительности операций, признал ошибочным применение к спорным отношениям статьи 61.2 Закона о банкротстве и отклонил возражения относительно того, что Касперская Н.И. не располагала информацией о делах кредитной организации, сославшись на то, что добросовестность Касперской Н.И. не имеет правового значения и не может являться основанием для отказа в удовлетворении заявления агентства. Суд округа согласился с судом апелляционной инстанции.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Спорные платежи совершены в течение одного месяца до назначения Банком России временной администрации по управлению банком. В соответствии с пунктом 1 статьи 61.3, статьей 189.40 Закона о банкротстве они могли быть признаны недействительными, если повлекли за собой оказание предпочтения одному из кредиторов по отношению к другим кредиторам банка. При этом в целях обеспечения стабильности гражданского оборота пунктом 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве установлен общий запрет на оспаривание на основании статьи 61.3 этого Закона сделок (платежей), совершенных в рамках обычной хозяйственной деятельности, размер которых не превышает одного процента от стоимости активов должника.

В настоящем споре в обоснование вывода о нетипичности операций суды сослались на презумпцию, изложенную в подпункте 2 пункта 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве, согласно которой предполагается, что банковская операция вышла за пределы обычной хозяйственной деятельности, если клиент – плательщик или получатель платежа является заинтересованным либо контролирующим лицом по отношению к кредитной организации. Как уже отмечалось, эта презумпция является опровержимой. В рассматриваемом случае Касперская Н.И., не отрицая наличие у нее формально-юридического статуса контролировавшего банк лица, а также аффилированность банка и общества, приводила доводы, опровергающие нетипичность спорных операций. Касперская Н.И. ссылаясь на то, что ни она, ни ее муж в анализируемый период не располагали недоступной другим клиентам банка информацией о делах кредитной организации, в связи с чем общество использовало расчетный счет в обычном режиме. Как полагала Касперская Н.И., банк попал в сложное финансовое положение вследствие хищения денежных средств в сумме свыше 1,3 млрд. рублей его руководителями и менеджерами по подложным кредитным договорам. Эти факты скрывались лицами, совершившими хищение, от конечного бенефициара банка Касперской Н.И. По фактам хищения возбуждены уголовные дела. В настоящее время иностранная компания в лице Касперской Н.И. признана потерпевшей по уголовным делам. Вопреки выводам суда апелляционной инстанции, данные возражения Касперской Н.И. о ее добросовестности в контексте информированности о недостаточности активов банка имели правовое значение для правильного разрешения вопроса об опровержении ею презумпции, закрепленной в подпункте 2 пункта 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве, и поэтому подлежали проверке. Такую проверку суд апелляционной инстанции не осуществил.

Агентство не оспаривает, что в анализируемый месячный период со счета общества осуществлялись не только расходные операции, этот счет пополнялся: на него поступали денежные средства со счетов, открытых в иных кредитных организациях, не испытывающих финансовых трудностей. В силу пункта 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Любой разумный участник оборота, зная о неудовлетворительном состоянии обслуживающей его кредитной организации,

не подвергнет себя не имеющему экономического смысла риску – не будет использовать счет, открытый в такой кредитной организации в обычном режиме, перестанет пополнять его, откроет другой счет в иной кредитной организации и проинформирует об этом своих контрагентов. При таких обстоятельствах, агентству следовало обосновать мотивы поведения общества, которое, по версии агентства, зная о кризисе в банке, отклонилось от разумного стандарта поведения.

В обоснование нетипичности операций суды также сослались на презумпцию, закрепленную в подпункте 1 пункта 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве. Данная презумпция применима, если: имелась совокупность двух обстоятельств – образовалась картотека (в том числе, скрытая) к тому корреспондентскому счету (субсчету), который был использован для выполнения оспариваемой операции, и при этом спорный платеж совершен с нарушением правил Гражданского кодекса Российской Федерации об очередности исполнения поручений клиентов; либо доказано, что в распоряжении клиента, осуществившего оспариваемый платеж через корреспондентский счет (субсчет) в отсутствие формальных признаков нарушения установленной гражданским законодательством очередности исполнения поручений клиентов, или в распоряжении получателя платежа действительно имелись сведения о наличии других неисполненных распоряжений по иному корреспондентскому счету (субсчету) этой же кредитной организации, к которому уже имелась картотека (в том числе, скрытая), что позволяло сделать однозначный вывод о получении предпочтения. Суды сочли, что скрытая картотека в банке начала формироваться 24.12.2019. В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в мотивировочной части решения должны быть указаны доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела. В нарушение данной нормы процессуального права вывод судов о начале формирования скрытой картотеки не подкреплен ссылками на какие-либо конкретные доказательства. Более того, этот вывод вступил в противоречие с другим выводом судов относительно того, что на конец дня 24.12.2019 совокупный остаток денежных средств на корреспондентском счете банка был сопоставим с общей суммой непроведенных платежей. Суды указали на то, что с 26.12.2019 выявлены жалобы на неисполнение платежей, сославшись на платежные поручения лишь трех клиентов: одно поручение общества с ограниченной ответственностью «Фирма «Стрит» от 24.12.2019 на 1 500 000 рублей по договору на кредитование расчетного счета (овердрафт); одно поручение общества с ограниченной ответственностью «Мебельный центр» от 26.12.2019 на 200 000 рублей; шесть поручений общества с ограниченной ответственностью «Иноватив» от 27.12.2019 на общую сумму 1 800 088 рублей 4 копейки. В отношении платежного поручения первого клиента суды установили, что оно было отозвано этим клиентом 30.12.2019. Данное поручение является, по своей сути, заявкой на кредитование счета, которая могла быть исполнена банком только в пределах неизрасходованного клиентом лимита (статья 850 Гражданского кодекса Российской Федерации). Без выяснения вопроса о лимите кредитования в форме овердрафта, указанное платежное поручение не могло свидетельствовать о недостаточности средств на корреспондентском счете банка. Поручение второго клиента, как установили суды, отозвано им на следующий день после дня составления – 27.12.2019. Причины отзыва судами не исследованы. При этом фактически суды указали на то, что клиент 26.12.2019 составил платежное поручение, в тот же день подал жалобу на его неисполнение, а на следующий день свое поручение отозвал, что представляется маловероятным. Суды установили, что платежные поручения третьего клиента исполнены 27.12.2019 (одно поручение) и 30.12.2019 (пять поручений). Из установленных судами обстоятельств не ясно, как 26.12.2019 могла быть подана жалоба на неисполнение поручения от 27.12.2019. На какие-либо иные доказательства формирования скрытой картотеки суды не сослались.

Планом счетов бухгалтерского учета для кредитных организаций и порядком его применения (далее – План), являющимися приложением к положению Банка России от 27.02.2017 № 579-П, предусмотрено, что все совершенные за рабочий день операции отражаются в ежедневном балансе кредитной организации (ее филиала) (пункт 28 части I Плана). В Плане закреплен принцип преемственности входящего баланса (пункт 12.7 части I Плана): остатки на балансовых и внебалансовых счетах на начало текущего отчетного периода должны соответствовать остаткам на конец предшествующего периода. В соответствии с Планом счет 47418 предназначен для учета средств, списанных со счетов клиентов, но не проведенных по корреспондентскому счету кредитной организации. По кредиту данного счета зачисляются суммы, списанные с банковских счетов клиентов на основании распоряжений клиентов и (или) взыскателей денежных средств, при отсутствии или недостаточности средств на корреспондентском счете кредитной организации. По дебету счета отражаются суммы,

переводимые кредитной организацией по назначению в соответствии с распоряжениями клиентов и (или) взыскателей денежных средств при поступлении средств на корреспондентский счет; возврат средств на банковский счет клиента в случае поступления в кредитную организацию письменного заявления клиента. Как установили суды, официальная картотека применительно к счету 47418 начала формироваться в банке 30.12.2019. На конец этого дня в данную картотеку поступило 439 платежных поручений на общую сумму 62,8 млн. рублей. Агентство полагало, что 30.12.2019 по счету 47418 были отражены ранее непроведенные банком платежи за предыдущие дни. Суды согласились с утверждениями агентства. Однако согласно пункту 5.5 действовавших в спорный период Правил осуществления перевода денежных средств (положение Банка России от 19.06.2012 № 383-П), платежное поручение действительно для представления в банк в течение 10 календарных дней со дня, следующего за днем его составления. Таким образом, для правильного определения дня, с которого должна была начать формироваться картотека, необходимо выяснить момент фактического поступления в банк поручений, отраженных 30.12.2019 по счету 47418, в том числе с использованием способов дистанционного банковского обслуживания клиентов, что не было сделано судами.

Следовательно, обстоятельства, касающиеся начала образования картотеки, имеющие существенное значение для правильного применения презумпции нетипичности операций, закрепленной подпункте 1 пункта 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве, не были надлежащим образом установлены судами.

Применительно к платежам, не защищенным правилом об обычной хозяйственной деятельности, при определении суммы, полученной обществом с предпочтением по отношению к другим кредиторам, суды не приняли во внимание следующее. Наличие в законодательстве о несостоятельности правил об очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов обусловлено недостаточностью имущества несостоятельного лица для расчетов со всеми кредиторами. Оспаривание сделок (операций) с предпочтением (статья 61.3 Закона о банкротстве) направлено на устранение последствий исполнения должником обязательств с нарушением этих правил. Такое оспаривание применяется в ситуации, когда в преддверии банкротства один из кредиторов получает равноценное удовлетворение в пределах причитающегося ему по обязательству, связывающему должника и кредитора, но сверх того, что кредитор получил бы при распределении конкурсной массы в соответствии с положениями Закона о банкротстве. Данное оспаривание должно приводить к выравниванию шансов всех кредиторов на соразмерное удовлетворение их требований. В рассматриваемом случае агентство вменяет обществу преимущественное получение удовлетворения по обязательству, вытекающему из договора банковского счета, об исполнении распоряжения клиента о перечислении средств или их выдаче в пределах остатка денежных средств на счете (пункт 1 статьи 845 Гражданского кодекса Российской Федерации). Суды ошибочно оценили лишь расходные операции по счету общества, на который в спорный период периодически поступали денежные средства из внешних источников – со счетов, открытых в других кредитных организациях, не испытывающих финансовых трудностей. В ситуации, когда одна расходная операция привела к предпочтительному получению (расходованию) обществом остатка по его счету, последующая операция, на основании которой на этот же счет поступила денежная сумма из внешних источников, пополнившая корреспондентский счет банка, а значит и конкурсную массу, устраняет данное предпочтение на поступившую сумму. Такой подход соответствует смыслу статьи 61.7 Закона о банкротстве, согласно которой суд может отказать в признании сделки недействительной в случае, если приобретатель по оспариваемой сделке вернул все исполненное в конкурсную массу.

Таким образом, сумму, полученную обществом с предпочтением, надлежало исчислять исходя из анализа совокупности операций по списанию средств с его счета и зачислению на этот счет.

Относительно возможности оспаривания платежей общества по правилам статьи 61.2 Закона о банкротстве, судебная коллегия соглашается с судами апелляционной инстанции и округа. В указанной статье речь идет о сделках, целью которых является причинение вреда имущественным правам кредиторов, то есть конкурсной массе в целом, посредством уменьшения имущества должника, увеличения требований к нему и т.п., вследствие чего изменяется общее соотношение совокупных активов должника и всех его обязательств (абзац тридцать второй статьи 2 Закона о банкротстве). В рассматриваемом случае агентство не подвергло сомнению сам факт наличия у банка обязательств перед обществом. Суды не установили, что остаток на счете общества не является реальным и был сформирован искусственно. Поскольку агентство в обоснование своих требований, по сути, ссылалось

только на нарушение интересов кредиторов банка преимущественным удовлетворением требования общества, спорные платежи могли быть признаны недействительными лишь по специальным основаниям, предусмотренным статьей 61.3 Закона о банкротстве, а не статьей 61.2 этого Закона.

[Определение ВС РФ № 309-ЭС21-23067 от 16 августа 2022 г.](#)

На основании пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса в качестве недействительной (ничтожной) может быть квалифицирована сделка, при совершении которой допущено злоупотребление правом, выразившееся в отчуждении имущества с целью предотвращения возможного обращения на него взыскания (удовлетворения требований кредиторов за счет этого имущества). Требования (доводы) о недействительности упомянутой сделки могут быть заявлены любым кредитором, считающим, что действия должника направлены на уменьшение имущества, служившего источником исполнения требований кредиторов, вне зависимости от введения в отношении должника процедур банкротства (внеконкурсное оспаривание).

Изложенное согласуется с правовой позицией, выраженной в пункте 10 Обзора практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127), и кассационной практикой Судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о допустимости внеконкурсного оспаривания (определения 24.11.2020 № 4-КГ20-43-К1, от 27.11.2018 № 78-КГ18-53, от 29.03.2018 № 305-ЭС17-19849, от 13.06.2017 № 301-ЭС16-20128, от 18.04.2017 № 77-КГ17-7, от 20.09.2016 № 49-КГ16-18, от 09.08.2016 № 21-КГ16-6, от 15.12.2014 № 309-ЭС14-923). Конкурсный кредитор, который полагает, что соглашение об отступном, заключенное между должником и другим кредитором, направлено на уменьшение имущества должника, за счет которого должны удовлетворяться ее требования, а заявление о процессуальном правопреемстве направлено на реализацию этого соглашения, вправе обжаловать определение суда первой инстанции о процессуальном правопреемстве.

Общество с ограниченной ответственностью «Городское коммунальное хозяйство-1» обратилось в Арбитражный суд Оренбургской области с исковым заявлением, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, к муниципальному образованию «город Новотроицк» в лице администрации муниципального образования город Новотроицк о взыскании 437 920 руб. 24 коп., в том числе 343 049 руб. 82 коп. задолженности по оплате за содержание жилого помещения за период с 14.10.2016 по 30.06.2018, а также 94 870 руб. 42 коп. пеней.

Решением Арбитражного суда Оренбургской области от 08.09.2020 исковые требования удовлетворены.

В апелляционном и кассационном порядке указанное решение суда участвующими в деле лицами не обжаловано, по истечении срока на обжалование решение вступило в законную силу.

Индивидуальный предприниматель Спильник Мария Васильевна обратилась в арбитражный суд с заявлением о процессуальном правопреемстве от 17.11.2020, в котором просила произвести замену истца (взыскателя) по настоящему делу на себя, ссылаясь на заключенное с обществом «ГКХ - 1» соглашение об отступном 01.07.2019 № 2 (в редакции дополнительного соглашения от 11.12.2020 № 1).

Определением Арбитражного суда Оренбургской области от 16.04.2021 заявление предпринимателя о процессуальном правопреемстве удовлетворено, произведена замена истца (взыскателя) по делу с общества «ГКХ - 1» на Спильник М.В.

На указанное определение гражданкой Аслановой Ириной Геннадьевной, не участвовавшей в деле при его рассмотрении в суде первой инстанции, подана апелляционная жалоба.

Определением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2021 производство по апелляционной жалобе Аслановой И.Г. прекращено применительно к пункту 1 части 1 статьи 150 АПК РФ.

Арбитражный суд Уральского округа постановлением от 24.09.2021 отменил определение от 06.07.2021 и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

По результатам рассмотрения апелляционной жалобы по существу постановлением Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2021 определение суда первой инстанции от 16.04.2021 отменено, в удовлетворении заявления Спильник М.В. о процессуальном правопреемстве отказано.

Арбитражный суд Уральского округа постановлением от 03.03.2022 оставил постановление суда апелляционной инстанции от 22.11.2021 без изменения.

Между обществом «ГКХ-1» (должник) и Спильник М.В. (кредитор) заключено соглашение от 01.07.2019 (в редакции дополнительного соглашения от 11.12.2020 № 1), по условиям которого должник представляет кредитору отступное взамен исполнения обязательства по оплате работ по содержанию общего имущества собственников многоквартирных домов.

Суд первой инстанции, удовлетворяя заявление о правопреемстве, руководствовался положениями статьи 48 АПК РФ и исходил из того, что в силу названного соглашения состоялась перемена лица в обязательстве с общества «ГКХ-1» на Спильник М.В., в связи с чем пришел к выводу о наличии оснований для замены истца (взыскателя) по делу.

Отменяя определение суда и отказывая в процессуальном правопреемстве, суд апелляционной инстанции сослался на положения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс) и пришел к выводу о допущенном обществом «ГКХ-1» и Спильник М.В. злоупотреблении правом при заключении соглашения об отступном от 01.07.2019, поскольку данное соглашение направлено на вывод активов общества «ГКХ-1» аффилированному лицу, что может сделать невозможным удовлетворение требований иных кредиторов данного юридического лица, в том числе требований гражданки Аслановой И.Г., о притязаниях которой на момент заключения соглашения об отступном, сторонам сделки (истцу и правопреемнику) было достоверно известно.

При этом суд апелляционной инстанции признал наличие у гражданки Аслановой И.Г. права на обжалование определения суда первой инстанции, сославшись на то, что вступившим в законную силу решением Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 22.01.2019 по делу №2-46/2019 с общества «ГКХ-1» в ее пользу взыскан ущерб от затопления в сумме 405 371 руб., компенсация морального вреда в сумме 2 500 руб., штраф в сумме 50 000 руб., расходы по оценке ущерба в сумме 10 000 руб.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации находит правильными выводы судов о том, что Асланова И.Г. была вправе обжаловать определение суда первой инстанции, состоявшееся по вопросу о процессуальном правопреемстве, отклоняя доводы кассационной жалобы Спильник М.В. в указанной части, исходя из следующего.

В силу части 1 статьи 48 АПК РФ основанием процессуального правопреемства является выбытие одной из сторон в спорном или установленном судебным актом арбитражного суда правоотношении, в том числе реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга. Это означает, что процессуальное правопреемство обуславливается правопреемством в материальном праве. Суд может произвести процессуальное правопреемство только при условии, если состоялось правопреемство в материально-правовом смысле (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.2021 № 304-ЭС19-24625, от 29.03.2019 № 303-ЭС18-23092, от 23.03.2015 № 307-ЭС14-4404, от 22.04.2015 № 302-ЭС15-493).

Поскольку недействительность сделки, опосредующей выбытие одной из сторон в правоотношении, исключает правопреемство в материально-правовом смысле (пункт 1 статьи 167 Гражданского кодекса), то доводы о недействительности (ничтожности) сделки, заявленные заинтересованным лицом при разрешении вопроса о процессуальном правопреемстве, могут быть рассмотрены судом по существу.

Такого рода доводы, как сводящиеся по сути к применению последствий недействительности сделки, могут быть заявлены не только стороной договора, но и лицом, не являющимся стороной ничтожной сделки, если это необходимо для защиты права данного лица и гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права (пункт 3 статьи 166 Гражданского кодекса и пункт 78 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В частности, на основании пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса в качестве недействительной (ничтожной) может быть квалифицирована сделка, при совершении которой допущено злоупотребление правом, выразившееся в отчуждении имущества с целью предотвращения возможного обращения на него взыскания (удовлетворения требований кредиторов за счет этого имущества). Требования (доводы) о недействительности упомянутой сделки могут быть заявлены любым кредитором, считающим, что действия должника направлены на уменьшение имущества, служившего источником исполнения

требований кредиторов, вне зависимости от введения в отношении должника процедур банкротства (внеконкурсное оспаривание).

Изложенное согласуется с правовой позицией, выраженной в пункте 10 Обзора практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127), и кассационной практикой Судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о допустимости внеконкурсного оспаривания (определения 24.11.2020 № 4-КГ20-43-К1, от 27.11.2018 № 78-КГ18-53, от 29.03.2018 № 305-ЭС17-19849, от 13.06.2017 № 301-ЭС16-20128, от 18.04.2017 № 77-КГ17-7, от 20.09.2016 № 49-КГ16-18, от 09.08.2016 № 21-КГ16-6, от 15.12.2014 № 309-ЭС14-923).

Таким образом, поскольку гражданка Асланова И.Г. является кредитором общества «ГКХ-1» и полагает, что соглашение об отступном заключено в целях уменьшения имущества должника, за счет которого должны удовлетворяться ее требования, а заявление о процессуальном правопреемстве направлено на реализацию этого соглашения, она была вправе обжаловать определение суда первой инстанции о процессуальном правопреемстве, ее жалоба подлежала рассмотрению судом апелляционной инстанции.

Между тем при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции не учтено следующее.

Из взаимосвязанных положений статей 46 (часть 1), 52, 53 и 120 Конституции Российской Федерации вытекает предназначение судебного контроля как способа разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности суда. Право на беспристрастный суд, предполагающее отсутствие предубеждения и пристрастности судей, является одним из неотъемлемых свойств права на судебную защиту.

Как следует из ряда решений Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 18.11.2014 № 30-П и от 25.03.2008 № 6-П, определения от 05.03.2014 № 550-О и др.), беспристрастность суда в объективном смысле подразумевает наличие достаточных гарантий, исключающих какие-либо сомнения по поводу того, что у судьи при рассмотрении дела отсутствует всякая заинтересованность и личное предубеждение. Объективный подход констатирует пристрастность судьи при наличии обстоятельств, которые позволяют любому стороннему наблюдателю сомневаться в том, что дело будет рассмотрено непредвзято.

В силу положений пункта 1 части 1 статьи 21, части 1 статьи 22 АПК РФ судья не может участвовать в рассмотрении дела и подлежит отводу, если при предыдущем рассмотрении данного дела он участвовал в нем в качестве судьи и его повторное участие в рассмотрении дела в соответствии с требованиями АПК РФ является недопустимым. Судья, принимавший участие в рассмотрении дела в арбитражном суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в судах апелляционной и кассационной инстанций, а также в порядке надзора.

В связи с этим судья, рассматривавший в соответствии с частью 1 статьи 136 АПК РФ дело в предварительном судебном заседании арбитражного суда первой инстанции, не вправе рассматривать его в составе судей арбитражного суда апелляционной инстанции (пункт 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2005 № 99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»).

Несоблюдение требования беспристрастности, в том числе по основаниям, связанным с повторным участием судьи в рассмотрении дела, свидетельствует о незаконности состава суда, что само по себе признается существенным нарушением норм процессуального права.

Как усматривается из постановления суда апелляционной инстанции от 22.11.2021, апелляционная жалоба Аслановой И.Г. на определение суда первой инстанции от 16.04.2021 рассмотрена единолично судьей Тарасовой Т.В., которая также принимала участие в рассмотрении данного дела в суде первой инстанции.

В частности, при рассмотрении дела в суде первой инстанции судьей Тарасовой С.В. вынесены определения: о принятии искового заявления к производству, подготовке дела к судебному заседанию и назначении предварительного судебного заседания от 02.07.2019, о назначении дела к судебному разбирательству от 24.07.2019, об отложении судебного заседания от 25.09.2019, 23.12.2019, о замене ненадлежащего ответчика от 23.01.2020, об отложении судебного заседания от 30.01.2020 и от 03.03.2020.

Таким образом, на основании положений части 1 статьи 22, части 1 статьи 23 АПК РФ, начав рассматривать дело в суде первой инстанции, судья Тарасова С.В. в дальнейшем не могла рассматривать данное дело в качестве судьи арбитражного апелляционного суда, в том числе по жалобам, поданным на отдельные определения суда первой инстанции, принятые другими судьями, и подлежала отводу (самоотводу).

[Определение ВС РФ № 308-ЭС18-23771 \(11, 12, 13\) от 18 августа 2022 года](#)

При разрешении вопроса о признании недействительным комплексного договора о переработке давальческого сырья необходимо исследовать доводы, объясняющие причины совершения спорной сделки, раскрывающие структуру взаимоотношений сторон и опровергающие выводы об отсутствии для должника и его кредиторов убытков от спорной сделки. Для проверки указанных доводов и установления обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора, судам необходимо исследовать всю совокупность взаимоотношений сторон, участвующих в исполнении давальческого договора и определить, были бы погашены требования кредиторов, если бы названный договор не был заключен, а должник соединял бы полный цикл функций по закупке сырья, производству и реализации готовой продукции. Соответственно, для этого необходимо установить сумму затрат на приобретение сырья у поставщиков, затрат должника на его переработку и разумную норму прибыли за выполнение соответствующих работ, размер выручки ответчика от реализации продукции. Кроме того, следует определить, имеется ли существенная диспропорция между затратами общества-давальца (Заказчика) на исполнение договора и его доходами (аномально высокие показатели прибыли).

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий Кузнецов Т.И. обратился с заявлением о признании недействительным условия о цене услуги по переработке апатита и калия углекислого для производства сульфата калия, предусмотренного заключенным между должником и обществом «Кашемир Капитал» комплексным договором о переработке давальческого сырья от 10.10.2018, применении последствий недействительности сделки.

Определением суда первой инстанции от 17.03.2021, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции от 06.12.2021 и округа от 10.03.2022, в удовлетворении заявленных требований отказано.

20.04.2018 возбуждено производство по делу о банкротстве завода.

10.10.2018 между должником (подрядчиком) и обществом «Кашемир капитал» (заказчиком, давальцем) заключен комплексный договор о переработке давальческого сырья, по условиям которого должник обязался, в том числе выполнять переработку поступающего от заказчика сырья, осуществлять отгрузку готовой продукции потребителям. Согласно пункту 10.2 договора цена услуг определяется за каждый отчетный период в соответствии с техническим заданием. Впоследствии дополнительными соглашениями стоимость услуг по переработке сырья неоднократно изменялась.

Полагая, что условие договора о цене услуг по переработке сырья является неравноценным, конкурсный управляющий должника Кузнецов Т.И. 12.03.2020 обратился с рассматриваемым заявлением, просив в качестве последствий недействительности условия взыскать с заказчика неосновательное обогащение в размере 74 059 920,55 руб. При этом в период рассмотрения спора 01.08.2020 договор расторгнут сторонами.

Разрешая спор, суды сослались на положения статей 61.1, 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и исходили из следующего. Суды отметили, что в настоящем случае оспаривается не договор полностью, а лишь его условие о цене, в то же время заключение договора на переработку давальческого сырья являлось для должника целесообразным и было направлено по получение последним прибыли. В частности, суды обратили внимание на то, что в дело конкурсным управляющим представлено заключение специалиста ООО «НПФ «Информаудитсервис», согласно которому деятельность по переработке является экономически целесообразной, приносящей маржинальный доход, который в 2019 году составил 219 000 000 руб. Ходатайств о проведении по делу судебной экспертизы по вопросу о проверке рыночной стоимости услуг должника участниками процесса не заявлено. Суды также отклонили доводы кредиторов об

аффилированности давальца с основным кредитором должника (обществом с ограниченной ответственностью «Алмаз Капитал») и с самим должником.

Кроме того, суды отметили, что договорная стоимость услуг по переработке давальческого сырья в спорный период не могла в полном объеме покрывать себестоимость таких услуг, поскольку в отмеченный промежуток времени высокий размер себестоимости связан с перезапуском производства на заводе. Помимо этого, суды сделали вывод, что в рассматриваемой ситуации убыточность сделки не является признаком ее недействительности.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 305-ЭС20-14492 (2) по делу о банкротстве одного из бывших акционеров завода (Махова С.В.) указано, что в 2018 году Авдолян А.А. осуществил выкуп как мажоритарного пакета акций Гидрометаллургического завода, так и принадлежавших ПАО «Сбербанк России» прав требований к корпоративной группе, получив возможность контролировать ее и как основной собственник акций, и как мажоритарный кредитор.

Кроме того, данным определением констатировано, что в деле о банкротстве Гидрометаллургического завода подконтрольными бенефициару структурами реализуется давальческая схема посредством перераспределения прибыли от деятельности завода в пользу общества «Кашемир Капитал».

При рассмотрении настоящего обособленного спора кредиторы ссылались на указанное определение в обоснование своих доводов как об аффилированности сторон оспариваемой сделки, так и ее невыгодности. С учетом различного субъектного состава лиц по указанному делу и по настоящему обособленному спору приведенные обстоятельства не могут формально противопоставляться сторонам как преюдициальные (статья 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Вместе с тем суды должны были учесть соответствующие выводы из дела о банкротстве Махова С.В., и в случае несогласия с ними – привести соответствующие мотивы, на основании которых они пришли к иным выводам. Однако судами этого сделано не было.

Помимо этого на протяжении рассмотрения настоящего обособленного спора заявители (уполномоченный орган, общества «Энергосберегающие технологии» и «Реторг») приводили доводы, объясняющие причины совершения спорной сделки, раскрывающие структуру взаимоотношений сторон и опровергающие выводы об отсутствии для должника и его кредиторов убытков от спорной сделки. В частности, заявители отмечали, что, исполняя спорный давальческий договор, должник работал в убыток: себестоимость переработки составила 2,4 млрд. руб., в то время как от давальца должник получил только 1,9 млрд. руб. При этом разница 500 млн. руб. оплачена обществом «Кашемир Капитал» (давальцем) за должника в пользу третьих лиц, после чего требования давальца на указанные 500 млн. руб. были установлены в реестре текущих платежей. Тем самым исполнение давальческого договора не только не приносило должнику доход, но и повлекло наращивание текущей задолженности, погашение которой осуществляется не за счет прибыли от переработки сырья, а от реализации конкурсной массы.

Заявители обращали внимание, что убыток завода возникал следующим образом: при реализации давальческой схемы на мощностях завода добавочная стоимость готового продукта не была учтена при формировании стоимости переработки. Нерыночный характер взаимоотношений сторон также отражен в аномально высоких финансовых показателях общества «Кашемир Капитал». В частности, данное общество, затратив на переработку 2,4 млрд. руб., получило совокупную выручку за спорный период в размере около 9,5 млрд. руб. Таким образом, по мнению заявителей, производственные мощности, материально-технические и трудовые ресурсы должника были использованы для получения выгоды исключительно на стороне аффилированного давальца во вред независимым кредиторам.

При этом, как полагают заявители, вывод судов о прибыльности спорного договора на основании частного заключения является ошибочным в связи с освобождением заинтересованных лиц от представления надлежащих доказательств по ходатайству уполномоченного органа. Конкурсным управляющим критически занижены показатели реализации для расчета убытков, сумма непредставленных счетов-фактур составила 1 млрд. рублей на дату рассмотрения спора. Заявители отмечали, что они обращались с жалобой на конкурсного управляющего Кузнецова Т.И., который в процедуре банкротства не предпринимал мер по расторжению давальческого договора. С заявлением по настоящему обособленному спору Кузнецов Т.И. обратился именно в период рассмотрения жалобы на его действия (бездействие).

По мнению заявителей, обращаясь с иском по настоящему спору, управляющий не имел действительного интереса в оспаривании давальческого договора, а соответствующее заявление являлось для него вынужденным и формальным. В частности, Кузнецов Т.И., будучи формально истцом, приобрел в материалы дела заключение ООО «НПФ «Информаудитсервис» о доходности давальческого договора, то есть представил доказательство в пользу ответчика, что противоречит его формальному процессуальному статусу истца.

Заявители обращали внимание, что договор заключен 10.10.2018, то есть после возбуждения дела о банкротстве (20.04.2018) и после перехода контроля над корпоративной группой (в которую входил Гидрометаллургический завод) к Авдоляну А.А. (04.10.2018); договор заключен при наличии признаков неплатежеспособности должника; в период исполнения договора фактическое руководство должником и распределение причитающихся в счет оплаты по договору платежей осуществлял сотрудник общества «Кашемир Капитал» Красильников О.А. При этом в п. 16.1 договора стороны предусмотрели обязанность должника не заключать аналогичные договоры о переработке давальческого сырья с другими лицами. Названные обстоятельства имели существенное значение для рассмотрения настоящего спора. Однако в нарушение положений статей 71, 168, 170, 271 и 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации указанные доводы кредиторов не получили правовой оценки со стороны судов, которые фактически ограничились ссылкой на заключение специалиста ООО «НПФ «Информаудитсервис», что явно недостаточно для полноценного рассмотрения спора с учетом сложной структуры деятельности корпоративной группы. Приведенные доводы дают основания полагать, что после приобретения корпоративного контроля над группой и ее кредиторской задолженности новый собственник реализовал бизнес-модель с использованием производственных мощностей должника по давальческой схеме, при которой вся затратная часть производственно-сбытовой цепочки («центр убытков») возлагалась на должника, находящегося в процедуре конкурсного производства, а аккумуляция доходов от продажи выпущенной должником готовой продукции («центр прибыли») осуществлялось давальцем, что в своей совокупности причинило вред независимым кредиторам.

Для проверки указанных доводов и установления обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора, судам необходимо было исследовать всю совокупность взаимоотношений сторон, участвующих в исполнении давальческого договора и определить, были бы погашены требования кредиторов, если бы названный договор не был заключен, а завод соединял бы полный цикл функций по закупке сырья, производству и реализации готовой продукции. Соответственно, для этого необходимо установить сумму затрат на приобретение сырья у поставщиков, затрат должника на его переработку и разумную норму прибыли за выполнение соответствующих работ, размер выручки ответчика от реализации продукции. Кроме того, следует определить, имеется ли существенная диспропорция между затратами общества «Кашемир Капитал» на исполнение договора и его доходами (аномально высокие показатели прибыли, на которые ссылались кредиторы).

При установлении соответствующих обстоятельств необходимо учитывать и доводы обществ «Кашемир Капитал» и «Алмаз Капитал», которые указывали, что завод до приобретения Авдоляном А.А. был остановлен, на его перезапуск требовалось финансирование, которое отсутствовало у прежних бенефициаров. Соответственно, подобное финансирование (если оно не являлось внутригрупповым) должно учитываться в структуре расходов ответчика при определении полученной им прибыли.

Включение в реестре требований кредиторов и компециационное финансирование

[Определение ВС РФ № 306-ЭС22-4502 от 4 августа 2022 г.](#)

Если обществу-векселедателью было предоставлено финансирование из двух источников (от первых векселедержателей на основании сделок, лежащих в основе выдачи простых векселей, а также от кредитной организации на основании ряда кредитных договоров, в обеспечение исполнения которых векселя были переданы в залог), каждый из которых увеличил имущественную массу общества-векселедателя, общество должно возратить каждое из предоставленных финансирований.

Если вексель передан в залог по именному залоговому индоссаменту, залогодержатель вправе осуществлять все права по векселю, в том числе право на получение причитающейся по векселю суммы от обязанных лиц, не прибегая к установленному ГК РФ порядку реализации

заложенного имущества при обращении на него взыскания. Напротив, индоссант, поставивший залоговый индоссамент, не может заявить векселедателю какое-либо самостоятельное требование о включении вексельной задолженности в реестр требований кредиторов, поскольку осуществление права, удостоверенного векселем, возможно только по его предъявлению. Такой индоссант, не включивший в индоссамент оговорку об исключении своей ответственности, сам отвечает перед векселедержателем.

Векселедатель, которому предъявлено требование векселедержателем, владеющим векселем на основании залогового индоссамена, не вправе требовать предоставления договора о залоге или иных документов для подтверждения прав векселедержателя на получение вексельной суммы. Наличие и действительность этого права предполагаются; его отсутствие или недействительность должны быть доказаны заинтересованным лицом. В том случае, если факты, свидетельствующие о фиктивности первоначального денежного предоставления, осуществленного в счет выдачи векселей, не доказаны, требование о выплате вексельного долга не может быть признано необоснованным.

Вексельное требование может быть понижено в очередности, если оно предъявлено владеющим векселем обществом, предоставившим компенсационное финансирование. Такому обществу могут быть противопоставлены возражения, основанные на его личных отношениях к векселедателю, поскольку данным лицам известна компенсационная природа сделки, лежащей в основании выдачи (передачи) векселей. Возражения, основанные на личных отношениях к лицу, передавшему вексель в залог (индоссанту), могут быть заявлены векселедержателю лишь в том случае, если векселедержатель, получая вексель, действовал сознательно в ущерб должнику.

Общество «Вертикаль» выдало обществу «Росскат-Капитал» ряд простых векселей серии ВЛ: от 29.12.2016 № 062 номинальной стоимостью 57 000 000 рублей; от 31.03.2017 № 063 номинальной стоимостью 21 300 000 рублей; от 12.04.2017 № 064 номинальной стоимостью 2 300 000 рублей; от 29.06.2017 № 066 номинальной стоимостью 25 000 000 рублей; от 08.11.2017 № 069 номинальной стоимостью 2 300 000 рублей; от 30.03.2018 № 080 номинальной стоимостью 18 000 000 рублей; от 29.06.2018 № 082 номинальной стоимостью 25 500 000 рублей; от 27.09.2018 № 087 номинальной стоимостью 27 000 000 рублей.

Общество «Росскат-Капитал» в дни выдачи ему указанных векселей уплатило обществу «Вертикаль» по платежным поручениям суммы, равные номинальной стоимости векселей. Кроме того, по договору от 31.07.2018 общество «Росскат-Капитал» приобрело у общества с ограниченной ответственностью «МедМаш» простые векселя от 29.12.2017 серии ВК, выданные обществом «Вертикаль»: № 74 номинальной стоимостью 19 900 420 рублей; № 75 номинальной стоимостью 100 000 000 рублей; № 76 номинальной стоимостью 100 000 000 рублей; № 77 номинальной стоимостью 516 308 рублей 84 копейки. После выдачи упомянутых векселей общество «Вертикаль» некоторые из них частично оплатило, перечислив обществу «Росскат-Капитал» денежные средства и выдав на неоплаченную часть новые простые векселя взамен прежних. В результате указанных операций у общества «Вертикаль» возникли вексельные обязательства перед обществом «Росскат-Капитал» на общую сумму 381 146 728 рублей 84 копейки, удостоверенные следующими векселями серии ВЛ: от 31.01.2018 № 078 номинальной стоимостью 100 000 000 рублей; от 28.04.2018 № 081 номинальной стоимостью 100 000 рублей от 29.06.2018 № 082 номинальной стоимостью 25 500 000 рублей; от 01.08.2018 № 084 номинальной стоимостью 100 000 000 рублей; от 01.08.2018 № 085 номинальной стоимостью 100 000 000 рублей; 4 от 01.08.2018 № 086 номинальной стоимостью 18 216 728 рублей 84 копейки; от 27.09.2018 № 087 номинальной стоимостью 27 000 000 рублей; от 30.10.2018 № 088 номинальной стоимостью 10 330 000 рублей. Затем общества «Вертикаль» и «Росскат-Капитал» на основании договора от 18.12.2018 заменили названные векселя на один простой беспроцентный вексель от 18.12.2018 серии ВЛ № 090 номинальной стоимостью 381 146 728 рублей 84 копейки со сроком платежа по предъявлению, но не ранее 01.08.2022.

Общество «Росскат-Капитал» и правопреемник банка «Траст» заключили договор залога данного векселя в обеспечение исполнения кредитных обязательств общества «Вертикаль» по ряду кредитных договоров. Общество «Росскат-Капитал» фактически передало вексель правопреемнику банка «Траст» по именному залоговому индоссаменту, содержащему оговорку

«валюта в залог». Суды установили, что в основе сделок по выдаче векселей лежат реальные заемные обязательства общества «Вертикаль». В анализируемый период оно находилось под контролем общества «Росскат-Капитал», являющегося мажоритарным участником с долей участия в размере 99,98 процента.

Общество «Росскат-Капитал» посредством оплаты сделок по выдаче одних векселей и приобретения других векселей, по сути, профинансировало подконтрольное общество, находящееся в ситуации имущественного кризиса. Исходя из этого суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что общество «Росскат-Капитал» не вправе требовать возврата предоставленного им ранее финансирования до расчетов с независимыми кредиторами, в том числе с банком «Траст», сославшись на Обзор судебной практики по разрешению споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020 (далее – обзор от 29.01.2020).

Кроме того, суды указали, что общество «Росскат-Капитал» не является держателем векселя от 18.12.2018 серии ВЛ № 090, а потому не вправе реализовывать права по этому векселю. По таким основаниям суды отказали во включении требования общества «Росскат-Капитал» в реестр требований кредиторов общества «Вертикаль».

Отказывая в удовлетворении заявления банка «Траст», суды сочли, что вексельная задолженность не является самостоятельным долгом общества «Вертикаль» перед банком «Траст», поскольку вексель передан кредитной организации в обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам. При этом требования банка «Траст» по обеспечиваемым кредитным сделкам уже признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов общества «Вертикаль».

Суд округа, отменяя судебные акты в части, исходил из того, что в результате передачи векселя в залог правопродшественнику банка «Траст» у общества «Росскат-Капитал» сохранились требования к обществу «Вертикаль», которые должны быть субординированы по отношению к вексельным требованиям упомянутого банка. Отказ в удовлетворении заявления общества «Росскат-Капитал» в полном объеме, по мнению окружного суда, создал правовую неопределенность относительно того, каким образом названное общество имеет возможность реализовать права кредитора.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В рамках настоящего обособленного спора суды констатировали факт получения обществом «Вертикаль» финансирования из двух источников: от кредитной организации на основании ряда кредитных договоров, по которым названное общество получило суммы кредитов, и от первых векселедержателей на основании сделок, лежащих в основе выдачи простых векселей, которые также сопровождалась передачей обществу «Вертикаль» денежных средств. И первое, и второе финансирование увеличивали имущественную массу общества «Вертикаль», поэтому каждое из них должно было быть этим обществом возвращено: первое – в силу пункта 1 статьи 819 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), второе – в соответствии со статьями 43, 75 и 77 Положения о переводном и простом векселе, введенного в действие постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР от 07.08.1937 № 104/1341.

По первому виду финансирования кредитором общества «Вертикаль» является банк «Траст» как правопреемник кредитной организации, предоставившей суммы кредитов. В отношении второго вида финансирования кредитором упомянутого общества также стал банк «Траст».

Так, вследствие передачи ему по именному залоговому индоссаменту простого векселя от 18.12.2018 серии ВЛ № 090, заменившего ранее выданные обществом «Вертикаль» простые векселя, банк приобрел статус законного векселедержателя и на основании статей 19, 77 Положения о векселе вправе осуществлять все права по векселю, в том числе право на получение причитающейся по векселю суммы от обязанных лиц, не прибегая к установленному ГК РФ порядку реализации заложенного имущества при обращении на него взыскания (пункт 3 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.01.2002 № 67 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с применением норм о залоге и иных обязательственных сделках с ценными бумагами» (далее – информационное письмо № 67), пункт 31 совместного постановления пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.12.2000 № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» (далее – постановление № 33/14)).

Общество «Росскат-Капитал», во владении которого вексель не находится, наоборот, не могло заявить обществу «Вертикаль» какое-либо самостоятельное требование о включении вексельной задолженности в реестр требований кредиторов, поскольку осуществление права, удостоверенного векселем, возможно только по его предъявлению (пункт 1 статьи 142 ГК РФ, пункт 6 постановления № 33/14). Более того, общество «Росскат-Капитал», включившее в индоссамент оговорку «валюта в залог», не включило в него оговорку «без оборота на меня» или какое-либо равнозначное выражение. Статьи 15, 77 Положения о векселе предусматривают, что индоссант, поскольку не оговорено обратное, отвечает за платеж. Это положение распространяется и на лицо, поставившее залоговый индоссамент. Поскольку в данном случае в индоссаменте не содержалась оговорка об исключении ответственности индоссанта (общества «РосскатКапитал»), он сам отвечает перед векселедержателем (банком «Траст») в порядке, предусмотренном статьями 48, 77 Положения о векселе (пункт 2 информационного письма № 67).

Суд округа, оставив в силе судебные акты судов первой и апелляционной инстанций об отказе во включении в реестр требований кредиторов общества «Вертикаль» вексельного требования банка «Траст» – законного векселедержателя, основывающего свое право на непрерывном ряде индоссаментов, и направив на новое рассмотрение заявление общества «Росскат-Капитал», касающееся того же самого векселя, по сути, отдал приоритет требованию лица, обязанного перед банком «Траст» за платеж по векселю, не исполнившего это обязательство и не владеющего ценной бумагой, перед требованием законного держателя векселя, что не соответствует приведенным нормам вексельного законодательства.

К отношениям же держателя векселя с залоговым индоссаментом и векселедателя применяются специальные правила Положения о векселе. Векселедатель, которому предъявлено требование векселедержателем, владеющим векселем на основании залогового индоссамента, не вправе требовать представления договора о залоге или иных документов для подтверждения прав векселедержателя на получение вексельной суммы. Наличие и действительность этого права предполагаются; его отсутствие или недействительность должны быть доказаны заинтересованным лицом (пункт 31 постановления № 33/14). Суды первой и апелляционной инстанций, отказывая во включении вексельной задолженности в реестр, исходили из компенсационной природы финансирования, предоставленного обществом «Росскат-Капитал» обществу «Вертикаль», по сделкам, на основании которых первым получены (приобретены) векселя. Однако, как установили суды, совершение обществом «Вертикаль» сделок по выдаче векселей и, как следствие, принятие им обязательств по уплате вексельного долга обусловлено предоставлением первыми векселедержателями обществу «Вертикаль» денежных средств. Поскольку судами не были установлены факты, которые бы свидетельствовали о фиктивности упомянутого первоначального денежного предоставления, осуществленного в счет выдачи векселей (о предоставлении данного финансирования за счет средств, выведенных со счетов самого общества «Вертикаль», либо о возврате полученного им финансирования через ряд транзитных платежных операций, не отражающих реальное положение дел, и т.п.), у судов не имелось оснований для признания требования о выплате вексельного долга необоснованным.

Установленные судами обстоятельства в соответствии со статьями 17, 77 Положения о векселе, а также правовыми позициями, закрепленными в пунктах 3 и 4 обзора от 29.01.2020, являлись достаточными для понижения очередности удовлетворения вексельного требования, если бы оно было предъявлено владеющим векселем обществом «Росскат-Капитал», которому могли быть противопоставлены возражения, основанные на его личных отношениях к векселедателю, поскольку данным лицам известна компенсационная природа сделки, лежащей в основании выдачи (передачи) векселей (по смыслу разъяснений, данных в пункте 9 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.07.1997 № 18 «Обзор практики разрешения споров, связанных с использованием векселя в хозяйственном обороте»).

В настоящем деле требование о включении вексельного долга в реестр предъявлено векселедержателем по залоговому индоссаменту. В соответствии с частью 2 статьи 19 Положения о векселе обязанные лица не могут заявлять против такого векселедержателя возражений, основанных на их личных отношениях к лицу, передавшему вексель в залог (индоссанту), если только векселедержатель, получая вексель, не действовал сознательно в ущерб должнику. Обязанные лица вправе ссылаться на возражения, основанные на своих отношениях с лицом, являющимся держателем векселя на основании залогового индоссамента. Применительно к банку «Траст» соответствующие

обстоятельства, касающиеся возможности противопоставления ему личных возражений относительно понижения очередности удовлетворения его вексельного требования, судами не устанавливались.

[Определение ВС РФ по делу № 306-ЭС22-1051 от 8 августа 2022 г.](#)

Кредитор имеет право на установление его требований как в деле о банкротстве основного должника, так и поручителя (в том числе если поручитель несет субсидиарную ответственность), а при наличии нескольких поручителей - и в деле о банкротстве каждого из них. Если требования кредитора уже установлены в деле о банкротстве основного должника, то при заявлении их в деле о банкротстве поручителя состав и размер требований к поручителю определяются по правилам статьи 4 Закона о банкротстве, исходя из даты введения процедуры банкротства в отношении основного должника (пункт 51 Постановления № 42).

Расширительное толкование пункта 52 Постановления № 42, разъясняющего основания отказа кредитору в удовлетворении требования к поручителю, недопустимо (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2018 № 305-ЭС17-22521); одного непринятия кредитором мер по увеличению периода взыскания неустойки в отношении основного должника недостаточно для возложения на него негативных последствий в виде отказа в удовлетворении требования в этой части к поручителю.

В рамках дела о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Межрайонный напорный самоточный коллектор» (далее – общество «МНСК», должник) акционерное общество «Российский Сельскохозяйственный банк» (далее – банк) обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов общества «МНСК» задолженности в сумме 146 042 553 руб. 68 коп. Определением Арбитражного суда Самарской области от 04.05.2021, оставленным без изменения постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.07.2021 и постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 30.11.2021, заявление удовлетворено частично: включено требование банка по кредитному договору от 11.11.2016 № 161300/0104 в сумме 32 287 957 руб. 41 коп. в реестр требований кредиторов общества «МНСК» в состав требований кредиторов третьей очереди; включено требование банка по кредитному договору от 16.11.2017 № 171300/0183 в сумме 73 171 090 руб. 44 коп. в реестр требований кредиторов общества «МНСК» в состав требований кредиторов третьей очереди; включено требование банка по кредитному договору от 17.02.2017 № 171300/0017 в сумме 19 946 360 руб. 10 коп. в реестр требований кредиторов общества «МНСК» в состав требований кредиторов третьей очереди. В удовлетворении остальной части требований отказано.

Требование банка предъявлено к должнику как поручителю в связи с неисполнением заемщиком (обществом «Мясоагропром») договорных обязательств по кредитным договорам: от 17.02.2017 № 171300/0017 об открытии кредитной линии с лимитом выдачи, от 11.11.2016 № 161300/0104 об открытии кредитной линии с лимитом выдачи, от 16.11.2017 № 171300/0183 об открытии кредитной линии с лимитом выдачи. Согласно пункту 6.2 кредитных договоров, а также пункту 1 дополнительных соглашений от 31.07.2018, 26.04.2019 и 31.07.2018 соответственно надлежащее исполнение заемщиком обязательств обеспечивается поручительством общества «МНСК» (должника). Кроме того, исполнение договоров обеспечивалось договорами поручительства иных лиц и залогом имущества общества «Мясоагропром». Заемщик допускал просрочки по внесению платежей по кредитным договорам, в связи с чем у него образовалась задолженность перед банком.

Определением Арбитражного суда Самарской области от 02.12.2019 по делу № А55-36457/2019 принято заявление банка о признании общества «Мясоагропром» несостоятельным (банкротом); определением от 01.06.2020 в отношении общества «Мясоагропром» введено наблюдение, а решением того же суда от 03.11.2020 оно признано несостоятельным (банкротом), открыта процедура конкурсного производства.

На основании судебных актов Арбитражного суда Самарской области, принятых по делам № А55-29710/2019, А55-29705/2019 и А55-29708/2019 о взыскании задолженности по кредитным договорам с основного должника и его поручителя общества «МНСК» определением Арбитражного суда Самарской области от 01.06.2020 (резольтивная часть от 25.05.2020) в состав требований кредиторов общества «Мясоагропром» в третью очередь как обеспеченное залогом имущества должника включены требования банка в следующем размере: по кредитному договору от 17.02.2017 № 171300/0017 в размере 19 946 360 руб. 10 коп., в том числе 19 053 009 руб. 24 коп. основного долга, 893 350 руб. 86 коп.

неустойки; по кредитному договору от 11.11.2016 № 161300/0104 в размере 32 287 957 руб. 41 коп., из них 31 999 896 руб. 37 коп. основной долг, 288 061 руб. 04 коп. неустойка; по кредитному договору от 16.11.2017 № 171300/0183 в размере 73 171 090 руб. 44 коп., из них 70 520 942 руб. 51 коп. основной долг, 2 650 147 руб. 93 коп. неустойка. При этом периоды начисления неустойки по договорам заканчивались соответственно 30.08.2019, 29.10.2019 и 03.12.2019, то есть до введения в отношении должника наблюдения 25.05.2020.

Определением Арбитражного суда Самарской области от 12.03.2020 по настоящему делу принято заявление общества «МСНК» о признании его несостоятельным (банкротом); определением того же суда от 22.09.2020 в отношении поручителя введена процедура наблюдения.

Рассмотрев заявление банка о включении в реестр требований кредиторов общества «МСНК» задолженности в сумме 146 042 553 руб. 68 коп., суды удовлетворили его частично в пределах суммы, включенной в реестр требований кредиторов основного должника – общества «Мясоагропром». При этом суды руководствовались статьями 71, 100 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), статьями 329, 363 Гражданского кодекса Российской Федерации 4 (далее – ГК РФ), разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» (далее – Постановление № 42), и исходили из того, что включение в реестр требований кредиторов поручителя спорных сумм нарушит принцип недопустимости увеличения объема обязательств поручителя по отношению к объему обязательств самого заемщика.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Установление требований кредиторов осуществляется арбитражным судом в соответствии с порядком, определенным статьями 71 и 100 Закона о банкротстве, в зависимости от процедуры банкротства, введенной в отношении должника.

Согласно пунктам 1, 2 статьи 363 ГК РФ при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя. Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 49 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» при рассмотрении споров между кредитором, должником и поручителем судам следует исходить из того, что кредитор вправе предъявить иски одновременно к должнику и поручителю либо только к должнику или только к поручителю.

В данном случае требования банка установлены в деле о банкротстве основного должника, за исключением суммы неустойки, приходящейся на период с даты окончания начисления неустойки в делах № А55-29710/2019, А55-29705/2019 и А55-29708/2019 до введения в отношении основного должника наблюдения. Однако это не препятствует кредитору заявить требования о взыскании неустойки за указанный период поручителю, принимая во внимание, что бездействие банка по взысканию этой части неустойки не привело к реальному нарушению прав поручителя: поручитель в качестве ответчика был привлечен к участию в делах о взыскании банком долга по кредитным договорам наряду с основным должником, однако решения судов не исполнил; дело о несостоятельности (банкротстве) поручителя возбуждено по его заявлению после рассмотрения исков банка.

Расширительное толкование пункта 52 Постановления № 42, разъясняющего основания отказа кредитору в удовлетворении требования к поручителю, недопустимо (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2018 № 305-ЭС17-22521); одного непринятия кредитором мер по увеличению периода взыскания неустойки в отношении основного должника недостаточно для возложения на него негативных последствий в виде отказа в удовлетворении требования в этой части к поручителю.

Кроме того, согласно разъяснениям, изложенным в пункте 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным

обязательствам в деле о банкротстве», обязанность по возмещению судебных расходов (расходов на оплату услуг представителя, государственной пошлины и т.д.), понесенных лицом, в пользу которого принят судебный акт, для целей квалификации в качестве текущего платежа считается возникшей с момента вступления в законную силу судебного акта о взыскании указанных расходов. В связи с тем, что судебные акты по делам № А55-29710/2019 и № А55-29705/2019 вступили в законную силу 29.01.2020, то есть до принятия Арбитражным судом Самарской области заявления о признании общества «МНСК» несостоятельным (банкротом), взысканная ими в пользу банка государственная пошлина является для общества «МНСК» реестровым платежом, в то время как для общества «Мясоагропром» задолженность по судебным расходам в виде государственной пошлины признается текущей и не могла быть включена в реестр требований кредиторов основного должника.

Способы защиты прав лиц, участвующих в деле о банкротстве

[Определение ВС РФ № № 305-ЭС22-6635 от 13 июля 2022 года](#)

Суд вышестоящей инстанции не может рассмотреть спор по жалобе конкурсного управляющего общества - ответчика, который в качестве истца самостоятельного подлежащего защите правового интереса в настоящем деле не имеет. По смыслу части 1 статьи 4 и части 1 статьи 49 АПК РФ суд не вправе рассматривать требования, которые не соответствуют волеизъявлению истца. Обратное означает нарушение принципа диспозитивности арбитражного процесса. Отказ истцов от апелляционных жалоб явно указывает на отсутствие их воли в продолжении осуществления судебной защиты и на согласие с решением, вынесенным судом первой инстанции.

Общество «Гранд-Строй» являлось кредитором общества «Клиника-М» в деле о банкротстве последнего (№ А40-51687/2012) по требованию, в том числе обеспеченному залогом недвижимого имущества. По договору от 23.10.2017 общество «Гранд-Строй» (цедент) уступило названное право требования Климову А.С. (цессионарию). Далее Климов А.С. уступил право требования обществу «РИН» на основании договора от 30.10.2017. Вступившим в законную силу решением Люблинского районного суда г. Москвы от 15.05.2019 по делу № 2-2253/19 договор уступки прав требований от 30.10.2017 между Климовым А.С. и обществом «РИН» расторгнут.

21.05.2019 общество «Гранд-Строй» и Климов А.С. заключили соглашение о расторжении договора уступки от 23.10.2017. Таким образом, спорное право требования к обществу «Клиника-М» вернулось в пользу общества «Гранд-Строй».

После этого общество «Гранд-Строй» уступило названное право требования обществу «Надежда» по договору от 22.05.2019. Полагая, что две последние сделки (по расторжению уступки между Климовым А.С. и обществом «Гранд-Строй», а также по уступке последним права требования в пользу общества «Надежда») являются недействительными, истцы обратились с исковым заявлением по настоящему делу. В обоснование своих требований они указывали на то, что в рамках дела о банкротстве общества «Клиника-М» определением от 25.09.2018 солидарно взысканы убытки с Мельниковой Ю.А., Ботвинникова М.В. и Климова А.С. в размере 501 401 814 руб.; по оспариваемым сделкам Климов А.С. передал свой актив (в виде права требования) аффилированным лицам.

Следовательно, названные сделки были направлены на сокрытие активов Климова А.С. от общества «Клиника-М» и его кредиторов (статьи 10 и 170 Гражданского кодекса Российской Федерации), которые являются истцами по настоящему делу.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что истцами не доказано наличие у них подлежащего защите правового интереса в признании недействительными спорных сделок. В частности, суд отметил, что истцы не являются сторонами спорных договоров, а определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600 (5-8) судебные акты о привлечении Климова А.С. к ответственности отменены.

Суд апелляционной инстанции изменил решение от 22.10.2020, удовлетворив требования только в части признания недействительным договора от 22.05.2019, по которому право требования было передано обществу «Надежда» от общества «Гранд-Строй». В качестве мотивов своих выводов суд указал, что договор от 22.05.2019 относится к трехлетнему периоду подозрительности для сделок

общества «Гранд-Строй» (с 20.10.2017 по 20.10.2020), отвечая критериям недействительности на основании пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», статей 10, 168, 170 Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, суд отметил, что сделка совершена при существенном расхождении номинального размера и обеспеченности передаваемого права требования и установленной договором цены. При этом фактически договор является безвозмездным, так как общество «Надежда» в счет оплаты прав требования денежные средства в адрес должника не перечисляло. При таких условиях суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что спорная сделка является мнимой и заключена при наличии признаков злоупотребления правом, в связи с чем признал ее недействительной. Впоследствии с названным выводом согласился суд округа.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В силу части 1 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Названное положение закрепляет в арбитражном процессе принцип диспозитивности, предполагающий возможность лица самостоятельно, по собственному усмотрению реализовывать свои процессуальные права. Диспозитивность применительно к производству в арбитражном суде означает, что арбитражные процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются главным образом по инициативе непосредственных участников спорных материальных правоотношений, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться процессуальными правами и спорным материальным правом. В силу названного принципа только истец определяет, защищать ему или нет свое нарушенное или оспариваемое право, на него возлагается обязанность по формулированию своего требования, представлению расчета и т.д. Помимо прочего применение принципа диспозитивности означает, что удовлетворение исковых требований осуществляется, прежде всего, в интересах истца и при наличии его волеизъявления.

В рассматриваемом деле после принятия решения об отказе в удовлетворении иска общество «РИН» и Сорока В.В. (истцы) обратились с апелляционными жалобами на решение. Впоследствии они отказались от жалоб, производство по которым прекращено. Это означает, что истцы, отказавшись от дальнейшего обжалования решения от 22.10.2020, фактически согласились с содержащимися в нем выводами и выразили волю на сохранение его юридической силы.

Однако после этого суд апелляционной инстанции рассмотрел спор по жалобе конкурсного управляющего общества «Гранд-Строй» – ответчика, который в качестве истца самостоятельного подлежащего защите правового интереса в настоящем деле не имеет. Удовлетворив исковые требования в части признания недействительным договора от 22.05.2019, суд апелляционной инстанции, по сути, в отсутствие воли истцов рассмотрел спор по требованиям ответчика, который, в то же время, с иском не обращался.

При этом ссылка суда апелляционной инстанции на то, что договором от 22.05.2019 причиняется вред обществу «Гранд-Строй» и его кредиторам, является ошибочной.

Во-первых, как указано выше, общество «Гранд-Строй» не являлось истцом и не предъявляло в рамках настоящего дела требований об оспаривании договора от 22.05.2019, а потому иск не подлежал рассмотрению ни в интересах общества, ни в интересах его кредиторов. Фактически, рассмотрев исковое заявление в интересах ответчика, суд апелляционной инстанции вышел за пределы заявленных требований и предмета спора.

Во-вторых, удовлетворение требований в части противоречило волеизъявлению самих истцов, обратившихся с требованием о признании недействительными двух сделок одновременно: соглашения о расторжении от 23.10.2017 и договора от 22.05.2019. Как следует из уточнения к исковым требованиям от 25.05.2020, истцы полагали, что «соглашение о расторжении и договор уступки взаимосвязаны и являются единой ничтожной сделкой», то есть допускали их одновременное оспаривание в целях возврата права требования Климову А.С., который, как они полагали, предпринимал действия по выводу активов. Возврат же права требования иному (промежуточному в цепочке) лицу явным образом не охватывался волей истцов.

В-третьих, следует согласиться с обществом «Надежда», что вопрос о действительности договора от 22.05.2019, с точки зрения кредиторов общества «Гранд-Строй», должен разрешаться в деле о банкротстве последнего (№ А40-196893/2020) при наличии в названном деле кредиторов, имеющих волю

на оспаривание этой сделки. Как следует из Картотеки арбитражных дел, обособленный спор с подобным предметом в настоящее время рассматривается в этом деле.

Исковые требования заявлены по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, не конкурсным управляющим общества «Гранд-Строй» и не в интересах конкурсной массы данного лица, что указывает на правомерность рассмотрения данного спора в исковом порядке (пункт 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Кроме того, установленное судом первой инстанции отсутствие у истцов подлежащего защите интереса (статья 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) влечет не оставление искового заявления без рассмотрения, а именно отказ в иске.

Определение ВС РФ № 305-ЭС19-16942 (40) 21 июля 2022 г.

1. **Согласованные в договоре подряда предоставления заказчика и подрядчика презюмируются как равные (эквивалентные), просрочка подрядчика в выполнении работ порождает необходимость перерасчета платежа заказчика путем его уменьшения на сумму убытков, возникших вследствие просрочки. Подобное сальдирование происходит в силу встречного характера основных обязательств заказчика и подрядчика. Действия, направленные на установление указанного сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, требующий провести сальдирование.**

2. **Само по себе применение при сальдировании неустойки в качестве упрощенного механизма компенсации потерь кредитора, вызванных ненадлежащим исполнением должником основного обязательства, не является основанием для квалификации действий по сальдированию в качестве недействительной сделки с предпочтением. В ситуации, когда сумма договорной неустойки, подлежащей учету при сальдировании, явно несоразмерна последствиям допущенного нарушения основного обязательства, права и законные интересы несостоятельного подрядчика и его кредиторов подлежат защите посредством применения статьи 333 ГК РФ.**

3. **Начисление неустойки на общую сумму контракта без учета частичного исполнения обязательств по нему допустимо, в частности, при невозможности использования и отсутствии потребительской ценности для заказчика предоставленной ему части. (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2017 № 305-ЭС17-624)**

Компанией (заказчиком) и обществом (подрядчиком) заключен договор от 28.05.2015 № 152905 на выполнение работ по строительству воздушной линии электропередачи 330 кВ Лужская – Псков с расширением подстанций 330 кВ Лужская и 330 кВ Псков (в редакции дополнительных соглашений). Согласованная в договоре цена – не более 1 305 073 499 рублей 70 копеек. В соответствии с договором эта предельная цена могла быть изменена только в сторону уменьшения на основании письменного уведомления заказчика по итогам проведения экспертизы проектной документации. Согласно условиям договора работы должны быть завершены не позднее 31.08.2017. Факт завершения работ подтверждается актом, составленным по форме КС-11, который применяется исключительно для проведения расчетов по договору и не свидетельствует о приемке результата работ заказчиком. Завершенный строительством объект передается заказчику по акту ввода в эксплуатацию, составленному по форме КС-14, который подтверждает исполнение подрядчиком обязательства по передаче результата работ и должен быть подписан сторонами не позднее 28.02.2018.

Договором подряда (в редакции дополнительного соглашения) установлена ответственность подрядчика за нарушение конечного срока выполнения работ в размере 0,4 процента от цены договора за каждый день просрочки. В связи с существенным нарушением подрядчиком конечного срока строительства компания 20.04.2018 направила обществу уведомление о приостановлении им работ,

необходимости выполнения мероприятий по сверке объемов фактически выполненных работ и передаче незавершенного строительством объекта заказчику. Это уведомление, являющееся, по сути, односторонним отказом от исполнения договора подряда, получено обществом 23.04.2018. Как указала компания, для выполнения незавершенных обществом работ она заключила договоры подряда с другими организациями (с обществами с ограниченной ответственностью «Петроком» (договор от 03.08.2017) и «Сизэнергетика» (договор от 29.06.2018)).

Объект введен в эксплуатацию 28.09.2018. Компания настаивала на том, что акт приемки законченного строительством объекта содержит информацию о завершении строительства не обществом, а иным подрядчиком. Общество данные утверждения компании не опровергло. После ввода объекта в эксплуатацию компания направила обществу уведомление от 05.02.2019, в котором она фактически еще раз отказалась от исполнения договора подряда. Суды установили, что стоимость невыполненных обществом работ составила 213 635 601 рубль 86 копеек. Сославшись на нарушение конечного срока выполнения работ, компания просила признать обоснованным ее требование к обществу о выплате договорной неустойки в сумме 1 226 769 089 рублей 71 копейки, начисленной в соответствии с условиями договора (по ставке 0,4 процента в день от общей цены договора) за период с 01.09.2017 (со дня, следующего за согласованным в договоре днем завершения работ) по 23.04.2018 (по день получения обществом уведомления о приостановлении выполнения работ).

Кроме того, в связи со взысканием с компании в пользу общества 115 509 330 рублей 23 копеек (стоимость неоплаченных компанией работ, выполненных обществом по рассматриваемому договору подряда, подтвержденная постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2021 по делу № А40-99614/2019 Арбитражного суда города Москвы) компания просила произвести сальдирование на указанную сумму и включить в реестр требований кредиторов общества 1 111 259 759 рублей 48 копеек (разность между суммой причитающейся компании договорной неустойкой и стоимостью неоплаченных ею работ).

Признавая требование о выплате неустойки обоснованным в части, суды сочли, что договорное условие об определении неустойки за нарушение конечного срока выполнения работ исходя из общей цены договора подряда противоречит принципу юридического равенства, создает необоснованные преимущества для кредитора, которому причитается компенсация не только за неисполненные в срок работы, но и за те работы, которые выполнены надлежащим образом.

По расчету суда первой инстанции за спорный период сумма неустойки, исчисленная по ставке 0,4 процента за каждый день просрочки от стоимости просроченных работ, составила 214 848 763 рубля 24 копейки. Эта сумма была уменьшена судом со ссылкой на статью 333 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) до 100 000 000 рублей. Основанием для снижения неустойки послужили, по сути, факт ввода объекта в эксплуатацию в 2018 году; кроме того, суд указал, что принимает во внимание «вину заказчика в просрочке исполнения обязательства, не являющуюся в настоящем случае ... основанием для отказа в удовлетворении требования ввиду несущественности».

Требование компании о сальдировании отклонено судом по мотиву противоречия законодательству о несостоятельности. Суды апелляционной инстанции и округа согласились с судом первой инстанции.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Компания и общество согласовали срок выполнения работ и их цену. При этом обычно при установлении подрядных отношений стороны исходят из того, что потребность заказчика в наиболее быстром выполнении работ повышает цену этих работ. При вступлении в договор общество не имело разумных ожиданий относительно того, что цена сделки осталась бы неизменной и в том случае, если бы компанию устроил более продолжительный срок строительства воздушной линии электропередачи с расширением подстанций. В соответствии с положениями главы 37 ГК РФ обязательственное правоотношение по договору подряда состоит из двух основных встречных обязательств, определяющих тип этого договора (далее – основные обязательства): обязательства подрядчика выполнить в натуре работы надлежащего качества в согласованный срок и обязательства заказчика уплатить обусловленную договором цену в порядке, предусмотренном сделкой (статья 328 ГК РФ). Из встречного характера указанных основных обязательств и положений пунктов 1 и 2 статьи 328 ГК РФ, а также статьи 393 ГК РФ, согласно которым при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должник обязан возместить причиненные кредитору убытки, следует, что в случае ненадлежащего исполнения принятого подрядчиком основного обязательства им не может быть

получена та сумма, на которую он мог рассчитывать, если бы исполнил это обязательство должным образом. Следовательно, просрочка подрядчика в выполнении работ не позволяет признать его лицом, которому действительно причитаются денежные средства в размере всей договорной цены.

Поскольку согласованные в договоре подряда предоставления компании (заказчика) и общества (подрядчика) презюмируются как равные (эквивалентные), просрочка подрядчика в выполнении работ порождает необходимость перерасчета платежа заказчика путем его уменьшения на сумму убытков, возникших вследствие просрочки. Подобное сальдирование происходит в силу встречного характера основных обязательств заказчика и подрядчика. Действия, направленные на установление указанного сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, требующий провести сальдирование. Аналогичный вывод вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце четвертом пункта 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве». В рассматриваемом случае стороны договора подряда установили ответственность за нарушение срока выполнения работ в виде зачетной неустойки, имеющей своей основной целью покрытие убытков заказчика, вызванных просрочкой передачи ему результата работ (пункт 1 статьи 394 ГК РФ). Само по себе применение при сальдировании неустойки в качестве упрощенного механизма компенсации потерь кредитора, вызванных ненадлежащим исполнением должником основного обязательства, не является основанием для квалификации действий по сальдированию в качестве недействительной сделки с предпочтением. В ситуации, когда сумма договорной неустойки, подлежащей учету при сальдировании, явно несоразмерна последствиям допущенного нарушения основного обязательства, права и законные интересы несостоятельного подрядчика и его кредиторов подлежат защите посредством применения статьи 333 ГК РФ.

Не может судебная коллегия согласиться и с выводами судов по вопросу о снижении суммы договорной неустойки. Сторонами согласована ответственность подрядчика за нарушение конечного срока выполнения всех работ по договору в виде неустойки, исчисляемой исходя из цены всего договора подряда, а не цены просроченных работ. Вопреки позиции судов такое договорное условие не противоречит действующему законодательству и практике коммерческих подрядных отношений. В настоящем деле негативные последствия, возникшие на стороне заказчика, заключались в том, что линия электропередачи с подстанциями стоимостью свыше 1,3 млрд. рублей, являющаяся системообразующим объектом сетевого хозяйства, оптимизирующим единую энергосистему Российской Федерации, не могла быть использована по назначению после истечения согласованного в договоре срока ее строительства. Эти негативные последствия не зависели от того, какие промежуточные обязательства подрядчик выполнил в срок.

Ошибочно уменьшив сумму неустойки посредством безосновательного снижения базы для ее расчета, суды еще раз уменьшили данную сумму, неправильно применив статью 333 ГК РФ. Снижение размера договорной неустойки, подлежащей уплате коммерческой организацией, нарушившей обязательство при осуществлении ею приносящей доход деятельности, допускается в исключительных случаях, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства и может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды (пункты 1 и 2 статьи 333 ГК РФ). В соответствии со статьями 330, 333 ГК РФ по требованию о выплате неустойки кредитор не обязан подтверждать факт причинения убытков, презюмируется, что при нарушении договорного обязательства негативные последствия на стороне кредитора возникают, бремя доказывания обратного (отсутствия убытков или их явной несоразмерности сумме истребуемой неустойки) лежит на должнике (пункты 73 и 74 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – постановление № 7)). Соответствующие доказательства общество и поддерживающие его лица не представили. При этом просрочка исполнения неденежного обязательства со стороны общества допущена в отношении работ, имеющих для компании признаки индивидуального заказа (строительство воздушной линии электропередачи от Луги до Пскова и реконструкция подстанций). Просрочка исполнения подобных неденежных обязательств, как правило, влечет за собой

для заказчика (сетевой организации) большие риски и более серьезные негативные последствия, по сравнению с просрочкой исполнения денежного обязательства, которую обычно легче восполнить путем использования собственных или заемных (при необходимости) денежных средств. Компания, возражая против заявления об уменьшении суммы неустойки, раскрыла серьезность последствий допущенной обществом просрочки: нарушение окончательного срока строительства не только негативно отразилось на развитии сетевой организации и ее возможности извлечь прибыль в соответствии с инвестиционной программой, но и повлекло за собой возникновение дополнительной нагрузки на уже существовавшую устаревшую инфраструктуру сети, что, в свою очередь, могло привести к сбоям в поставке электроэнергии значительному числу конечных потребителей. Доводы компании общество не опровергло.

Также суды, применяя к требованию о выплате неустойки статью 333 ГК РФ, сослались на «вину заказчика в просрочке исполнения обязательства, не являющуюся в настоящем случае ... основанием для отказа в удовлетворении требования ввиду незначительности». Эти суждения судов являются ошибочными. Во-первых, если работы не могли быть выполнены в срок по вине кредитора, судам следовало полностью освободить должника от ответственности на все время просрочки кредитора на основании статей 401, 405 и 406 ГК РФ, а не снижать ее размер по правилам статьи 333 ГК РФ. Во-вторых, суды не установили, какие обязательства не были исполнены компанией в срок, периоды просрочки с ее стороны, не оценены возражения компании, отрицавшей вменяемые ей нарушения. Таким образом, снижение суммы неустойки произведено судами произвольно, что недопустимо.

[Определение ВС РФ № 308-ЭС18-11184 \(4\) от 22 августа 2022 года](#)

Специфика природы залога заключается в том, что юридический интерес залогодержателя, в первую очередь, направлен не на саму вещь (предмет залога), а на ценность этой вещи, то есть на получение удовлетворения из стоимости заложенного имущества (пункт 1 статьи 334 и пункт 1 статьи 349 ГК РФ, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.03.2012 № 16533/11 и от 14.05.2013 № 17312/12).

В случае утраты предмета залога в результате незаконных действий арбитражного управляющего должник получает к нему право требования компенсации убытков, а также на страховое возмещение, выплачиваемое в связи с привлечением управляющего к ответственности. Поскольку предмет залога трансформируется в названные имущественные активы, залоговый кредитор имеет право на первоочередное погашение своих требований за счет соответствующих денежных средств. Проценты за пользование чужими денежными средствами являются приростом к сумме страхового возмещения, право требования на выплату которого имеет режим заложенного имущества. Поскольку дополнительное (приращенное) требование следует юридической судьбе основного, то и проценты за пользование чужими денежными средствами должны распределяться преимущественно в пользу залогового кредитора.

Определением Арбитражного суда Краснодарского края от 03.05.2018 в пользу должника с арбитражного управляющего Передереева С.В. взысканы убытки в размере 6 334 967 руб., причиненные должнику в связи с утратой залогового имущества. Решением Арбитражного суда города Москвы от 17.02.2020 по делу № А40-43179/2019 с ООО «СК «Арсеналь» в пользу должника взыскано страховое возмещение в размере 6 334 967,85 руб., а также проценты за пользование чужими денежными средствами за период с 08.12.2018 по 10.02.2020 в размере 540 520,32 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами на сумму долга за период с 11.02.2020 по день фактической оплаты долга, исходя из ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации. Во исполнение решения суда ООО «СК «Арсеналь» перечислило на расчетный счет должника денежные средства в сумме 7 135 031,52 руб. (6 334 967,85 руб. основного долга + 800 063,67 руб. процентов).

Впоследствии конкурсный управляющий Шкодкина Н.Н. перечислила 80% процентов от указанной суммы, что составило 5 708 025,21 руб., в счет погашения требований залогового кредитора Рындина А.А. Полагая, что страховое возмещение за незаконные действия бывшего конкурсного управляющего, повлекшие взыскание с него убытков, подлежит распределению по общим правилам статьи 134 Закона о банкротстве, а конкурсным управляющим нарушена очередность погашения требований, чем причинен вред имущественным интересам кредитора, уполномоченный орган обратился в суд с жалобой.

Удовлетворяя жалобу уполномоченного органа в части, суды трех инстанций сослались на положения статей 20.3, 32, 60, 61.3, 129, 131, 134, 138, 145 Закона о банкротстве, статьи 334 Гражданского кодекса Российской Федерации с учетом разъяснений, изложенных в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» и информационном письме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих», и исходили из того, что залоговый кредитор обладает преимущественным правом на получение удовлетворения за счет суммы страхового возмещения, когда страховое возмещение выплачено ввиду причинения вреда предмету залога либо его утрате. При этом оснований для применения к процентам за пользование чужими денежными средствами правил о распределении выручки от реализации залогового имущества не имелось, поскольку проценты взысканы не в связи с незаконными действиями конкурсного управляющего в отношении залогового имущества, а в связи с несвоевременным исполнением обязанности страховой компанией. Указанные проценты не взысканы в качестве убытков судебным актом с арбитражного управляющего и непосредственно с утратой имущества не связаны. При таких условиях суды пришли к выводу, что конкурсный управляющий Шкодкина Н.Н. неверно распределила поступившие в конкурсную массу проценты за пользование денежными средствами на сумму страхового возмещения, что в свою очередь повлекло нарушение очередности погашения требований и причинение вреда интересам текущих кредиторов и кредиторов второй очереди. Допущенные конкурсным управляющим нарушения, по мнению судов, являются основанием для отстранения Шкодкиной Н.Н. от исполнения обязанностей конкурсного управляющего должником.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Положения законодательства о залоге предусматривают общее правило, согласно которому залог прекращается в случае гибели заложенной вещи (подпункт 3 пункта 1 статьи 352 Гражданского кодекса Российской Федерации; здесь и далее – в редакции, применяемой к спорным отношениям).

Однако данное правило содержит ряд исключений, как, например: - залогодатель имеет право на удовлетворение из страхового возмещения за утрату или повреждение заложенного имущества (абзац второй пункта 2 статьи 334 Гражданского кодекса Российской Федерации); - в случае изъятия (выкупа) для государственных или муниципальных нужд, реквизиции или национализации предмета залога право залога распространяется на предоставленное взамен имущество (пункт 1 статьи 354 Гражданского кодекса Российской Федерации); 5 - разделение предмета залога на части (создание новых объектов права из предмета залога) не означает его гибель (пункт 6 статьи 11.8 Земельного кодекса Российской Федерации, пункт 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге», пункт 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.01.2005 № 90 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с договором об ипотеке», постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.07.2011 № 902/11); - средства, выплачиваемые взамен утраченного в рамках исполнительного производства заложенного имущества, переданного на хранение иному лицу и на которое судом обращено взыскание, подлежат возмещению взыскателю-залогодержателю (абзац третий пункта 83 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2018 № 304-ЭС18-1134) и т.д.

Подобного рода исключения имеют свое основание в специфике природы залога, заключающейся в том, что юридический интерес залогодержателя, в первую очередь, направлен не на саму вещь (предмет залога), а на ценность этой вещи, то есть на получение удовлетворения из стоимости заложенного имущества (пункт 1 статьи 334 и пункт 1 статьи 349 Гражданского кодекса, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.03.2012 № 16533/11 и от 14.05.2013 № 17312/12). Следовательно, залог должен сохраняться до тех пор, пока может быть обнаружен фактический или юридический заменитель предмета залога как преемник соответствующей ценности (принцип эластичности залога), то есть по смыслу подпункта 3 пункта 1 статьи 352

Гражданского кодекса Российской Федерации залог не может прекратиться до момента, пока гибель предмета залога (или его заменителя) не является окончательной.

В рассматриваемом случае после утраты предмета залога должник получил право на компенсацию убытков арбитражным управляющим Передереевым С.В. (в результате незаконных действий которого имущество утрачено), а также на страховое возмещение, выплачиваемое в связи с привлечением управляющего к ответственности. Поскольку предмет залога трансформировался в названные имущественные активы, залоговый кредитор имеет право на первоочередное погашение своих требований за счет соответствующих денежных средств.

Следовательно, выводы судов, признавших законными действия управляющего Шкодкиной Н.Н., распределившей сумму полученного страхового возмещения по правилам статьи 138 Закона о банкротстве в пользу залогового кредитора, являются правомерными.

Вместе с тем суды сочли неправомерным преимущественное распределение процентов за пользование денежными средствами, начисленных на сумму страхового возмещения, поскольку проценты взысканы не в связи с незаконными действиями конкурсного управляющего Передереева С.В. в отношении залогового имущества, а в связи с несвоевременным исполнением обязанности страховой компанией. Однако указанный вывод судов ошибочен. Проценты за пользование чужими денежными средствами являлись приростом к сумме страхового возмещения, право требования на выплату которого имело режим заложенного имущества. Поскольку дополнительное (приращенное) требование следует юридической судьбе основного, то следует признать, что и проценты за пользование чужими денежными средствами должны распределяться преимущественно в пользу залогового кредитора. Следовательно, перечислив в пользу залогового кредитора Рындина А.А. денежные средства в сумме 640 050,93 руб. (80% от 800 063,67 руб.), а также погасив требования по заработной плате, относящиеся ко второй очереди реестра требований кредиторов, на сумму 118 074,79 руб. (менее 15% от 800 063,67 руб.), конкурсный управляющий Шкодкина Н.Н. не допустила нарушения очередности распределения полученных денежных средств, что исключает возможность квалификации соответствующих действий незаконными, а также свидетельствует об отсутствии совокупности условий для признания недействительной сделки по перечислению кредитору Рындину А.А. 640 050,93 руб.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС17-10167 \(13\) от 22 августа 2022 года²](#)

Срок на заявление возражений на отказ управляющего включить требование кредитора банка в реестр (десять рабочих дней со дня получения кредитором уведомления конкурсного управляющего – согласно действующей в настоящее время редакции пункта 5 статьи 189.85 Закона о банкротстве) не является пресекательным сроком, а потому не исключает возможность установления требования по его истечении. Материально-правовое притязание кредитора к конкурсной массе (при его обоснованности) объективно продолжает существовать независимо от истечения названного срока. При этом полномочие на заявление возражений не образует какого-либо самостоятельного права, а является формой преодоления негативного для кредитора решения арбитражного управляющего относительно обоснованности требования.

В судебном заседании суд должен вынести на обсуждение сторон вопросы о причинах пропуска срока, их уважительности, наличии оснований для его восстановления. Уважительность причин пропуска срока может быть оценена независимо от того, заявлено ли кредитором отдельное ходатайство о его восстановлении (по аналогии с разъяснениями, содержащимися в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 КАС РФ и главы 24 АПК РФ»)

В рамках дела о банкротстве должника Кулагин В.П. обратился с возражениями на отказ агентства как конкурсного управляющего во включении в реестр его требований в размере 14 731 890,78 руб. Определением суда первой инстанции от 31.08.2021, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции от 10.11.2021 и округа от 18.02.2022, Кулагину В.П. отказано во включении его требований в реестр.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 23.06.2016 банк признан несостоятельным.

² Аналогично в [Определении ВС РФ № 305-ЭС17-10167 \(14\) от 22 августа 2022 года](#)

22.09.2020 Кулагин В.П. направил конкурсному управляющему требование о включении в реестр на основании договоров банковского вклада.

03.11.2020 уведомлением № 08к/110176 агентство отказало в установлении названного требования в реестре. 03.12.2020 уведомление об отказе вручено заявителю почтовой службой.

21.12.2020 Кулагин В.П. направил в арбитражный суд свои возражения на отказ конкурсного управляющего банка о включении его требования в реестр.

Разрешая спор, суд первой инстанции сослался на положения статьи 60, пункта 5 статьи 189.85 Федерального закона от 26.10.2002 3 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и исходил из того, что срок на заявление возражений на отказ управляющего составляет пятнадцать календарных дней (в редакции Закона о банкротстве, применяемой к спорным отношениям). Заявитель получил уведомление об отказе 03.12.2020, из чего суд сделал вывод, что срок на заявление возражений истек 18.12.2020. Однако заявитель обратился только 21.12.2020, то есть с пропуском срока на три дня.

Суд указал, что названный пятнадцатидневный срок является пресекательным, возможность его восстановления Законом о банкротстве не предусмотрена, в связи с чем пропуск данного срока является самостоятельным безусловным основанием для отказа в удовлетворении требований. Впоследствии выводы суда первой инстанции были поддержаны судами апелляционной инстанции и округа.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В рассматриваемом деле перед судами встал вопрос о правовой природе срока на заявление возражений в отношении отказа управляющего включить требование кредитора банка в реестр (десять рабочих дней со дня получения кредитором уведомления конкурсного управляющего – согласно действующей в настоящее время редакции пункта 5 статьи 189.85 Закона о банкротстве).

Суды квалифицировали такой срок в качестве пресекательного, а потому исключающего возможность установления требования по его истечении. Однако судебная коллегия полагает такую квалификацию ошибочной, поскольку данный срок (в отличие от пресекательных сроков) не устанавливает период существования субъективного права.

Материально-правовое притязание кредитора к конкурсной массе (при его обоснованности) объективно продолжает существовать независимо от истечения названного срока. При этом полномочие на заявление возражений не образует какого-либо самостоятельного права, а является формой преодоления негативного для кредитора решения арбитражного управляющего относительно обоснованности требования. Учитывая, что клиент в отношениях с банком является, как правило, более слабой стороной, пропуск им срока на предъявление возражений не является основанием для отказа в принятии заявления к производству. В судебном заседании суд должен вынести на обсуждение сторон вопросы о причинах пропуска срока, их уважительности, наличии оснований для его восстановления. Уважительность причин пропуска срока может быть оценена независимо от того, заявлено ли кредитором отдельное ходатайство о его восстановлении (по аналогии с разъяснениями, содержащимися в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»).

Поскольку в рассматриваемом случае суд первой инстанции ошибочно квалифицировал правовую природу срока, вопросы об уважительности причин его пропуска и, тем более, об обоснованности требования кредитора по существу не были рассмотрены.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС22-9220 от 25 августа 2022 года](#)

1. С 26.07.2021 при разрешении вопроса об индексации присужденных денежных сумм арбитражные суды не вправе отказывать в индексации по основаниям, связанным с отсутствием её механизма, поскольку в указанной части статья 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации вошла в противоречие с предписаниями Конституции Российской Федерации и не подлежит применению (определения Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2022 № 305-ЭС21-24614 по делу № А40-260044/2018; от 09.08.2022 № 305-ЭС22-8800 по делу № А40-70289/2018, от 09.08.2022 № 309-ЭС21-22349 по делу № А76-39051/2019). Заявитель имеет право требовать индексацию до момента исполнения судебного акта о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, и суд не

может отказать в индексации присужденных денежных сумм в случае неисполнения вступившего в законную силу судебного акта (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.03.2008 № 244-О-П). Юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об индексации присужденных денежных сумм является лишь факт их несвоевременной уплаты полностью или в части.

2. Требование об индексации присужденных денежных сумм и требование о выплате процентов в соответствии со статьёй 395 Гражданского кодекса Российской Федерации представляют собой два возможных способа возмещения потерь, из которых индексация присужденных денежных сумм, в отличие от выплаты процентов по правилам статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, направлена на возмещение потерь, вызванных непосредственно неисполнением судебного акта, и отказ в применении одного из указанных способов по мотивам, связанным с наличием как таковой возможности для заявителя прибегнуть к другому способу возмещения потерь, неправомерен.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 26.03.2014 по настоящему делу принято к производству заявление о признании должника банкротом. Решением Арбитражного суда города Москвы от 18.02.2015 в отношении должника введено конкурсное производство. Определением Арбитражного суда города Москвы от 17.09.2015 с Ястребцева А.В., Бухнера В.А., Лаухина С.С. в порядке субсидиарной ответственности в пользу должника солидарно взыскано 9 396 511 рублей 20 копеек. Конкурсное производство в отношении должника завершено определением Арбитражного суда города Москвы от 21.03.2016.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 12.12.2016 в порядке процессуального правопреемства произведена замена должника на Симонову Н.П. по требованию к Ястребцеву А.В., Бухнеру В.А., Лаухину С.С. на 9 396 511 рублей 20 копеек.

26.10.2020 Симонова Н.П. заключила с Орловской городской общественной организацией инвалидов «Апроксима» договор об уступке права, в соответствии с условиями которого передала все права по взысканию процентов по статье 395 Гражданского кодекса Российской Федерации на присуждённую по делу № А40-39798/2014 сумму в размере 9 396 511 рублей 20 копеек.

Впоследствии организация «Апроксима» обратилась в Наро-Фоминский городской суд Московской области с исковым заявлением к Ястребцеву А.В., Бухнеру В.А., Лаухину С.С. о взыскании процентов на основании статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации. Решением по гражданскому делу от 15.02.2021 № 2-178/2021 удовлетворены исковые требования организации «Апроксима», в пользу последней с ответчиков солидарно взыскано 3 636 478 рублей 94 копейки с последующим начислением процентов за пользование чужими денежными средствами по день фактической оплаты долга.

19.08.2021 Симонова Н.П. обратилась в суд с настоящим заявлением, основанным на положениях статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также руководствуясь позицией, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 АПК РФ в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В.В. Сторублевцева».

Отказывая в удовлетворении заявления об индексации суды указали, что индексация сумм, присужденных на основании определения суда, не подпадает под действие статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Кроме того, поскольку основное определение о взыскании не исполнено, следовательно, истец не вправе требовать индексацию присужденных судом денежных средств до даты фактического исполнения судебного акта о взыскании. Судами также дана оценка тому, что Симонова Н.П. воспользовалась правом возмещения таких потерь по правилам, предусмотренным нормами материального права, в частности, в соответствии со статьёй 395 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В соответствии с частью 1 статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, действовавшей в редакции до внесения в неё изменений Федеральным законом от 11.06.2022 № 177-ФЗ, арбитражный суд первой инстанции, рассмотревший дело, производит по заявлению взыскателя индексацию присужденных денежных сумм на день исполнения решения суда в случаях и в размерах, которые предусмотрены федеральным законом или договором. Постановлением

№ 40-П часть 1 статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой она – при отсутствии в системе действующего правового регулирования механизма индексации взысканных судом денежных сумм – не содержит критериев, в соответствии с которыми должна осуществляться предусмотренная индексация. При этом Конституционным Судом Российской Федерации указано, что до внесения в действующее правовое регулирование изменений, арбитражным судам в целях реализации части 1 статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, когда условия и размер индексации присужденных денежных сумм не установлены федеральным законом, признаваемым судом как основание для проведения такой индексации, или договором, надлежит использовать в качестве критерия осуществления предусмотренной индексации официальную статистическую информацию об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации. Постановление № 40-П опубликовано 26.07.2021 на официальном интернет-портале правовой информации (<http://pravo.gov.ru>) и согласно статье 78, части 1 статьи 79 Закона о Конституционном Суде вступило в силу с указанного дня.

Таким образом, начиная с 26.07.2021 при разрешении вопроса об индексации присужденных денежных сумм арбитражные суды не вправе отказывать в индексации по основаниям, связанным с отсутствием её механизма, поскольку в указанной части статья 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации вошла в противоречие с предписаниями Конституции Российской Федерации и не подлежит применению (определения Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2022 № 305-ЭС21-24614 по делу № А40-260044/2018; от 09.08.2022 № 305-ЭС22-8800 по делу № А40-70289/2018, от 09.08.2022 № 309-ЭС21-22349 по делу № А76-39051/2019).

Симонова Н.П. обратилась с заявлением об индексации присужденных денежных сумм после вступления в силу постановления № 40-П, следовательно, данное постановление должно было быть учтено судами при рассмотрении настоящего спора. Судебная коллегия признает ошибочной позицию суда первой инстанции о том, что индексация присужденных денежных сумм возможна исключительно на основании решения суда.

Требования заявителя в настоящем случае основаны на определении о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. По некоторым категориям дел судебные акты, предметом которых является не процессуально-правовая, а материально-правовая сфера, называются определениями. В частности, изложенное относится к определениям, принятым в рамках производства по делу о банкротстве по результатам рассмотрения обособленных споров, которыми по существу разрешён вопрос материально-правового характера, в том числе о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. Данные определения являются итоговым судебным актом по существу спора и тождественны по своим правовым последствиям решению суда.

Выводы судов о том, что заявитель не имеет права требовать индексацию до момента исполнения судебного акта, противоречат системе действующего правового регулирования, которая не предполагает отказ суда в индексации присужденных денежных сумм в случае неисполнения вступившего в законную силу судебного акта (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.03.2008 № 244-О-П). Юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об индексации присужденных денежных сумм является лишь факт их несвоевременной уплаты полностью или в части.

Судебная коллегия не может также согласиться с мнением судов о том, что наличие у истца или его правопреемника права требовать уплаты процентов, предусмотренных статьёй 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, путём предъявления отдельного иска, может выступать самостоятельным основанием для отказа в индексации присужденных денежных сумм. Вышеуказанная судебная практика исходит из того, что требование об индексации присужденных денежных сумм и требование о выплате процентов в соответствии со статьёй 395 Гражданского кодекса Российской Федерации представляют собой два возможных способа возмещения потерь, из которых индексация присужденных денежных сумм, в отличие от выплаты процентов по правилам статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, направлена на возмещение потерь, вызванных непосредственно неисполнением судебного акта, и отказ в применении одного из указанных способов по мотивам, связанным с наличием как таковой возможности для заявителя прибегнуть к другому способу возмещения потерь, неправомерен. Поскольку в данном случае истец обратился именно за индексацией

присужденных денежных сумм, его требование подлежало рассмотрению по существу по правилам, установленным статьёй 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

При рассмотрении заявления об индексации в суде первой инстанции заявителем представлен соответствующий расчет. В нарушение статей 64, 65, 71, 168, 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судами первой и апелляционной инстанций проверка расчета индексированных сумм не произведена.

[Определение ВС РФ № 308-ЭС22-4568 от 29.08.2022](#)

Разрешение споров о том, входит ли конкретное имущество в конкурсную массу должника, и о возврате имущества в конкурсную массу относится к компетенции суда, рассматривающего дело о банкротстве, который, однако, при этом связан требованием об обязательной силе вступившего в силу судебного решения, определившего правовой режим того или иного имущества (определение от 14.01.2014 № 2-О Конституционный Суд РФ)

Если суд общей юрисдикции не только снял арест с имущества должника, но и определил его дальнейшую судьбу, указав на то, что на данное имущество может быть обращено взыскание исключительно для удовлетворения требования конкретного кредитора, то упомянутое имущество не подлежит реализации в составе конкурсной массы общества для погашения задолженности перед всеми кредиторами. Иное фактически означает преодоление требования об обязательной силе постановления суда общей юрисдикции вопреки положениям части 1 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

В рамках дела о банкротстве акционерного общества «Краснодарский завод металлоконструкций» (далее – должник) некоммерческая организация «Фонд промышленных активов» обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным решения комитета кредиторов должника от 15.02.2021, а также об исключении имущества из конкурсной массы.

Обращаясь в арбитражный суд с заявлением об исключении имущества из конкурсной массы, фонд указывал на то, что вступившим в законную силу приговором Московского городского суда от 16.08.2019 Мкртчана О.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Названным приговором также удовлетворен гражданский иск фонда: с Мкртчана О.А. в пользу фонда взыскано 198 498 229 874 руб. 57 коп. В целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска постановлением Басманного районного суда города Москвы от 17.07.2018 удовлетворено ходатайство следователя о наложении ареста на имущество, принадлежащее должнику (7 объектов недвижимого имущества).

Вступившим в законную силу приговором Московского городского суда от 16.08.2019 сохранен арест на имущество Мкртчана О.А., в том числе зарегистрированное за третьими лицами, в частности, за должником, в целях удовлетворения требований гражданского истца. В рамках удовлетворенного гражданского иска по уголовному делу фонду выдан исполнительный лист № 000462064. Постановлением Московского городского суда от 14.01.2021 снят арест, наложенный в ходе предварительного расследования по уголовному делу на имущество Мкртчана О.А. и имущество подконтрольных ему организаций, включая имущество должника.

В резолютивной части постановления суд общей юрисдикции разрешил судебному приставу-исполнителю обратиться взыскание на указанное имущество в ходе исполнительного производства, возбужденного на основании исполнительного листа № 000462064, и запретил использовать указанное имущество для иных целей, не связанных с обращением взыскания в рамках упомянутого исполнительного производства. Указанное постановление вступило в законную силу.

Как отмечал фонд, в рамках производства по уголовному делу установлено, что имущество должника является собственностью Мкртчана О.А. (несмотря на титульное оформление за должником) и приобретено им не в результате его реальной хозяйственной деятельности, а в результате преступного умысла и преступных действий подсудимого, в связи с чем конкурсный управляющий должника, комитет кредиторов не вправе осуществлять действия, направленные на реализацию имущества.

Отказывая в удовлетворении заявления фонда в части исключения из конкурсной массы должника имущества, суды руководствовались статьями 32, 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», статьями 8.1, 131 Гражданского кодекса Российской Федерации,

статьей 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлениях от 31.01.2011 № 1-П и от 12.03.2001 № 4-П.

Суды исходили из того, что право собственности на спорные объекты зарегистрировано за обществом, это право в установленном порядке не оспорено, фонд не доказал наличие у Мкртчана О.А. каких-либо прав на данное имущество. Законными вещными правами на спорное имущество обладают общество (собственник имущества) и общество «СБК-Ритейл» (1). Тот факт, что судом общей юрисдикции принято решение об обращении взыскания на имущество должника, суды сочли не предоставляющим фонду права требовать исключения имущества из конкурсной массы, поскольку такой порядок нарушает права и законные интересы иных конкурсных кредиторов.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Согласно пункту 1 статьи 131 Закона о банкротстве все имущество должника, имеющееся на день открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу.

В определении от 14.01.2014 № 2-О Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что разрешение споров о том, входит ли конкретное имущество в конкурсную массу должника, о возврате имущества в конкурсную массу относится к компетенции суда, рассматривающего дело о банкротстве, который, однако, при этом связан требованием об обязательной силе вступившего в силу судебного решения, определившего правовой режим того или иного имущества.

В рассматриваемом случае суд общей юрисдикции в резолютивной части постановления от 14.01.2021 не только снял арест с имущества общества, но и определил его дальнейшую судьбу, указав на то, что на данное имущество может быть обращено взыскание исключительно для удовлетворения требования фонда, изложенного в исполнительном листе № 000462064.

Вывод судов о том, что упомянутое имущество подлежит реализации в составе конкурсной массы общества для погашения задолженности перед всеми кредиторами, фактически означает преодоление требования об обязательной силе постановления суда общей юрисдикции вопреки положениям части 1 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которой судебные постановления, вступившие в законную силу, являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Закрепленное в статье 46 Конституции Российской Федерации право на судебную защиту не предполагает возможность выбора заинтересованным лицом по своему усмотрению любых способов и процедур. Обжалование судебных постановлений осуществляется в соответствии с процессуальным законом применительно к конкретным видам судопроизводства и категориям дел, то есть законность и обоснованность судебного постановления от 14.01.2021 могли быть проверены вышестоящими судами общей юрисдикции по жалобам заинтересованных лиц, полагающих, что данное постановление создало необоснованные препятствия для включения имущества в конкурсную массу, а не путем разрешения арбитражным судом, рассматривающим дело о банкротстве общества, возражений о неприменении названного постановления.

Более того, постановление от 14.01.2021 в установленном процессуальным законом порядке обжаловано в том числе обществом «СБК-Ритейл» и должником, в Судебную коллегия по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции. Апелляционным определением от 17.05.2021 доводы подателей жалобы отклонены. До настоящего времени постановление от 14.01.2021 не отменено.

Вопреки письменной позиции Генеральной прокуратуры Российской Федерации по настоящему делу, сформировавшейся к судебному заседанию Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, игнорирование вступившего в законную силу постановления от 14.01.2021 до его отмены в установленном порядке противоречит вытекающей из этого общеобязательного судебного акта невозможности дальнейшего использования спорных объектов для проведения расчетов с кредиторами общества и, как следствие, необходимости исключения их из конкурсной массы. Иной подход, занятый судами, породил правовую неопределенность в отношении упомянутого имущества, допустив совершение действий по его реализации в рамках дела о банкротстве общества вопреки принятому ранее акту суда общей юрисдикции, вступившему в законную силу.

Ссылка в отзывах на решение Октябрьского районного суда г. Краснодара от 19.11.2020 по делу № 2-3200/2020, которым отказано в удовлетворении заявления об обращении взыскания на имущество должника в рамках исполнительного производства по исполнительному листу ФС № 000462064, также подлежит отклонению по следующим основаниям. Параллельно с этим делом тем же судом рассматривалось дело № 2-3988/2020 по иску общества «СБК-Ритейл» к должнику и фонду об освобождении имущества от ареста. Решение от 09.12.2020 по этому делу, которым иск удовлетворен, отменено апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 17.06.2021 со ссылкой на то, что отмена мер по обеспечению приговора (арест на имущество) возможна только судом, в производстве которого находится уголовное дело. В данном случае таким судебным актом является постановление от 14.01.2021.

Вопрос о продаже имущества в рамках исполнительного производства как обремененного или не обремененного залогом выходит за пределы рассматриваемого спора. На наличие соответствующих исков, направленных на прекращение залога, фонд не ссылался.

[Определение ВС РФ № 304-ЭС22-7071 от 29 августа 2022 г.](#)

В случае возмещения кредитной организацией должнику убытков в размере неправомерно перечисленной ею суммы (в том числе по обязательным платежам) она в связи с тем, что по существу должник получил от нее такое же удовлетворение, которое ему причиталось от оспаривания сделки с предпочтением, вправе потребовать возмещения этой суммы от должника по правилам статьи 61.6 Закона о банкротстве (с учетом специального порядка исчисления срока на заявление требования в реестр) (п. 2.2 постановления Пленума № 36 от 06.06.2014).

Между тем, действия банка по выдаче должнику денежных средств с его счета не являются сделками в том смысле, которой заложен в пункте 2.2 постановления Пленума № 36, поэтому требование банка не подлежит включению в реестр с применением по аналогии положений о восстановлении требований в результате совершения сделки с предпочтением, так как речь идет не о предпочтении в виде нарушения очередности и пропорциональности, а о трате конкурсной массы в личных интересах должника и потому банк вправе требовать возврата не от конкурсной массы, а от должника после окончания производства по делу о банкротстве гражданина, поскольку в силу пункта 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств не распространяется на такие требования кредитора.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) индивидуального предпринимателя Понкратова Игоря Борисовича в Арбитражный суд Томской области обратилось АО «Райффайзенбанк» с заявлением о включении требования в размере 1 043 000 рублей в реестр требований кредиторов должника.

Определением Арбитражного суда Томской области от 20.09.2021 в удовлетворении заявления отказано. Постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.12.2021 определение суда первой инстанции оставлено без изменения. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа постановлением от 01.03.2022 указанные судебные акты оставил без изменения.

Банком на имя должника 12.11.2018 открыт счет № 40817810207000967902 и в соответствии с выпиской по счету за период с 19.11.2018 по 10.12.2018 со счета должника произведено списание денежных средств на общую сумму 1 043 000 рублей. Финансовый управляющий имуществом должника обратился в арбитражный суд Новосибирской области с иском о взыскании с банка 1 043 000 рублей в возмещение убытков, указывая, что решением от 28.07.2015 Арбитражного суда Томской области должник признан банкротом и с указанной даты утратил право самостоятельно распоряжаться своими денежными средствами, а банк в нарушение пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предоставил должнику указанную возможность, чем причинил вред имущественным правам конкурсных кредиторов.

Решением Арбитражного суда Новосибирской области от 13.01.2021 по делу № А45-27355/2020, оставленным без изменения постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 08.04.2021, с банка в конкурсную массу должника взысканы убытки в вышеуказанном размере.

Исполнив 08.06.2021 решение суда в полном объеме, банк, полагая, что имеет к должнику право требования, подлежащее удовлетворению в порядке, предусмотренном законодательством о банкротстве, обратился в Арбитражный суд Томской области с настоящим заявлением о включении

суммы убытков в реестр требований кредиторов должника. Отказывая в удовлетворении заявления, суды пришли к выводу, что взыскание соответствующей денежной суммы в данном случае необходимо производить не в рамках дела о банкротстве должника и не за счет его конкурсной массы, поскольку это ущемит законные права и интересы других кредиторов должника, а в порядке искового производства по правилам статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации путем взыскания с должника неосновательного обогащения после завершения реализации имущества должника и завершения расчетов с кредиторами.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Согласно пункту 1 статьи 213.25 Закона о банкротстве все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, составляет конкурсную массу, за исключением имущества, определенного пунктом 3 названной статьи. С даты признания гражданина банкротом все права в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, в том числе на распоряжение им, осуществляются только финансовым управляющим от имени гражданина и не могут осуществляться гражданином лично (пункт 5 статьи 213.25 Закона о банкротстве).

В соответствии с пунктом 6 статьи 213.25 Закона о банкротстве финансовый управляющий в ходе реализации имущества гражданина от имени гражданина распоряжается средствами гражданина на счетах и во вкладах в кредитных организациях. Гражданин обязан не позднее одного рабочего дня, следующего за днем принятия решения о признании его банкротом, передать финансовому управляющему все имеющиеся у него банковские карты (пункт 9 статьи 213.25 Закона о банкротстве). В силу пункта 5 статьи 213.25 Закона о банкротстве с даты признания гражданина банкротом сделки, совершенные гражданином лично (без участия финансового управляющего) в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, ничтожны.

В соответствии с пунктом 1 статьи 174.1 Гражданского кодекса Российской Федерации сделка, совершенная с нарушением запрета или ограничения распоряжения имуществом, вытекающих из закона, в частности из законодательства о несостоятельности (банкротстве), ничтожна в той части, в какой она предусматривает распоряжение таким имуществом (статья 180).

Требования кредиторов по сделкам гражданина, совершенным им лично (без участия финансового управляющего), не подлежат удовлетворению за счет конкурсной массы (пункт 5 статьи 213.25 Закона о банкротстве).

В кассационной жалобе банк ссылается на пункт 2.2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.06.2014 № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства» (далее – постановление Пленума № 36) и считает, что, возвратив в конкурсную массу списанные со счета должника денежные средства, приобрел право требования к должнику, которое подлежит удовлетворению в порядке, предусмотренном законодательством о банкротстве.

В пункте 2.2 постановления Пленума № 36 содержится разъяснение о том, что в случае возмещения кредитной организацией должнику убытков в размере неправомерно перечисленной ею суммы (в том числе по обязательным платежам) она в связи с тем, что по существу должник получил от нее такое же удовлетворение, которое ему причиталось от оспаривания сделки с предпочтением, вправе потребовать возмещения этой суммы от должника по правилам статьи 61.6 Закона о банкротстве (с учетом специального порядка исчисления срока на заявление требования в реестр). Между тем, вопреки доводам кассационной жалобы, требование банка не может быть включено в реестр требований кредиторов должника, поскольку действия банка по выдаче должнику денежных средств с его счета не являются сделками в том смысле, которой заложен в пункте 2.2 постановления Пленума № 36, поэтому требование банка не подлежит включению в реестр с применением по аналогии положений о восстановлении требований в результате совершения сделки с предпочтением, так как речь идет не о предпочтении в виде нарушения очередности и пропорциональности, а о трате конкурсной массы в личных интересах должника и потому банк вправе требовать возврата не от конкурсной массы, а от должника после окончания производства по делу о банкротстве гражданина, поскольку в силу пункта 3 статьи 213.28 Закона о банкротстве освобождение гражданина от обязательств не распространяется на такие требования кредитора.

Следовательно, как правильно указали суды, взыскание соответствующей денежной суммы в данном случае необходимо производить не в рамках дела о банкротстве должника и не за счет его

конкурсной массы, а в порядке искового производства по правилам статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации после завершения реализации имущества должника и завершения расчетов с кредиторами.

Вместе с тем в случае, если имущества должника будет достаточно для расчетов с конкурсными кредиторами, финансовый управляющий, действуя разумно и добросовестно, должен будет принять меры к проведению расчетов с банком.

Банкротство граждан

[Определение ВС РФ № 305-ЭС22-3659 от 07 июля 2022 г.](#)

Вступивший в законную силу судебный акт суда общей юрисдикции не может быть пересмотрен путем заявления в обособленном споре в арбитражном деле о банкротстве должника требования об исключении из конкурсной массы должника объектов недвижимости, на которые вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции обращено взыскание в счет погашения взысканной с должника задолженности, и предоставления арбитражным судом должнику на эти объекты недвижимости исполнительского иммунитета.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 06.06.2019 Тебиев А.В. (должник) признан несостоятельным (банкротом), в отношении него введена процедура реализации имущества гражданина, финансовым управляющим имуществом должника утверждена Климова С.Е.

Должник обратился в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о приостановлении процедуры реализации имущества должника; исключении из конкурсной массы должника жилого дома площадью 98,4 кв.м с кадастровым номером 33:01:000306:77 и земельного участка площадью 5500 кв.м с кадастровым номером 33:01:000306:60, расположенных по адресу: Владимирская область, Александровский район, д. Хорошево (далее – спорные жилой дом и земельный участок); включении в реестр требований кредиторов должника требования Ахмедовой Лилии Тешаевны (супруги должника) о выплате денежной компенсации в виде разницы в стоимости передаваемого имущества в размере 1 040 000 рублей; предоставлении должнику исполнительского иммунитета в отношении спорных жилого дома и земельного участка.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 11.08.2021 заявление должника в части включения в реестр требований кредиторов должника требования Ахмедовой Л.Т. в размере 1 040 000 рублей оставлено без рассмотрения, поскольку сама Ахмедова Л.Т. никаких требований не заявляла, а полномочий действовать от ее имени представитель должника не имеет; в удовлетворении заявления в остальной части отказано.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.10.2021 отменено определение суда первой инстанции в части отказа в исключении из конкурсной массы должника жилого дома; жилой дом исключен из конкурсной массы должника; в остальной части определение суда первой инстанции оставлено без изменения. Арбитражный суд Московского округа постановлением от 19.01.2022 отменил судебные акты в части отказа в исключении из конкурсной массы должника земельного участка под жилым домом и в отмененной части направил обособленный спор на новое рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы; в остальной части судебные акты оставил без изменения, признав правильным исключение судом апелляционной инстанции из конкурсной массы должника спорного жилого дома как единственного жилья должника.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Решением Александровского городского суда Владимирской области от 09.11.2020 по делу № 2-683/2020 по иску Иноземцева Д.А. произведен раздел имущества, являющегося общей совместной собственностью должника Тебиева А.В. и его супруги, в собственность должника выделены спорные жилой дом и земельный участок и на это имущество обращено взыскание в счет погашения задолженности, взысканной с должника в пользу Иноземцева Д.А. решением Кунцевского районного суда г. Москвы от 24.10.2017 по делу № 02-4536/2017 (с учетом апелляционного определения Московского городского суда от 18.04.2018). При этом судом учтено, что решение Кунцевского районного суда г. Москвы о взыскании в пользу Иноземцева Д.А. задолженности по договору займа Тебиевым А.В. не исполнено, у должника отсутствуют денежные средства и иное имущество, достаточные для погашения

задолженности, стоимость спорного имущества должника не превышает сумму его долга, спорный жилой дом не является единственным пригодным для проживания жилым помещением для должника и его супруги.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 17.03.2021 решение Александровского городского суда Владимирской области оставлено без изменения. Допущенная судом апелляционной инстанции в описательно-мотивировочной части определения от 17.03.2021 описка исправлена определением судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 23.03.2022.

Согласно пункту 2 статьи 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации вступившие в законную силу судебные постановления являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Обязательность судебного акта не может быть преодолена в порядке, не предусмотренном процессуальным законодательством.

С учетом изложенного у судов апелляционной и кассационной инстанций не имелось оснований для отмены определения суда первой инстанции по настоящему обособленному спору и исключения из конкурсной массы должника спорного жилого дома.

Прочие вопросы

[Определение ВС РФ № 305-ЭС22-3321 \(1\) от 4 июля 2022 года](#)

В рамках дела о банкротстве застройщика в порядке ст. 201.15-1 Закона о банкротстве может быть осуществлена передача иному застройщику (приобретателю) имущества должника и его долги перед участниками строительства на возмездной основе. Принимая на себя задолженность перед участниками строительства, такой приобретатель обязуется передать им готовые (построенные) квартиры в текущий момент времени.

Предполагается, что стоимость квартиры включает в себя две составляющие: 1) сумму, оплаченную застройщику по договору, и 2) реальный ущерб, упомянутый в пункте 2 статьи 201.5 Закона о банкротстве (разница между текущей стоимостью квартиры и суммой по договору), которые и погашаются в результате передачи квартиры участнику строительства. При этом учитывая фиксацию реального ущерба на момент открытия первой процедуры, стоимость квартиры зачастую может превышать совокупный размер договорной стоимости и реального ущерба. Таким образом, в результате приобретения прав и обязанностей застройщика к новому приобретателю переходит и обязанность компенсировать размер реального ущерба, определенного пунктом 2 статьи 201.5 Закона о банкротстве, в связи с чем соответствующие суммы должны учитываться при определении соотношения встречных предоставлений.

В рамках дела о банкротстве должника фонд обратился в суд с заявлением о передаче прав застройщика на земельные участки (кадастровый номер 50:55:0030918:1 площадью 4 807 кв.м.; кадастровым номером 50:55:0030919:273 площадью 5 193 кв.м.), с определением соотношения между передаваемыми фонду правами должника на земельные участки с находящимися на них неотделимыми улучшениями и совокупным размером требований участников строительства, включённых в реестр требований участников строительства, установив как итог размер требований фонда, подлежащих включению в реестр требований кредиторов должника в соответствии с пунктом 4 статьи 201.15-1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Определением Арбитражного суда Московской области от 08.09.2021 заявление удовлетворено, определён размер требований фонда, подлежащих включению в реестр, в сумме 238 151 808 рублей 24 копейки. Постановлением Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2021 данное определение отменено в части включения требования фонда в реестр, отказано в удовлетворении требования.

Решением Арбитражного суда Московской области от 16.09.2020 по настоящему делу должник признан банкротом, открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим должником утверждён Тулинов С.В.

В суд поступило настоящее заявление фонда о передаче прав застройщика, удовлетворяя которое суд первой инстанции пришёл к выводу о превышении совокупного размера требований участников строительства, включенных в реестр, над стоимостью прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и, как следствие, о необходимости включения в реестр требований фонда в размере 238 151 808 рублей 24 копейки.

Суд апелляционной инстанции пришел к противоположному выводу, согласившись с доводом банка о необоснованном включении конкурсным управляющим должником в совокупный размер требований участников строительства убытков, предусмотренных пунктом 2 статьи 201.5 Закона о банкротстве, указав, что поскольку с применением способа защиты прав участников строительства, указанного в статье 201.15-1 Закона о банкротстве, денежные требования участников строительства по возмещению убытков признаются погашенными, следовательно, данные убытки не учитываются при передаче объекта приобретателю.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В соответствии с требованиями статьи 201.15-1 Закона о банкротстве передача иному застройщику (приобретателю) имущества должника и его обязательств перед участниками строительства производится на возмездной основе, результатом которой является соотношение стоимости прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и совокупным размером требований участников строительства должника, включенных в реестр, с целью разрешения вопроса о наличии оснований для включения требований приобретателя в реестр должника или, напротив, о наличии у приобретателя обязанности перечислить денежные средства в пользу должника.

Для правильного расчёта указанного соотношения в настоящем деле ключевым является надлежащее определение совокупного размера требований участников строительства, которые фонд как приобретатель должен будет исполнить. В соответствии с пунктом 2 статьи 201.5 Закона о банкротстве при определении размера требований участников строительства учитывается не только размер уплаченного застройщику по соответствующему договору, но и размер убытков в виде реального ущерба, не являющихся самостоятельным требованием и представляющих собой разницу между стоимостью жилого помещения, которое должно было быть передано участнику строительства, и суммой денежных средств, уплаченных по договору, предусматривающему передачу жилого помещения. Судебная коллегия признаёт верной позицию о необходимости учитывать размер убытков участников строительства в виде реального ущерба при определении соотношения встречных предоставлений.

Выводы об обратном не соответствуют положениям закона и, учитывая актуальные условия делового оборота, обесмысливают само сальдирование, поскольку при использовании избранного апелляционным судом подхода стоимость передаваемых приобретателю прав будет больше совокупного размера средств, уплаченных участниками строительства, что приведёт к нарушению прав приобретателя путём необоснованного занижения стоимости передаваемых обязательств. Ссылка апелляционного суда на погашение денежных требований по возмещению убытков в соответствии с положениями пункта 6 статьи 201.15-2 Закона о банкротстве несостоятельна ввиду того, что указание на погашение необходимо для исключения этих требований из реестра должника ввиду перемены лиц в обязательствах, предусмотренной пунктом 9 данной статьи, но на момент проведения спорных расчётов отсутствуют основания считать убытки погашенными.

Судебная коллегия также принимает доводы конкурсного управляющего должником, основанные на положениях пунктов 1 и 1.1 статьи 201.9 Закона о банкротстве, о том, что требования фонда, полученные в результате удовлетворения заявления о намерении стать приобретателем прав на объект незавершённого строительства и исполнить обязательства перед участниками строительства, подлежат включению в третью очередь реестра. Вместе с тем, участники обособленного спора неоднократно ссылались на арифметическую ошибку в указании размера требований кредиторов должника, допущенную конкурсным управляющим в предоставленных в суд документах, которая, в свою очередь, привела к неточности в расчётах суда первой инстанции. Изложенное требует проведения соответствующей проверки и перерасчёта.

[Определение ВС РФ № 307-ЭС21-28798 \(2\) от 28 июля 2022 г.](#)

1. Согласно части 6 статьи 55.16-1 ГрК РФ при исключении саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций права на средства

компенсационного фонда переходят к Национальному объединению саморегулируемых организаций, членом которого являлась такая саморегулируемая организация. При банкротстве саморегулируемой организации публичная обязанность направить средства компенсационных фондов на создание имущественной базы для последующих выплат в счет возмещения вреда не прекращается. Эта обязанность должна быть исполнена конкурсным управляющим саморегулируемой организации. Именно он обязан сначала вычленив из имущества саморегулируемой организации защищенную исполнительским иммунитетом часть, приходящуюся на компенсационный фонд, а затем передать эту часть Национальному объединению саморегулируемых организаций. При банкротстве саморегулируемой организации (союза) требования, в которые трансформировались средства компенсационного фонда, следуют судьбе этих средств, то есть подлежат исключению из конкурсной массы, в том числе реституционные требования по договорам, заключенным между должником (СРО) и иными кредиторами.

2. Национальное объединение, которому должно быть передано имущество, подлежащее исключению из конкурсной массы, по своему выбору вправе: либо перевести на себя права взыскателя по реституционному требованию к компании, права получателя по соглашению о возмещении ущерба в соответствующей части, приходящейся на компенсационный фонд (пункт 1 статьи 6 ГК РФ, подпункт 1 пункта 4 статьи 61.17 Закона о банкротстве), либо требовать от управляющего выполнения сохраняющейся в процедуре банкротства обязанности по направлению на специальный счет национального объединения денежных средств фактически полученных в ходе исполнения реституционного требования и соглашения о возмещении ущерба в доле, приходящейся на компенсационный фонд (часть 14 статьи 55.16 ГК РФ). Независимо от выбранного ассоциацией способа получения средств компенсационного фонда конкурсный управляющий совершает ряд действий в ее интересах – в интересах лица, не являющегося кредитором, чьи требования удовлетворяются посредством распределения конкурсной массы по правилам Закона о банкротстве.

Союзом (учредителем управления) и акционерным обществом «Управляющая компания «Норд-Вест Капитал» заключен договор доверительного управления от 15.03.2012 № ДУ-Ю-158/ДУ, по условиям которого союз передал компании в доверительное управление денежные средства, предназначенные для инвестирования в ценные бумаги, а компания обязалась осуществлять управление этим имуществом в интересах союза. Со ссылкой на указанный договор союз перечислил компании 3 748 400 000 рублей. Определением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.02.2019 возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) союза. Решением того же суда от 22.09.2020 союз признан банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство. В рамках дела о банкротстве союза упомянутый договор доверительного управления признан недействительным, применены последствия его недействительности (определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 17.06.2021). В рамках обособленного спора о признании сделки недействительной суды, приняв во внимание вступившие в законную силу приговоры, установили, что контролирующие союз лица создали организованную преступную группу. Они приобрели компанию, имеющую лицензию, позволяющую вести деятельность по управлению ценными бумагами, денежными средствами, предназначенными для совершения сделок с ценными бумагами, для того, чтобы перечислять компании средства, находящиеся на счетах союза, под видом передачи их в доверительное управление, создавая иллюзию законности оборота. В действительности компания не осуществляла реальную хозяйственную деятельность по управлению ценными бумагами, полученные от союза денежные средства похищались путем дальнейшего перечисления агентам по мнимым агентским соглашениям. Суды признали договор недействительным как мнимую сделку на основании пункта 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, применили последствия его недействительности, взыскав с компании в пользу союза 3 639 400 000 рублей (полученные по договору денежные средства за вычетом 109 000 000 рублей, возвращенных на основании соглашения о добровольном возмещении ущерба, причиненного преступлением, и приобретенных к материалам уголовного дела).

Ассоциация, сославшись на то, что денежные средства, похищенные с использованием недействительного договора доверительного управления, являлись средствами компенсационного

фонда союза, не подлежащими в силу закона включению в конкурсную массу последнего, обратилась в суд с заявлением об исключении из конкурсной массы реституционного требования союза к компании, а также суммы, переданной в счет возмещения ущерба, причиненного преступлением. Отказывая в удовлетворении этого заявления, суды сочли, что исключению из конкурсной массы подлежат лишь обособленные денежные средства компенсационного фонда саморегулируемой организации, то есть размещенные на специальном счете саморегулируемой организации в кредитном учреждении. Спорное же имущество таковым не является, оно вошло в конкурсную массу союза. Также суды указали, что в рассматриваемом случае осуществлялось хищение не только средств компенсационного фонда союза, но и иных членских взносов.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В силу специальных положений Градостроительного кодекса Российской Федерации на саморегулируемые организации возложена обязанность по формированию компенсационного фонда, в пределах которого саморегулируемая организация несет солидарную ответственность по обязательствам своих членов, возникшим вследствие причинения вреда (статья 55.16 ГрК РФ). В отношениях по формированию компенсационного фонда, превалирует публично-правовое начало: они направлены на создание эффективных гарантий возмещения вреда, причиненного лицам, пострадавшим от недоброкачественных строительных работ, выполненных членами саморегулируемых организаций. Указанным публичным интересом обусловлено и закрепленное в части 5 статьи 55.16-1 ГрК РФ, пункте 2 статьи 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» правило о невключении средств компенсационных фондов в конкурсную массу несостоятельной саморегулируемой организации.

Частью 4 статьи 55.16 ГрК РФ (действовавшей на момент заключения союзом договора доверительного управления) допускалось размещение средств компенсационного фонда в депозиты и (или) депозитные сертификаты в российских кредитных организациях в целях сохранения и увеличения размера этого фонда. Впоследствии (после принятия Федерального закона от 03.07.2016 № 372-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с учетом уточнений, введенных в действие Федеральным законом от 18.06.2017 № 126-ФЗ «О внесении изменений в статью 55.2 Градостроительного кодекса Российской Федерации и статью 3.3 Федерального закона «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации») саморегулируемые организации были обязаны в срок до 01.09.2017 разместить в полном объеме средства компенсационного фонда, сформированного в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности, действовавшим до 04.07.2016, на специальном банковском счете, открытом в российской кредитной организации, соответствующей установленным требованиям, уведомив об этом федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление государственного надзора за деятельностью саморегулируемых организаций, и Национальное объединение саморегулируемых организаций, членом которого является саморегулируемая организация (части 2 и 10 статьи 3.3 Федерального закона от 29.12.2004 № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации»).

Согласно части 6 статьи 55.16-1 ГрК РФ при исключении саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций права на средства компенсационного фонда переходят к Национальному объединению саморегулируемых организаций, членом которого являлась такая саморегулируемая организация (в данном случае – к ассоциации). В соответствии с частью 14 статьи 55.16 ГрК РФ, при исключении сведений о саморегулируемой организации из государственного реестра саморегулируемых организаций, средства компенсационного фонда подлежат зачислению на специальный банковский счет Национального объединения саморегулируемых организаций, членом которого являлась такая саморегулируемая организация, и могут быть использованы только для осуществления выплат в связи с наступлением солидарной или субсидиарной ответственности саморегулируемой организации по обязательствам членов такой организации. Приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 22.01.2018 № СП-13 сведения о союзе исключены из государственного реестра саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства.

Суды установили, что союз до его исключения из государственного реестра саморегулируемых организаций не исполнил возложенную на него законом обязанность по обособлению на специальном счете денежных средств компенсационного фонда.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий, представивший возражения по заявлению ассоциации, в ходе рассмотрения спора не отрицал тот факт, что основная часть похищенных денежных средств была сформирована за счет взносов членов союза в компенсационный фонд. В судебную коллегия он представил соответствующий расчет, основанный на анализе выписок по 11 счетам союза. Таким образом, в рамках настоящего обособленного спора имелась возможность проследить движение по расчетным счетам союза сумм, внесенных его членами в компенсационный фонд, расчетным методом установить конкретную величину этих взносов, неправомерно направленную компанией по недействительному договору доверительного управления, и на основании этого определить приходящуюся на компенсационный фонд долю в реституционном требовании союза к компании и долю в сумме, причитающейся по соглашению о возмещении ущерба, причиненного преступлением. При наличии такой возможности следовало исходить из того, что при банкротстве союза требования, в которые трансформировались средства компенсационного фонда, следуют судьбе этих средств, то есть подлежат исключению из конкурсной массы. При таких обстоятельствах, вывод судов о необоснованности заявления ассоциации об исключении имущества из конкурсной массы является ошибочным. Давая объяснения в судебном заседании судебной коллегии, представители ассоциации пояснили, что, по их мнению, исключение имущества из конкурсной массы союза следует осуществить следующим образом: сумма, переданная в счет возмещения ущерба, причиненного преступлением, и денежные средства, полученные в порядке исполнения реституционного требования союза к компании, первоначально подлежат зачислению на счет союза, с которого управляющий производит их дальнейшее перечисление на специальный банковский счет ассоциации. С учетом этого необходимо отметить следующее. Ассоциация, которой должно быть передано имущество, подлежащее исключению из конкурсной массы, по своему выбору вправе: либо перевести на себя права взыскателя по реституционному требованию к компании, права получателя по соглашению о возмещении ущерба в соответствующей части, приходящейся на компенсационный фонд (пункт 1 статьи 6 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункт 1 пункта 4 статьи 61.17 Закона о банкротстве), либо требовать от управляющего выполнения сохраняющейся в процедуре банкротства обязанности по направлению на специальный счет ассоциации денежных средств фактически полученных в ходе исполнения реституционного требования и соглашения о возмещении ущерба, причиненного преступлением, в доле, приходящейся на компенсационный фонд (часть 14 статьи 55.16 ГрК РФ). Независимо от выбранного ассоциацией способа получения средств компенсационного фонда конкурсный управляющий совершает ряд действий в ее интересах – в интересах лица, не являющегося кредитором, чьи требования удовлетворяются посредством распределения конкурсной массы по правилам Закона о банкротстве. В частности, управляющий в интересах ассоциации совершает действия, направленные на оспаривание договора доверительного управления (в относящейся к компенсационному фонду части). В такой ситуации управляющему подлежит выплата вознаграждение из упомянутой самостоятельной имущественной массы, составляющей компенсационный фонд, за оказанные им услуги (статья 781 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом при выборе ассоциацией второго варианта поведения объем оказываемых конкурсным управляющим услуг увеличивается, что влечет за собой увеличение причитающегося ему вознаграждения.

[Определение № 309-ЭС22-7051 от 18 августа 2022 года](#)

Непредоставление доказательств совершенной в надлежащем порядке публикации уведомления о намерении подать заявление о собственном банкротстве является нарушением требований, предусмотренных статьями 37 - 41 Закона о банкротстве, ввиду чего такое заявление подлежит оставлению без движения. Последующее предоставление доказательств такой публикации, совершенной с нарушением установленного законом пятнадцатидневного срока, не является основанием для принятия заявления к производству, поскольку допущенное нарушение применительно к дате подачи заявления носит неустранимый характер.

Поступление в то же время в суд заявления кредитора, своевременно исполнившего обязанность по опубликованию намерения о признании должника банкротом, напротив, подлежит принятию. Иное необоснованно будет лишать его права на обращение в суд с

заявлением о признании должника банкротом, а также права на представление кандидатуры арбитражного управляющего.

09.11.2021 в арбитражный суд поступило заявление общества СК «УСТК» о собственном банкротстве в связи наличием непогашенной задолженности перед кредиторами в размере 53 301 908,90 руб., подтвержденной вступившими в законную силу судебными актами.

Определением арбитражного суда Свердловской области от 16.11.2021 указанное заявление оставлено без движения на срок до 16.12.2021.

19.11.2021 в суд поступило заявление общества «СМП-13» о признании общества СК «УСТК» банкротом в связи с имеющейся задолженностью в размере 3 353 079,19 руб. основного долга и 850 426,05 руб. неустойки, непогашенной более трех месяцев. Определением арбитражного суда Свердловской области от 24.11.2021 заявление общества «СМП-13» оставлено без движения на срок до 23.12.2021. Определением суда первой инстанции от 29.12.2021, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 25.02.2022, заявление должника принято к производству суда, возбуждено производство по делу. Определением суда первой инстанции от 29.12.2021 заявление общества «СМП-13» о вступлении в дело принято к производству.

Оставляя заявление общества СК «УСТК» о признании его банкротом без движения, суд первой инстанции предложил заявителю представить документы, подтверждающие направление копий документов в адрес кредиторов и уполномоченного органа; список кредиторов и должников заявителя с расшифровкой кредиторской и дебиторской задолженностей и указанием адресов кредиторов и должников заявителя; доказательства оплаты государственной пошлины; доказательства выполнения обязанности по предварительному опубликованию в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц уведомления о своем намерении обратиться с заявлением о банкротстве, установленной в пункте 2.1 статьи 7 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Во исполнение определения суда должник представил запрашиваемые документы и уведомление участника должника Пурея К.А. от 26.11.2021 № 10179561 о намерении обратиться в суд с заявлением о банкротстве должника.

Впоследствии суд первой инстанции принял заявление должника о своем банкротстве к производству. Оставляя определение суда первой инстанции без изменения, суд апелляционной инстанции указал, что обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления без движения, были устранены. После исправления недостатков заявление считается поданным в день его поступления в суд, а не в день исправления нарушений.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции установил, что уведомление о намерении обратиться в суд с заявлением о банкротстве опубликовано после подачи должником такого заявления и публикатором выступал не сам должник, а его участник – Пурей К.А. Однако суд посчитал, что желание апелланта (общества «СМП-13») стать заявителем по делу о банкротстве не подкреплено рациональными аргументами со ссылкой на пункт 5 статьи 37 Закона о банкротстве. При таких условиях суд апелляционной инстанции указал, что в рассматриваемой ситуации суду первой инстанции следует совместно рассмотреть оба заявления о признании общества СК «УСТК» банкротом.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В соответствии с пунктом 2.1 статьи 7 Закона о банкротстве право на обращение в арбитражный суд возникает у конкурсного кредитора, должника, работника, бывшего работника должника при условии предварительного, не менее чем за пятнадцать календарных дней до обращения в арбитражный суд, опубликования уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом путем включения его в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц. Согласно пункту 1 статьи 44 Закона о банкротстве, если арбитражным судом при рассмотрении вопроса о принятии заявления о признании должника банкротом устанавливается, что оно подано с нарушением требований, предусмотренных статьями 37 - 41 названного Закона, арбитражный суд выносит определение о его оставлении без движения. Если обстоятельства, послужившие основанием для оставления заявления о признании должника банкротом без движения, не будут устранены в установленный данным определением срок, арбитражный суд выносит определение о возвращении заявления о признании должника банкротом и возвращает такое заявление с прилагаемыми к нему документами (пункт 4 статьи 44 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае цель публикации - оповещение всех заинтересованных лиц о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом - не достигнута. Доказательств соблюдения требования о предварительном публичном раскрытии информации о намерении должника подать заявление о собственном банкротстве не представлено. Следовательно, на момент подачи заявления должником не соблюден порядок обращения в суд с заявлением о своем банкротстве. При этом допущенное нарушение применительно к дате подачи заявления носило неустранимый характер и не могло быть принято к производству как поданное с нарушением требований, предусмотренных Законом о банкротстве (абзац первый пункта 1 статьи 42 Закона).

Учитывая изложенное, суд первой инстанции должен был возвратить заявление общества СК «УСТК» на основании пункта 4 части 1 статьи 129 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 4 статьи 44 Закона о банкротстве, указав, что возвращение заявления не препятствует повторному обращению с таким же требованием в суд в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его возвращения, и в случае признания аналогичных заявлений иных лиц необоснованными. Публикация участником должника Пуреом К.А. сведений о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом 26.11.2021 при соблюдении пункта 2.1 статьи 7 Закона о банкротстве свидетельствует о возможности обратиться с таким заявлением не ранее 11.12.2021. Однако на указанную дату в суде уже находилось заявление общества «СМП-13» о признании должника банкротом (сообщение о намерении обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом опубликовано в Едином федеральном реестре 27.10.2021 под № 09962860).

Нарушив порядок подачи заявления о признании себя несостоятельным (банкротом), должник в том числе лишил общество «СМП-13» как кредитора, своевременно исполнившего обязанность по опубликованию намерения обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, права на представление кандидатуры арбитражного управляющего. В связи с этим судебная коллегия считает ошибочными выводы суда апелляционной инстанции об отсутствии у общества «СМП-13» «рациональных аргументов» стать заявителем по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС22-7163 от 22 августа 2022 года.](#)

1. В ситуации приобретения гражданином значительного количества (например, 30) квартир в инвестиционных целях (для последующей перепродажи и получения прибыли) его требования к застройщику, находящемуся в банкротстве, не подлежат приоритетному удовлетворению в режиме требований участника строительства (подпункт 2 пункта 1 статьи 201.1, пункт 3 статьи 201.4, подпункт 3 пункта 1 статьи 201.9 Закона о банкротстве). Последовательное изменение законодательства о несостоятельности застройщиков, действительно, позволяет сделать вывод, что предпринимаемые законодателем меры по увеличению гарантий прав граждан – участников строительства – преследуют, в первую очередь, удовлетворение их потребностей и потребностей их семей, связанных с жильем. Как отмечено в пункте 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.07.2022 № 34-П, участие в долевого строительстве выступает прежде всего формой реализации гражданами своего интереса в обеспечении личной потребности в жилище.

В то же время сам по себе факт инвестирования гражданином в объекты недвижимости на этапе строительства не может влечь полный отказ в удовлетворении его требований при банкротстве застройщика. Как отмечено в Постановлении КС РФ № 34-П, заключение договоров с целью приобретения жилого помещения может быть направлено на удовлетворение не только жилищных потребностей гражданина, но и его экономических интересов (сбережение денежных средств, формирование имущественной базы для дальнейшего получения дохода от сдачи жилья внаем и т.д.). По этим причинам приобретение гражданином значительного количества квартир по договорам участия в долевого строительстве в инвестиционных целях не свидетельствует о злоупотреблении правом (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), а указывает на необходимость квалифицировать долг перед ним таким образом, как если бы владельцем требования к застройщику являлось юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность (пункты 1 и 2 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации), и расчеты с которым в силу подпункта 4 пункта 1 статьи 201.9 Закона о банкротстве осуществляются в четвертую очередь.

2. Само по себе приобретение гражданином более одной квартиры еще не свидетельствует об инвестиционном характере его требования. Не исключены ситуации, когда приобретение нескольких квартир обусловлено необходимостью обеспечить потребности в жилище не только гражданина, но и членов его семьи, иных близких лиц. В таком случае суд должен вынести вопрос о целях заключения договора в отношении нескольких квартир на обсуждение сторон (применительно к части 1 статьи 133 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Если часть квартир приобретены в потребительских целях, а иная часть – в инвестиционных, требования кредитора подлежат включению в реестр исходя из их правовой природы.

3. Ошибочны выводы судов, указавших что действующим законодательством ограничена до 120 кв.м площадь помещения, приобретаемого физическим лицом – участником долевого строительства. В силу пункта 2 статьи 213 Гражданского кодекса Российской Федерации количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются. При этом в действующем законодательстве отсутствуют положения, предусматривающие ограничения по площади жилого помещения, приобретаемого участником долевого строительства. Приведенная судами в обоснование данного вывода ссылка на часть 2 статьи 13 Закона № 218-ФЗ подобное ограничение не устанавливает. Названная норма подлежит применению для определения размера компенсации участнику строительства в ситуации, когда Фондом развития территорий принято решение о выплате возмещения (пункт 5 части 2 статьи 13.1 данного закона) вместо решения о финансировании мероприятий по завершению строительства. Однако названная норма не ограничивает ни площадь помещения (помещений), которое подлежит передаче физическому лицу, включенному в реестр о передаче жилых помещений, ни размер трансформированного денежного требования кредитора. Таким образом, если бы по результатам проверки целей приобретения квартир установлено, что требования (их часть) покупателя носили инвестиционный характер, они подлежат включению в четвертую очередь реестра как обеспеченные залогом тех квартир, которые причитались ему как покупателю по условиям договора долевого участия в строительстве.

Но если определением суда удовлетворено заявление Фонда о намерении стать приобретателем прав и обязанностей застройщика, и ему переданы права на участок и объект незавершенного строительства, залоговые права кредиторов, включенных в денежный реестр, в отношении объектов долевого строительства прекратились (пункт 11 статьи 201.15-2 Закона о банкротстве). Постановлением № 34-П признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации части 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27.06.2019 № 151-ФЗ во взаимосвязи с пунктом 11 статьи 201.15-2 Закона о банкротстве в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не предусматривают необходимых правовых гарантий защиты прав кредиторов, не являющихся участниками строительства, при прекращении их залоговых прав в связи с передачей земельного участка, объекта незавершенного строительства фонду. В тексте постановления отмечено, что признание названных положений не соответствующими Конституции Российской Федерации не должно означать восстановления залоговых прав кредиторов, не являющихся участниками строительства и приобретших права залогодержателей до принятия оспариваемого регулирования. Конституционным Судом Российской Федерации указано на возможность для таких кредиторов требовать от фонда выплаты компенсаций, предусмотренных пунктом 4 резолютивной части Постановления № 34-П.

14.02.2014 между должником (застройщиком) и Паначевым Л.Г. (дольщиком, участником строительства) заключен договор участия в долевом строительстве № СП-84/2014/ОП, по условиям которого застройщик обязался передать участнику строительства 15 квартир общей площадью 1 044,6 кв.м, расположенных в многоквартирном жилом доме по адресу: Московская область, г. Сергиев Посад, Ярославское шоссе, между домами № 8 и № 22. Поскольку застройщик свои обязательства не исполнил, Паначев Л.Г. в рамках настоящего дела о банкротстве обратился к конкурсному управляющему с заявлением о включении его требований в реестр о передаче жилых помещений.

Уведомлением от 28.01.2021 во включении требований в реестр конкурсным управляющим отказано, в связи с чем заявитель обратился в арбитражный суд с возражениями по настоящему обособленному спору.

Разрешая спор, суд первой инстанции руководствовался положениями статей 201.1, 201.4, 201.7 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», статьи 4 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и, признав доказанным факт осуществления оплаты со стороны участника строительства по договору от 14.02.2014, включил его требования в реестр о передаче жилых помещений.

Отменяя определение от 11.10.2021, суд апелляционной инстанции сослался на положения статей 60, 201.1, 201.4, 201.9 Закона о банкротстве и отметил, что обстоятельства оплаты спорных квартир не имеют правового значения при рассмотрении настоящего обособленного спора. Суд указал, что основной целью принятия специальных правил о банкротстве застройщиков является обеспечение приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов. Применение указанных правил должно быть направлено на достижение этой цели. Суд сделал вывод, что очередность удовлетворения требований кредиторов устанавливается правопорядком исходя из степени значимости подлежащих защите интересов конкретной группы кредиторов, чьи требования не удовлетворены должником после вступления в правоотношения с последним. Граждане, вступившие в отношения с застройщиком и заключившие договор долевого участия в строительстве, преследуют цель удовлетворения своих потребностей, связанных с жильем. Последовательное изменение законодателем норм Закона о банкротстве в 2017-2019 годах (в том числе Федеральные законы от 29.07.2017 № 218-ФЗ, от 01.07.2018 № 175-ФЗ, от 25.12.2018 № 478-ФЗ, от 27.06.2019 № 151-ФЗ, от 04.11.2019 № 359-ФЗ) позволяет сделать вывод о том, что в условиях банкротства застройщиков приоритет в защите и восстановлении нарушенных прав остается на стороне граждан.

При этом суд отметил, что действующим законодательством ограничена до 120 кв.м и площадь помещения, приобретаемого физическим лицом – участником долевого строительства (часть 2 статьи 13 Федерального закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; далее – Закон № 218-ФЗ). Из этого суд сделал вывод, что граждане-инвесторы, вступившие в правоотношения с застройщиком и преследующие цель извлечения прибыли от такой деятельности, в условиях банкротства должника не могут получить удовлетворение в одной очереди удовлетворения с гражданами.

В данном случае Паначев Л.Г. приобрел в совокупности тридцать квартир (вопрос обоснованности требования по оставшимся пятнадцати квартирам рассматривается в рамках иного обособленного спора). Таким образом, договоры участия в долевом строительстве Паначевым Л.Г. заключались с целью осуществления инвестиционной деятельности, а не в целях удовлетворения личных потребностей по улучшению жилищных условий, в силу чего кредитору не может быть предоставлена приоритетная защита в деле о банкротстве застройщика. Частные инвесторы сами несут ответственность и риски наступления неблагоприятных последствий (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). При таких условиях суд апелляционной инстанции отказал Паначеву Л.Г. в удовлетворении заявленных требований. С этим выводом впоследствии согласился суд округа.

Судебная коллегия считает правильными выводы судов апелляционной инстанции и округа в той части, что в ситуации приобретения гражданином значительного количества квартир в инвестиционных целях (для последующей перепродажи и получения прибыли) его требования к застройщику, находящемуся в банкротстве, не подлежат приоритетному удовлетворению в режиме требований участника строительства (подпункт 2 пункта 1 статьи 201.1, пункт 3 статьи 201.4, подпункт 3 пункта 1 статьи 201.9 Закона о банкротстве). Последовательное изменение законодательства о несостоятельности застройщиков, действительно, позволяет сделать вывод, что предпринимаемые законодателем меры по увеличению гарантий прав граждан – участников строительства – преследуют, в первую очередь, удовлетворение их потребностей и потребностей их семей, связанных с жильем.

Как отмечено в пункте 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.07.2022 № 34-П, участие в долевом строительстве выступает прежде всего формой реализации гражданами своего интереса в обеспечении личной потребности в жилище.

Вместе с тем сам по себе факт инвестирования гражданином в объекты недвижимости на этапе строительства не может влечь полный отказ в удовлетворении его требований при банкротстве застройщика. Как отмечено в упомянутом Постановлении № 34-П, заключение договоров с целью

приобретения жилого помещения может быть направлено на удовлетворение не только жилищных потребностей гражданина, но и его экономических интересов (сбережение денежных средств, формирование имущественной базы для дальнейшего получения дохода от сдачи жилья внаем и т.д.). По этим причинам вопреки выводам судов приобретение Паначевым Л.Г. значительного количества квартир в инвестиционных целях не свидетельствует о злоупотреблении им правом (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), а указывает на необходимость квалифицировать долг перед ним таким образом, как если бы владельцем требования к застройщику являлось юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность (пункты 1 и 2 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации), и расчеты с которым в силу подпункта 4 пункта 1 статьи 201.9 Закона о банкротстве осуществляются в четвертую очередь. По этой причине выводы судов апелляционной инстанции и округа о полном отказе в удовлетворении требований Паначева Л.Г. ошибочны.

Необходимо также отметить, что само по себе приобретение гражданином более одной квартиры еще не свидетельствует об инвестиционном характере его требования. Не исключены ситуации, когда приобретение нескольких квартир обусловлено необходимостью обеспечить потребности в жилище не только гражданина, но и членов его семьи, иных близких лиц. В таком случае суд должен вынести вопрос о целях заключения договора в отношении нескольких квартир на обсуждение сторон (применительно к части 1 статьи 133 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), что в данном случае сделано не было. Если часть квартир приобретены в потребительских целях, а иная часть – в инвестиционных, требования кредитора подлежат включению в реестр исходя из их правовой природы.

Равным образом ошибочны и выводы судов, указавших что действующим законодательством ограничена до 120 кв.м площадь помещения, приобретаемого физическим лицом – участником долевого строительства. В силу пункта 2 статьи 213 Гражданского кодекса Российской Федерации количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются. При этом в действующем законодательстве отсутствуют положения, предусматривающие ограничения по площади жилого помещения, приобретаемого участником долевого строительства. Приведенная судами в обоснование данного вывода ссылка на часть 2 статьи 13 Закона № 218-ФЗ подобное ограничение не устанавливает. Названная норма подлежит применению для определения размера компенсации участнику строительства в ситуации, когда Фондом развития территорий принято решение о выплате возмещения (пункт 5 части 2 статьи 13.1 данного закона) вместо решения о финансировании мероприятий по завершению строительства. Однако названная норма не ограничивает ни площадь помещения (помещений), которое подлежит передаче физическому лицу, включенному в реестр о передаче жилых помещений, ни размер трансформированного денежного требования кредитора. Таким образом, если бы по результатам проверки целей приобретения квартир было установлено, что требования (их часть) Паначева Л.Г. носили инвестиционный характер, они подлежали включению в четвертую очередь реестра как обеспеченные залогом тех квартир, которые причитались ему как покупателю по условиям договора долевого участия в строительстве.

Однако, учитывая, что определением суда первой инстанции от 21.12.2021 удовлетворено заявление Фонда о намерении стать приобретателем прав и обязанностей застройщика, и ему переданы права на участок и объект незавершенного строительства, залоговые права кредиторов, включенных в денежный реестр, в отношении объектов долевого строительства прекратились (пункт 11 статьи 201.15-2 Закона о банкротстве). Постановлением № 34-П признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации части 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27.06.2019 № 151-ФЗ во взаимосвязи с пунктом 11 статьи 201.15-2 Закона о банкротстве в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не предусматривают необходимых правовых гарантий защиты прав кредиторов, не являющихся участниками строительства, при прекращении их залоговых прав в связи с передачей земельного участка, объекта незавершенного строительства фонду. В тексте постановления отмечено, что признание названных положений не соответствующими Конституции Российской Федерации не должно означать восстановления залоговых прав кредиторов, не являющихся участниками строительства и приобретших права залогодержателей до принятия оспариваемого регулирования. Конституционным Судом Российской Федерации указано на возможность для таких кредиторов требовать от фонда выплаты компенсаций, предусмотренных пунктом 4 резолютивной части Постановления № 34-П.

Соответственно, в настоящее время требования Паначева Л.Г., носящие инвестиционный характер, при их обоснованности (в частности, при подтверждении факта оплаты) могут быть не только

включены в четвертую очередь реестра, но и погашены (частично) за счет выплаты Фондом указанной компенсации. Однако, как отмечено выше, вопрос о том, для каких целей приобретались все тридцать квартир (например, имелись ли среди них те, которые приобретены для потребительских целей), судами по существу исследован не был. Также судами, по сути, не был установлен факт осуществления кредитором оплаты с точки зрения стандарта, предусмотренного пунктом 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

В частности, суд первой инстанции не проверил возражения конкурсного управляющего, ссылавшегося на то, что фактическая передача должнику денежных средств в счет оплаты осуществлена не была. Суды апелляционной инстанции и округа, указав, что в силу приобретения тридцати квартир факт их оплаты не имеет значения для разрешения спора, также соответствующие обстоятельства не исследовали.

Субсидиарная ответственность и убытки

[Определение ВС РФ № 308-ЭС16-6482 \(24,25\) от 07 июля 2022 года](#)³

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является сложным юридическим фактом, который состоит из следующих элементов:

- 1) определение наличия оснований для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника,
- 2) определение размера субсидиарной ответственности после окончания формирования конкурсной массы должника.

На втором этапе судебный акт о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности имеет преюдициальное значение: закреплённое законодателем правило об общеобязательном характере принятого по настоящему делу и вступившего в законную силу судебного акта вне установленных законодателем процессуальных процедур его обжалования и пересмотра недопустимо.

Следовательно, возможность перекалфикации требований о привлечении к субсидиарной ответственности в иск о возмещении убытков, как правило, допускается на стадии установления оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, а не на стадии определения её размера. Указав судам первой и апелляционной инстанции на необходимость повторной проверки вопросов возмещения убытков ранее привлечённым к субсидиарной ответственности лицом суд округа обошёл закреплённое законодателем правило об общеобязательном характере принятого по настоящему делу и вступившего в законную силу судебного акта вне установленных законодателем процессуальных процедур его обжалования и пересмотра, что являлось недопустимым.

На основании заявлений конкурсного управляющего и кредитора к субсидиарной ответственности по обязательствам должника привлечено одиннадцать физических и юридических лиц – Горяинов Сергей Николаевич, Феофанова Елена Григорьевна, Данилов Владимир Васильевич, Данилов Роман Владимирович, Данилова Галина Ивановна, Лойторенко Виктор Леонидович, Некрасов Сергей Федорович, общества с ограниченной ответственностью СК «Севкавстрой», СХП Колхоз «Правда», Колхоз «Родина» и «ГлавИнвестПроект». Требования к субсидиарным ответчикам рассматривались судами в пяти обособленных спорах: - к обществу «ГлавИнвестПроект»; - к обществам с ограниченной ответственностью СК «Севкавстрой», СХП Колхоз «Правда», СХП Колхоз «Родина», Лойторенко В.Л.; - к Данилову В.В., Данилову Р.В. и Даниловой Г.В.; - к Горяинову С.Н. и Феофановой Е.Г.; - к Некрасову С.Ф. Судебные акты, признавшие доказанным наличие оснований для привлечения названных лиц к

³ Аналогично в [Определении ВС РФ № 308-ЭС16-6482 \(22, 27\) от 07 июля 2022 г.](#), [Определении ВС РФ № 308-ЭС16-6482\(20, 29\) от 07 июля 2022 года](#), [Определении ВС РФ № № 308-ЭС16-6482 \(21,28\) от 07 июля 2022 года](#), [Определении ВС РФ № 308-ЭС16-6482\(23, 26\) от 07 июля 2022 года](#)

субсидиарной ответственности не отменены, в порядке главы 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не пересмотрены.

Устанавливая размер субсидиарной ответственности Горяинова С.Н. и Феофановой Е.Г., суд первой инстанции исходил из того, что наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности установлено вступившим в законную силу судебным актом. Поскольку размер непогашенных требований кредиторов составляет 267 299 724 рубля 54 копейки, суд определил взыскать солидарно с указанных лиц эту сумму. Апелляционный суд в целом согласился с выводами суда первой инстанции, однако счёл необходимым изменить резолютивную часть принятого определения в части размера подлежащих взысканию денежных средств, исправив допущенную конкурсным управляющим техническую ошибку, повлекшую необоснованное уменьшение размера ответственности на сумму требований одного из конкурсных кредиторов – общества с ограниченной ответственностью «Монолит», заявленных после закрытия реестра и оставшихся не погашенными.

Суд округа отменил принятые судами определение и постановление, направив настоящий обособленный спор на новое рассмотрение, поскольку вывод нижестоящих судов о необходимости привлечения Горяинова С.Н. к субсидиарной ответственности исходя из размера непогашенных за счет конкурсной массы требований должника сделан без установления всех фактических обстоятельств и исследования представленных доказательств, а вопрос возмещения названным лицом убытков судами не рассматривался.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Действующим процессуальным законодательством (частью 1 статьи 16 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) закреплено правило об общеобязательном характере вступивших в законную силу судебных актов арбитражного суда на всей территории Российской Федерации. Признание преюдициального значения судебного решения применительно к положениям статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, будучи направленным на обеспечение его стабильности и общеобязательности, исключение конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела впредь до их опровержения, принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для правильного разрешения данного дела. Тем самым, преюдициальность служит средством непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П).

Вопреки требованиям вышеуказанных норм, суд округа фактически предписал судам нижестоящих инстанций пересмотреть ранее принятые судебные акты, которые не подлежали обжалованию в рамках данного обособленного спора. Судебный спор, касающийся обстоятельств привлечения к субсидиарной ответственности, разрешен судами ранее. Так, вступившим в законную силу определением суда первой инстанции от 06.06.2019 по настоящему делу установлены обстоятельства виновности Горяинова С.Н. и Феофановой Е.Г. в доведении должника до банкротства, оснований для применения к спорным правоотношениям общих положений о возмещении убытков с учётом факторов существенности негативного воздействия на деятельность должника, изменивших в результате такого воздействия его финансовое положение, не установлено. По общему правилу, если несколько контролирующих должника лиц действовали совместно, субсидиарную ответственность за доведение должника до банкротства они несут солидарно (абзац первый статьи 1080 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 8 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

В целях квалификации действий причинителей вреда как совместных могут быть учтены согласованность, скоординированность и направленность этих действий на реализацию общего для всех намерения, то есть может быть принято во внимание соучастие в любой форме, в том числе соисполнительство, пособничество и т.д. (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде», абзац первый пункта 22 постановления Пленума № 53). В рассматриваемом случае судом первой инстанции установлено соучастие Горяинова С.Н. и Феофановой Е.Г. в совершении субсидиарными ответчиками действий (бездействия), в том числе направленных на перераспределение активов должника с целью финансирования деятельности подконтрольных семье Даниловых членов группы и извлечения ими существенной (относительно масштабов деятельности должника) выгоды за счёт имущественной базы должника, кумулятивный эффект от которых повлек за собой его банкротство. Данное обстоятельство исключало возможность повторной проверки судами

выводов о наличии оснований для привлечения названных лиц к субсидиарной ответственности после возобновления производства по настоящему обособленному спору на основании абзаца первого пункта 9 статьи 61.16 Закона о банкротстве (пункт 43 постановления Пленума № 53).

В настоящем обособленном споре судами подлежали рассмотрению и разрешению исключительно вопросы установления размера уже привлечённых к субсидиарной ответственности лиц – Горяинова С.Н. и Феофановой Е.Г., наличия (либо отсутствия) оснований для её уменьшения. Детально исследовав все имеющиеся в деле доказательства, оценив приводимые сторонами доводы и возражения, апелляционный суд, исправивший допущенную конкурсным управляющим техническую ошибку, верно установил размер субсидиарной ответственности Горяинова С.Н. и Феофановой Е.Г., взыскав с них солидарно в пользу должника 313 411 029 рублей 93 копейки. Основанием к уменьшению размера субсидиарной ответственности привлекаемых к ней лиц по правилам абзаца второго пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве могут служить, в частности, следующие обстоятельства: - наличие имевших место помимо действий (бездействия) ответчиков обстоятельств, повлекших неплатежеспособность должника (абзац третий пункта 19 постановления Пленума № 53); - доказанная ответчиком явная несоразмерность причиненного им вреда объему реестра требований кредиторов; - проявление ответчиком деятельного раскаяния, например, погашение вреда в причиненном размере, способствование нахождению имущества должника или иных бенефициаров и т.д. Однако доказательств, свидетельствующих о наличии подобных обстоятельств, в материалы дела и судам не представлено; каких – либо действий, которые могли бы привести к восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь, привлечёнными к субсидиарной ответственности лицами не совершено.

Оснований для применения предложенной возражающими на кассационные жалобы лицами модели уменьшения размера субсидиарной ответственности путём изменения солидарного взыскания на долевое, его последующего дробления между всеми субсидиарными ответчиками в суммах, ограниченных размером причинённых ими прямых убытков, в данном случае не имелось и, по сути, было направлено на пересмотр вступившего в законную силу определения суда первой инстанции от 06.06.2019.

Процессуальная возможность объединения нескольких однородных дел, в которых участвуют одни и те же лица в одно производство является правом суда первой инстанции (части 2 и 2.1 статьи 130 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), а не его обязанностью, поставленным в зависимость от наличия (либо отсутствия) необходимости и целесообразности такого объединения. Однако подобных оснований для соединения нескольких требований в одно при определении размера субсидиарной ответственности Горяинова С.Н. и Феофановой Е.Г. суд первой инстанции не установил.

Не могла служить основанием для такой отмены и возможная последовательная выдача исполнительных документов на общую сумму, с точки зрения суда округа, многократно (в пять раз) превышающую совокупным размер требований всем субсидиарным ответчикам. Законодатель гарантировал кредиторам возможность обращения с требованиями ко всем солидарным должникам одновременно, допустил возможность выдачи арбитражными судами исполнительных листов для каждого солидарного должника с дальнейшим возбуждением по ним исполнительных производств (статьи 322, 323 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 34, 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). В силу пункта 1 статьи 325 Гражданского кодекса Российской Федерации исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредиторам. Таким образом, само по себе взыскание с солидарных должников одних и тех же сумм в рамках разных дел (обособленных споров) или выдача нескольких исполнительных листов вопреки выводам суда округа не свидетельствует о том, что исполнение кредитором будет получено в полном объеме несколько раз.

[Определение ВС РФ № 306-ЭС22-4660 от 21 июля 2022 г.](#)

В размер убытков, причиненных действиями учредителей подконтрольного общества-банкрота в рамках субсидиарной ответственности, включаются не только налоговые санкции как дополнительные обязательства, находящиеся в прямой причинно-следственной связи с противоправными действиями контролировавших его лиц, повлекшими возникновение налоговой недоимки, но и сама недоимка по налоговым платежам в случае, если требования

уполномоченного органа не были удовлетворены в процедуре (дело о банкротстве прекращено в связи с отсутствием денежных средств для финансирования банкротных процедур).

С 26.02.2015 по 31.10.2017 Брель М.Л. и Шестеркин И.Ю. были учредителями общества с ограниченной ответственностью "ТД Волга-Ресурс" с долями 90% и 10% соответственно, а Шестеркин И.Ю. также руководителем этого общества.

31.10.2017 общество "ТД Волга-Ресурс" прекратило деятельность, присоединившись к обществу "ТЭК Саргон". 27.09.2018 по результатам налоговой проверки обществу "ТЭК Саргон" доначислена задолженность общества "ТД Волга-Ресурс" по налогу на добавленную стоимость в размере 12 045 691 руб., в том числе по налогу 8 829 812 руб., пени 3 215 879 руб. После выхода Бреля М.Л. и Шестеркина И.Ю. из состава участников и руководителей общества "ТД Волга Ресурс" управляющей организацией было назначено общество "ТЭК Саргон", отвечавшее признаком формального руководителя. 10.03.2020 по заявлению налоговой службы возбуждено производство по делу № А55-4993/2020 о банкротстве общества "ТЭК Саргон", однако в связи с отсутствием денежных средств для финансирования банкротных процедур 19.08.2020 производство по этому делу прекращено.

26.08.2020 налоговая служба обратилась в Арбитражный суд Самарской области с заявлением о привлечении Бреля М.Л. и Шестеркина И.Ю. к субсидиарной ответственности по обязательствам общества "ТЭК Саргон", потребовав взыскать с них 12 084 368,51 руб. Решением Арбитражного суда Самарской области от 02.06.2021 требования удовлетворены: с Бреля М.Л. и Шестеркина И.Ю. взыскано солидарно в пользу налоговой службы 12 045 691 руб. убытков. Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2021, оставленным без изменения постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 23.12.2021, решение изменено: с ответчиков взыскано солидарно 3 215 879 руб. убытков. Апелляционный и окружной суды исходили из того, что убытки для подконтрольного общества составляли только его дополнительные обязательства, находящиеся в прямой причинно-следственной связи с противоправными действиями контролировавших его лиц, то есть в данном случае налоговые санкции. Налоги общество "ТЭК Саргон" должно было уплатить в любом случае, поэтому недоимка по налоговым платежам убытков должнику не причинила. Суды руководствовались пунктом 2 статьи 15, пунктом 3 статьи 53, статьями 401, 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью", пунктами 4 и 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица", пунктом 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве", правовой позицией, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 11.05.2018 № 301-ЭС17-20419.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Из пунктов 1, 8, 11 статьи 61.11, пункта 1 статьи 61.19 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" в редакции, действующей с 30.07.2017, и статьи 10 того же Закона в ранее действующей редакции следует, что по обязательствам должника могут быть солидарно привлечены к субсидиарной ответственности (в том числе и вне рамок дела о банкротстве должника) контролирующие должника лица, если вследствие их действий или бездействия невозможно полное погашение требований кредиторов. Размер субсидиарной ответственности этих лиц равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника. Контролирующие должника лица могут быть так же привлечены к субсидиарной ответственности в случае прекращения производства по делу о банкротстве должника в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение банкротных процедур.

В деле о банкротстве общества "ТЭК Саргон" судом было установлено, что у должника отсутствует имущество, достаточное для погашения расходов по делу о банкротстве, не выявлено также и реальных перспектив его обнаружения. В связи с этим на основании абзаца 8 пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве производство по делу о банкротстве общества "ТЭК Саргон" было прекращено.

Судами установлено, что Шестеркин И.Ю. как руководитель отвечал за организацию и ведение бухгалтерского учета, за соблюдение законодательства при выполнении хозяйственных операций, за

своевременное предоставление полной и достоверной бухгалтерской и налоговой отчетности. Брель М.Л. был основным владельцем бизнеса и контролировал действия общества "ТД Волга-Ресурс". Действуя под контролем Бреля М.Л. и Шестеркина И.Ю., должник безвозмездно и безосновательно с 26.02.2015 по 30.06.2017 перечислил 73 945 000 руб. лицам, не осуществлявшим реальную финансово-хозяйственную деятельность, что не позволило ему исполнить налоговые обязательства и, как следствие, причинило убытки государству в лице налоговой службы. Такое поведение Бреля М.Л. и Шестеркина И.Ю., искусственно создавших ситуацию с невозможностью должником исполнить свои публично-правовые обязанности, суды признали недобросовестным. К тому же требование налоговой службы на 12 045 691 руб. возникло вследствие правонарушения, за совершение которого вступило в силу решение о привлечении должника к налоговой ответственности. Размер этого требования составлял 100 процентов требований, предъявленных к должнику. Эти обстоятельства презюмировали, что банкротство общества "ТЭК Саргон" было вызвано противоправным поведением Бреля М.Л. и Шестеркина И.Ю., в результате которого стало невозможно полное погашение требований кредиторов (подпункт 3 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве в редакции, действующей с 30.07.2017, и пункт 4 статьи 10 того же Закона в ранее действовавшей редакции). Презумпция ничем не опровергнута.

Единственным лицом, предъявлявшим требования к обществу "ТЭК Саргон", была налоговая служба. Её требования остались не удовлетворенными должником ни в части суммы задолженности по налогу, ни в части суммы налоговых санкций, при чем неисполнительность должника обусловлена противоправным поведением контролировавших его лиц. В связи с изложенным оснований для частичного удовлетворения требований налоговой службы у судов не имелось.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС21-29240 от 17 августа 2022 года](#)

При привлечении лица к субсидиарной ответственности необходимо учитывать, какая редакция Закона применяется к спорным отношениям. Закон о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ в отличие от ныне действующих правил (пункт 3.1 статьи 9 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ, пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве») не предусматривает ни права, ни обязанности органа управления, к компетенции которого отнесено разрешение вопроса о ликвидации должника, обращаться в суд с заявлением о банкротстве должника, соответственно, неосуществление таких действий не может быть вменено такому участнику общества в качестве основания для привлечения к ответственности.

В рамках дела о банкротстве конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц: Бельской Людмилы Владимировны, Титова Андрея Владимировича, Коваленко Дмитрия Анатольевича, Харитонашвили Ираклия Теймуразовича, Пауткина Павла Викторовича, Нурмамедова Джамиля Тофикоглы и ОДО «Юридическое общество имени Александра Невского». Определением арбитражного суда от 19.11.2020, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции от 28.07.2021 и округа от 27.10.2021, к субсидиарной ответственности по обязательствам должника привлечены Пауткин П.В., Титов А.В., Коваленко Д.А., Нурмамедов Д.Т.-о., Бельская Л.В., с них солидарно в конкурсную массу взыскано 28 853 697,46 руб., в удовлетворении требования о привлечении к субсидиарной ответственности Харитонашвили И.Т. и ОДО «Юридическое общество имени Александра Невского» отказано.

Бельская Л.В. являлась одним из участников должника, размер ее доли в уставном капитале составлял 39,6%. Полагая, что имеются основания для привлечения Бельской Л.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника наравне с другими контролирующим лицами, конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с соответствующим заявлением. Разрешая спор в отношении Бельской Л.В., суд первой инстанции установил, что не позднее 04.05.2016 (срок исполнения требования Фонда «Сколково» от 05.04.2016 о возврате возмещения затрат на уплату таможенных платежей в размере 7 073 748,46 руб.) должник отвечал признакам неплатежеспособности, размер его кредиторской задолженности значительно превышал совокупный размер активов должника; удовлетворение требований Фонда «Сколково» привело бы к невозможности исполнения должником

денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами, а также сделало бы невозможным дальнейшее осуществление должником хозяйственной деятельности.

Полагая, что в нарушение требований статей 9, 10, 61.12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) Бельская Л.В. не контролировала деятельность должника и не приняла решение о подаче заявления в арбитражный суд о признании должника банкротом, суд первой инстанции пришел к выводу о наличии основания для привлечения ее к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о признании должника банкротом и взыскании солидарно с другими ответчиками 28 853 697,46 руб. (размер непогашенных требований кредиторов). С указанными выводами согласились суды апелляционной инстанции и округа.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Привлекая Бельскую Л.В. к ответственности по названному основанию и указывая на её осведомленность об имеющейся неплатежеспособности должника и возможность дать указания об обращении с заявлением о банкротстве, суды не учли, что в установленный период неплатежеспособности (не позднее 04.05.2016) к спорным отношениям подлежал применению Закон о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ. Данная редакция в отличие от ныне действующих правил (пункт 3.1 статьи 9 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ, пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве») не предусматривала ни права, ни обязанности органа управления, к компетенции которого отнесено разрешение вопроса о ликвидации должника, обращаться в суд с заявлением о банкротстве должника. Следовательно, на момент возникновения у должника признаков неплатежеспособности законодательством на Бельскую Л.В. как участника общества не была возложена обязанность инициировать процедуру несостоятельности. Соответственно, неосуществление таких действий не может быть вменено ей в качестве основания для привлечения к ответственности.

Кроме того, определяя размер ответственности Бельской Л.В. в сумме непогашенных требований кредиторов, судами не учено, что размер ответственности лица, не исполнившего обязанность своевременно обратиться с заявлением о банкротстве, ограничен обязательствами, возникшими после истечения месячного срока на подачу заявления и до возбуждения дела о банкротстве (пункт 2 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ, пункт 2 статьи 61.12 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ). Из обжалуемых судебных актов следует, что наличие обязательств, возникших в указанный период, судами не установлено. Соответственно, размер обязательств, включенных в реестр, не может быть вменен Бельской Л.В.

При таких условиях судебная коллегия считает, что законных оснований для привлечения Бельской Л.В. к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о признании должника банкротом не имелось.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС17-12877 \(6\) от 18 августа 2022 года.](#)

1. При привлечении контролирующих банковскую организацию лиц к субсидиарной ответственности следует исходить из значимости сделок для должника (применительно к масштабам его деятельности), наличия/отсутствия их разумной экономической цели и обладания их признаком существенной убыточности – направлены ли данные сделки на неосновательное увеличение объема требований кредиторов в банкротстве (определение СКЭС ВС РФ от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439 (3-8)).

2. При разрешении вопроса о привлечении лица к субсидиарной ответственности суд должен оценить размер вреда от вменяемой такому лицу сделки. Если общий размер ущерба от действий контролирующих и действующих совместно с ними лиц составил более 4,3 млрд. руб., а вред, причиненный одним из директоров составляет 87 млн. руб., есть основания исходить из того, что размер вреда от вменяемой такому директору сделки явно не соотносим с масштабами деятельности банка. В таком случае требование управляющего к такому ответчику подлежит переквалификации на требование о возмещении убытков (статьи 133 и 168 АПК РФ, статьи 53.1 и 1064 ГК РФ).

3. Сама по себе ссылка на совершение действий во исполнение поручений руководителя в ситуации, когда не может быть сомнений, что такие действия повлекут причинение существенного вреда кредиторам, не является основанием к освобождению от ответственности

4. Возражая против доводов истца о возможности привлечения к субсидиарной ответственности в связи с участием в совершении невыгодной сделки, ответчик вправе ссылаться на правило о защите делового решения, а именно, что он действовал разумно и добросовестно (пункт 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В рамках дела о банкротстве агентство обратилось с заявлением о привлечении Струкова Андрея Петровича, Сорокиной Ольги Борисовны, Иващука Д.Н., Иващука Н.Г., Пискуновой И.В., Ярощук Н.Б., Семиной О.С. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Определением суда первой инстанции от 19.05.2021 суд признал доказанным наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности Струкова А.П. и Сорокиной О.Б., в остальной части требований отказано. Постановлением суда апелляционной инстанции от 07.10.2021 названное определение отменено в части отказа в привлечении к субсидиарной ответственности Иващука Д.Н. и Иващука Н.Г. Признано доказанным наличие оснований для привлечения их к субсидиарной ответственности. В остальной части определение оставлено без изменения. Постановлением суда округа от 23.12.2021 постановление суда апелляционной инстанции от 07.10.2021 отменено в части привлечения к ответственности Иващука Д.Н. и Иващука Н.Г., в отмененной части оставлено в силе определение от 19.05.2021. В остальной части судебные акты оставлены без изменения.

В отношении статуса ответчиков судами установлено следующее: - Струков А.П. – председатель Правления банка с 24.04.1998 по 11.10.2016; - Сорокина О.Б. – один из акционеров банка с долей косвенного владения 18,24% акций, сожительница Струкова А.П.; - Иващук Н.Г. – председатель Совета директоров банка с 07.07.1998 по 23.06.2015; - Иващук Д.Н. - председатель Совета директоров банка с 24.06.2015 по 18.12.2015, заместитель председателя Правления банка с 12.08.1998 по 23.06.2015. а также член Правления с 02.07.1998 по 24.06.2015; - Пискунова И.В. - заместитель председателя Правления банка с 03.04.2008 по 23.10.2015, а также член Правления с 03.04.2008 по 22.10.2015; - Ярощук Н.Б. - заместитель председателя Правления банка с 24.02.2005 по 27.10.2015, а также член Правления с 24.02.2005 по 26.10.2015; - Семина О.С. – член Правления с 13.09.2000 по 18.12.2015.

Обращаясь с заявлением, конкурсный управляющий ссылался на то, что ответчиками был совершен ряд сделок, приведших к банкротству банка: - кредитование технических юридических и физических лиц, заведомо неспособных исполнить принятые на себя обязательства; - увеличение кредиторской задолженности банка путем совершения сделок по авалированию векселей третьих лиц.

Разрешая спор, суд первой инстанции сослался на положения статей 53, 56, 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и исходил из непредставления конкурсным управляющим доказательств того, что ответчики располагали информацией о неплатежеспособности заемщиков, либо что при принятии решений члены коллегиальных органов пренебрегли отрицательными заключениями профильных экспертных комитетов. Поэтому по эпизоду выдачи кредитов суд не усмотрел оснований для констатации вины ответчиков в банкротстве должника. При этом суд счел виновной Сорокину О.Б. по эпизоду заключения банком кредитного договора с ООО «Деловой Центр Столицы». В рамках названного договора заемщику было предоставлено 60 млн. руб., которые затем переведены на счет Сорокиной О.Б. и через непродолжительное время сняты ею со счета. Суд указал, что указанная цепочка сделок свидетельствует о фактическом выводе бенефициаром денежных средств из банка.

По эпизоду авалирования векселей третьих лиц суд отметил следующее. В рамках дела о банкротстве признаны обоснованными требования кредиторов по авалированным векселям, выданным семнадцатью юридическими лицами на общую сумму 1 055 864 456,60 руб. в период с 01.12.2011 по 31.08.2015. В сделках по выдаче авала по векселям не усматривается наличие какой-либо экономической целесообразности или иной разумной цели. В материалы дела не представлено доказательств наличия каких-либо встречных обязательств у банка перед векселедателями. При этом часть векселедателей на момент проставления авалей уже являлись заемщиками банка и имели задолженность по возврату кредита. Таким образом, выдача авала была произведена на заведомо невыгодных для банка условиях, что привело к уменьшению активов должника без представления какого-либо встречного исполнения. Указанные сделки совершены председателем Правления

Струковым А.П., а также членом Правления Иващуком Д.Н. Вместе с тем суд отметил, что лишь председатель Правления имел право подписи документов без доверенности, а члены Правления исполняли обязанности председателя во время его временного отсутствия и с учетом согласования со Струковым А.П.

Таким образом, суд пришел к выводу, что все сделки по проставлению авалей на векселях были исполнены либо непосредственно Струковым А.П., либо по его поручению. В рамках названного эпизода суд отметил также, что среди юридических лиц, в пользу которых было совершено авалирование векселей, присутствовали общества-акционеры банка. Акционером одного из обществ являлась сожительница Струкова А.П. – Сорокина О.Б., которая в силу близких отношений не могла не знать о противоправных действиях Струкова А.П.

При таких условиях суд признал доказанным наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности Струкова А.П. и Сорокиной О.Б., не усмотрев вины иных лиц в доведении банка до банкротства.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции в части освобождения от ответственности Иващука Дмитрия и Иващука Николая. Последнего суд признал виновным в выводе активов банка посредством заключения кредитного договора с ООО «Голден Лайн» – компании, заведомо неспособной исполнить принятые на себя обязательства, печать компании обнаружена правоохранительными органами в головном офисе банка. По указанному кредитному договору банк перечислил заемщику более 79 млн. руб., после чего заемщик почти все полученные средства перечислил Иващуку Николаю, который снял их со счета. По мнению суда апелляционной инстанции, указанная цепочка операций свидетельствует о фактическом выводе Иващуком Николаем денежных средств из банка путем оформления обязательств на аффилированную организацию. В отношении Иващука Дмитрия суд отметил, что им в период с 01.12.2011 по 10.06.2015 авалировано девять векселей трех юридических лиц на общую сумму 551 218 085,00 руб. (из установленных в реестре требований). Объем предоставленных Иващуком Дмитрием вексельных поручительств от имени Банка, составляет 52,21%. При этом суд счел документально не подтвержденным указание суда первой инстанции на то, что Иващук Дмитрий действовал сугубо по указанию Струкова А.П. в период отсутствия последнего. Исполняя обязанности председателя Правления и авалируя векселя, Иващук Дмитрий обязан был действовать в интересах банка и понимать последствия своих действий. Поскольку его действия причинили вред кредиторам, то он обязан нести субсидиарную ответственность наравне со Струковым А.П.

Суд округа отменил постановление суда апелляционной инстанции в части привлечения к ответственности Иващуков Николая и Дмитрия. В отношении Иващука Николая суд отметил, что тот получил от заемщика ООО «Голден Лайн» денежные средства, однако предоставил взамен недвижимое имущество, при этом управляющим не опровергнута равноценность взаимных предоставлений. В отношении Иващука Дмитрия суд указал следующее: суд апелляционной инстанции не опроверг установленный судом первой инстанции факт того, что выдача авалей по векселям совершалась Струковым А.П. и лишь при его отсутствии исполняющим обязанности председателя Правления и с учетом согласования со Струковым Д.Н. При таких условиях суд округа пришел к выводу о недоказанности вины Иващуков Николая и Дмитрия в доведении должника до банкротства и оставил в этой части в силе определение суда первой инстанции.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Судебная коллегия соглашается с выводами судов об отсутствии оснований для привлечения к ответственности Пискуновой И.В., Семиной О.С. и Яроцук Н.Б. В этой части выводы судов соответствуют фактическим обстоятельствам дела и имеющимся в деле доказательствам.

Судом апелляционной инстанции установлено, что объем предоставленных Иващуком Дмитрием вексельных поручительств от имени Банка составляет 551 218 085,00 руб., то есть 52,21 % от общей суммы авалей. Очевидно, что такие сделки являлись значимыми для должника (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно обладали признаком существенной убыточности, так как были направлены на неосновательное увеличение объема требований кредиторов в банкротстве (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439 (3-8)).

Возражая против доводов истца о возможности привлечения к субсидиарной ответственности в связи с участием в совершении невыгодной сделки, ответчик вправе ссылаться на правило о защите

делового решения, а именно, что он действовал разумно и добросовестно (пункт 3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). Однако судами как первой, так и апелляционной инстанций установлено отсутствие разумной экономической цели в выдаче вексельных поручительств. Иное ответчиками не подтверждено. По этой причине следует согласиться с выводом суда апелляционной инстанции о том, что Иващук Дмитрий, исполняя обязанности председателя Правления и авалируя векселя, с достоверностью должен был осознавать крайнюю невыгодность для кредиторов совершенных им сделок. Указав, что выдача авалей осуществлена Иващуком Дмитрием в период исполнения обязанностей председателя правления с учетом согласования со Струковым Д.Н., суд округа фактически не опроверг приведенные судом апелляционной инстанции выводы.

При этом сама по себе ссылка на совершение действий во исполнение поручений руководителя в ситуации, когда не может быть сомнений, что такие действия повлекут причинение существенного вреда кредиторам, не является основанием к освобождению от ответственности. Таким образом, у суда округа не имелось оснований для отмены постановления суда апелляционной инстанции по вопросу о привлечении Иващука Дмитрия к субсидиарной ответственности.

При этом нельзя согласиться с выводами как суда апелляционной инстанции, так и судов первой инстанции и округа в части разрешения вопроса об ответственности Иващука Николая. Суд апелляционной инстанции установил, что в результате цепочки операций упомянутый ответчик фактически осуществил вывод более 79 млн. руб. из банка путем оформления обязательств на аффилированную организацию (общество «Голден Лайн»). Однако, как указывает само агентство в кассационной жалобе, общий размер ущерба от действий контролирующих и действующих совместно с ними лиц составил более 4,3 млрд. руб. Следовательно, размер вреда от вменяемой Иващуку Николаю сделки явно не соотносим с масштабами деятельности банка.

По этой причине привлечение его солидарно к субсидиарной ответственности только по указанному эпизоду являлось бы несоразмерным, требование управляющего к этому ответчику подлежало переквалификации на требование о возмещении убытков (статьи 133 и 168 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 53.1 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации). Суд округа, в свою очередь, отметил, что Иващук Николай получил от общества «Голден Лайн» денежные средства, однако предоставил взамен недвижимое имущество, при этом управляющим не опровергнута равноценность взаимных предоставлений.

Возражая против указанного вывода, представитель агентства в судебном заседании в Верховном Суде Российской Федерации указывал, что стоимость предоставленного имущества не покрывала в полной мере убыток от выведенных через предоставление кредита средств. Однако как вопрос о том, какое имущество было предоставлено обществу «Голден Лайн» Иващуком Николаем, так и вопрос о стоимости этого имущества в нарушение положений статей 71, 168, 170, 271 и 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не являлся предметом исследования судов, в связи с чем ими не были установлены обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения вопроса о факте причинения убытков и их сумме.

[Определение ВС РФ № 305-ЭС14-1659 \(20\) от 25 августа 2022 года.](#)

Контролирующее должника лицо, привлечённое к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, не может получить удовлетворение своего требования к должнику наравне с требованиями других кредиторов. Данное положение не указывает на необходимость субординации требований в зависимости от их правовой природы, а представляет собой частный случай влияния вины самого кредитора, создавшего невозможность исполнения, в том числе, перед ним, на порядок исполнения обязательств.

Суть данной позиции состоит в том, что если невозможность исполнения в виде банкротства возникла по вине кредитора, то он лишается права требовать исполнения обязательства в свою пользу до тех пор, пока не устранит последствия собственного поведения (пункт 4 статьи 1, пункт 1 статьи 6, пункт 4 статьи 401, статьи 404, 406 и пункт 2 статьи 416 ГК РФ). Иной подход противоречил бы принципам добросовестности и справедливости.

В рамках дела о банкротстве должника финансовый управляющий имуществом Никулина К.Б. Андреев Михаил Владимирович и конкурсный управляющий должником обратились в суд с заявлениями, впоследствии объединёнными в одно производство для совместного рассмотрения, о разрешении

разногласий, касающихся выплаты Никулину К.Б. заработной платы в размере 10 558 005 рублей 50 копеек, из которых: 2 372 611 рублей задолженность по заработной плате за период с 01.10.2013 по 25.11.2013; 2 585 923 рубля 50 копеек задолженность по компенсации за неиспользованный отпуск; 462 263 рубля 99 копеек компенсация за несвоевременную выплату сумм, причитающихся работнику при увольнении за период с 26.11.2013 по 04.11.2014; 5 137 207 рублей 03 копейки компенсация за несвоевременную выплату сумм, причитающихся работнику при увольнении за период с 05.11.2014 по 02.07.2021.

Определением Арбитражного суда Московской области от 12.10.2021, оставленным без изменения постановлениями Десятого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2021 и Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2022, на конкурсного управляющего банком возложена обязанность по выплате Никулину К.Б. 10 558 005 рублей 50 копеек.

В соответствии со статьёй 101 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» суд обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации в случае возникновения у него сомнений о соответствии применённого или подлежащего применению закона Конституции Российской Федерации. Судебная коллегия не усматривает неопределённости в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации абзаца третьего пункта 2 статьи 134 Закона о банкротстве, а также приходит к выводу о том, что Никулиным К.Б. не приведены доводы, которые бы свидетельствовали о невозможности в рамках ординарного правоприменения (в том числе при рассмотрении настоящего обособленного спора) разрешить вопрос о толковании данной нормы с соблюдением баланса прав и интересов лиц, вовлечённых в процесс банкротства должника, и, как следствие, приходит к выводу об отсутствии условий для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Ходатайство Никулина К.Б. о направлении запроса в Конституционный Суд Российской Федерации удовлетворению не подлежит.

20.08.2011 между банком и Никулиным К.Б. заключён трудовой договор, в соответствии с которым Никулин К.Б. занимал должность председателя правления банка, определён размер его заработной платы – 1 750 000 рублей в месяц. Приказом Банка России от 30.09.2013 № ОД-673 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, в этот же день приказом № ОД-674 назначена временная администрация по управлению банком.

Решением Арбитражного суда Московской области от 03.12.2013 по настоящему делу банк признан банкротом, открыто конкурсное производство. 25.11.2013 временная администрация банка расторгла трудовой договор с Никулиным К.Б. на основании пункта 3 части 1 статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации. За период с 01.10.2013 по 25.11.2013 Никулину К.Б. осталась не выплаченной заработная плата в размере 2 372 611 рублей. Решением Пушкинского городского суда Московской области от 19.02.2015 с учётом апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 03.06.2015 по делу № 33-13023/2015 с банка в пользу Никулина К.Б. взыскана вышеуказанная задолженность, выдан исполнительный лист.

Решением Арбитражного суда Новосибирской области от 07.11.2017 по делу № А45-14554/2017 Никулин К.Б. признан банкротом, введена процедура реализации имущества гражданина, финансовым управляющим утверждён Андреев М.В.

Определением Арбитражного суда Московской области от 29.11.2019 по настоящему делу признано наличие оснований для привлечения Никулина К.Б. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника за недобросовестные действия при выполнении им полномочий органа управления банком.

Разрешая разногласия в рамках настоящего обособленного спора, касающиеся выплаты заработной платы, суды, руководствуясь положениями статей 134 и 236 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», исходили из необходимости защиты прав работника должника и отсутствия оснований для отказа в выплате заработной платы, указав на реальность трудовых отношений и наличие вступивших в силу судебных актов, подтверждающих требования Никулина К.Б.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

В данном случае банкротство должника произошло, в том числе по вине Никулина К.Б., что подтверждено вступившим в законную силу судебным актом о привлечении его к субсидиарной ответственности по обязательствам банка.

Суды, руководствуясь положениями пункта 4 статьи 10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в соответствующей редакции), пришли к выводу о противоправности поведения Никулина К.Б. как контролирующего должника лица. Именно он своими виновными действиями создал ситуацию банкротства, при которой исполнение обязательств перед кредиторами должника в полном объёме стало невозможно.

Как разъяснено, в пункте 8 Обзора судебной практики, связанной с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утверждённого Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, контролирующее должника лицо, привлечённое к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов, не может получить удовлетворение своего требования к должнику наравне с требованиями других кредиторов. Данный пункт не указывает на необходимость субординации требований в зависимости от их правовой природы, как ошибочно полагают представители Никулина К.Б. и его финансового управляющего, а представляет собой частный случай влияния вины самого кредитора, создавшего невозможность исполнения, в том числе, перед ним, на порядок исполнения обязательств.

Суть данной позиции состоит в том, что если невозможность исполнения в виде банкротства возникла по вине кредитора, то он лишается права требовать исполнения обязательства в свою пользу до тех пор, пока не устранит последствия собственного поведения (пункт 4 статьи 1, пункт 1 статьи 6, пункт 4 статьи 401, статьи 404, 406 и пункт 2 статьи 416 Гражданского кодекса Российской Федерации). Такой подход вытекает и из общего принципа гражданского права, закреплённого в пункте 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, по смыслу которого кредитор не может извлечь преимущества по отношению к другим кредиторам, если его действия (бездействие), за которые он несет ответственность в соответствии с законом, сделали невозможным исполнение другой стороной. Он не вправе перелгать результат своего виновного поведения на других кредиторов, а значит, и не может получить удовлетворение в той же очередности, что и последние.

Приходя к обратным выводам, суды ссылались на необходимость защиты права Никулина К.Б. на получение оплаты за труд. Однако ситуация неисполнимости соответствующего обязательства создана поведением самого Никулина К.Б., что лишает его возможности недобросовестно ссылаться на приоритетность личного требования. Равным образом, наличие у Никулина К.Б., также являющегося банкротом, собственных кредиторов не может приводить к поражению в правах добросовестных кредиторов банка, не вступавших в правоотношения непосредственно с Никулиным К.Б.

Подход, занятый судами, о приоритете кредиторских прав лица, виновного в банкротстве банка, по отношению к правам кредиторов, не причастных к возникновению объективного банкротства, противоречит принципам добросовестности и справедливости. Обстоятельства, положенные в основу выводов судов, сами по себе не исцеляют требования Никулина К.Б. от последствий его недобросовестного поведения, установленных в рамках рассмотрения вопроса о субсидиарной ответственности. Таким образом, данное требование подлежало погашению после других требований кредиторов.

Арбитражный управляющий

[Определение ВС РФ № 305-ЭС22-4103 от 17 августа 2022 года](#)

1. **Заключение договора дополнительного страхования ответственности является для арбитражного управляющего обязанностью (абзац второй пункта 2 статьи 24.1 Закона о банкротстве), в то время как другая сторона (страховщик) осуществляет заключение подобного договора на добровольных началах (пункт 2 статьи 927, пункт 2 статьи 929, статья 931 ГК РФ). При этом отказы страховых компаний в заключении с управляющими договоров относятся судебной практикой к числу обстоятельств, наступление которых, как правило, зависит от личности, воли или действий самого управляющего, а потому негативные последствия этих отказов не могут перекладываться на кредиторов, не являющихся страхователями, снижать уровень защиты их прав (лишать возможности компенсировать убытки через получение страхового возмещения). Управляющий в отношениях с кредиторами не вправе ссылаться на упомянутые отказы как на уважительную причину осуществления полномочий в отсутствие страхового обеспечения**

(определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2021 № 306-ЭС21-10251).

2. Не исключены ситуации, когда отсутствие договора дополнительного страхования ответственности ввиду отказа страховщиков в его заключении обусловлено не личностью арбитражного управляющего, а объективными факторами, в частности, связано со сложившейся на рынке страхования конкретного имущественного интереса экономической обстановкой. Из этого следует, что само по себе отстранение одного управляющего и назначение нового не разрешит возникшую в рамках настоящего дела спорную ситуацию, поскольку новый управляющий будет также лишен возможности заключить договор с достаточным размером страхового покрытия.

Отсутствие договора дополнительного страхования ответственности на всю сумму, требуемую законом, не может являться основанием для отстранения добросовестного арбитражного управляющего, если он принял все зависящие от него меры для заключения такого договора и полученные отказы страховщиков не обусловлены его личностью.

В рамках дела о банкротстве должника Банк ВТБ обратился с заявлением о признании незаконным бездействия арбитражного управляющего Руина К.Г., содержащим ходатайство о его отстранении. Определением суда первой инстанции от 02.08.2021, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции от 05.10.2021 и округа от 27.12.2021, в удовлетворении заявления отказано.

Судами установлено, что по состоянию на 30.06.2020 балансовая стоимость активов должника составляла 15,7 млрд. руб. В силу положений статьи 24.1 Закона о банкротстве на конкурсном управляющем Руине К.Г. лежала обязанность заключить договор дополнительного страхования ответственности, размер страховой суммы по которому должен составлять более 167 млн. руб. Подобный договор был заключен Руиным К.Г. с ООО «РИКС», однако впоследствии Банк России отозвал у страховщика лицензии на добровольное имущественное и личное страхование, в результате чего срок действия договора сократился до 08.02.2021. Новый договор дополнительного страхования ответственности на требуемую страховую сумму конкурсным управляющим заключен не был. Полагая, что такое бездействие, выразившееся в незаключении договора, является незаконным, Банк ВТБ (требование которого в размере 3,9 млрд. руб. включено в реестр как обеспеченное залогом определением от 05.11.2020) обратился с жалобой на управляющего, содержащей ходатайство о его отстранении.

Разрешая спор, суды руководствовались положениями статей 20.2, 24.1, 60, 145 Закона о банкротстве и исходили из того, что управляющим были сделаны запросы в различные страховые организации (занимающиеся страхованием ответственности 4 арбитражных управляющих) в целях заключения нового договора. Названные компании не изъявили готовность заключить договор на соответствующую страховую сумму. Кроме того, управляющий обращался с запросами в центральный офис ООО «СК «ВТБ Страхование» и Банку ВТБ, однако ответ получен не был. Суды отметили, что Руин К.Г. обращался с письмом в Банк России, согласно ответу которого в настоящее время заинтересованными ведомствами и министерствами ведется работа в сфере совершенствования законодательства, регулирующего вопросы финансового обеспечения ответственности арбитражных управляющих. Из данных обстоятельств суды заключили, что управляющий не бездействовал, в любом случае его поведение не может быть признано незаконным. Действия управляющего при сложившейся ситуации на рынке страхования ответственности арбитражных управляющих являются добросовестными. Управляющим предприняты все зависящие от него меры по страхованию своей ответственности, ему не может быть вменено в вину получение отказов страховых компаний от заключения с ним договоров дополнительного страхования. По мнению судов, страховыми компаниями отказано управляющему в заключении договора дополнительного страхования ответственности по основаниям, не связанным непосредственно с личностью данного управляющего. Отсутствие такого договора вызвано исключительно положением дел на рынке страхования ответственности.

Верховный суд пришел к следующим выводам:

Положения абзаца второго пункта 2 статьи 24.1 Закона о банкротстве возлагают на конкурсного управляющего обязанность в течение десяти дней с даты его утверждения арбитражным судом заключить договор обязательного страхования своей ответственности в дополнение к основному

договору (указанному в абзаце первом названного пункта), минимальный размер страховой суммы по которому составляет 10 млн. руб. в год. Отсутствие договора дополнительного страхования по общему правилу является основанием для отстранения управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей. Заключение договора дополнительного страхования ответственности направлено на предоставление кредиторам дополнительных гарантий удовлетворения их требований на случай, если кредиторам будут причинены убытки вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим обязанностей, возложенных на него в деле о банкротстве.

Размер страховой суммы по договору дополнительного страхования ответственности определяется в зависимости от балансовой стоимости активов должника. Это обусловлено тем, что размер потенциальных убытков, который может быть причинен кредиторам должника, обладающего существенным количеством активов, в среднем выше, чем у должника с незначительным размером таких активов. Соответственно, предполагается, что чем больше масштаб деятельности должника и его активов, тем больше в среднем размер потенциальных убытков, которые может причинить управляющий в процессе реализации своих функций.

Необходимо принимать во внимание, что заключение договора дополнительного страхования ответственности является для арбитражного управляющего обязанностью (абзац второй пункта 2 статьи 24.1 Закона о банкротстве), в то время как другая сторона (страховщик) осуществляет заключение подобного договора на добровольных началах (пункт 2 статьи 927, пункт 2 статьи 929, статья 931 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом отказы страховых компаний в заключении с управляющими договоров относятся судебной практикой к числу обстоятельств, наступление которых, как правило, зависит от личности, воли или действий самого управляющего, а потому негативные последствия этих отказов не могут перекладываться на кредиторов, не являющихся страхователями, снижать уровень защиты их прав (лишать возможности компенсировать убытки через получение страхового возмещения). Управляющий в отношениях с кредиторами не вправе ссылаться на упомянутые отказы как на уважительную причину осуществления полномочий в отсутствие страхового обеспечения (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2021 № 306-ЭС21-10251).

Вместе с тем не исключены ситуации, когда отсутствие договора дополнительного страхования ответственности ввиду отказа страховщиков в его заключении обусловлено не личностью арбитражного управляющего, а объективными факторами, в частности, связано со сложившейся на рынке страхования конкретного имущественного интереса экономической обстановкой. В данном случае на основе имеющихся в деле доказательств (ответы компетентных государственных органов, письма страховых организаций и т.д.) судами установлено наличие кризисной ситуации, обусловленной тем, что в силу объективных экономических причин (в частности, необходимости соблюдения нормативного соотношения собственных средств и принятых обязательств) внутренние правила страховых компаний (осуществляющих страхование ответственности управляющих) не предусматривают возможность заключить с арбитражным управляющим договор страхования ответственности, страховая сумма по которому составит 167 млн. руб.

Из этого следует, что само по себе отстранение одного управляющего и назначение нового не разрешит возникшую в рамках настоящего дела спорную ситуацию, поскольку новый управляющий будет также лишен возможности заключить договор с достаточным размером страхового покрытия.

По этой причине судебная коллегия соглашается с выводом судов о недопустимости формального толкования положений законодательства о банкротстве в отношении того, что отсутствие договора дополнительного страхования ответственности на всю сумму, требуемую законом, не может являться основанием для отстранения добросовестного арбитражного управляющего, если он принял все зависящие от него меры для заключения такого договора и полученные отказы страховщиков не обусловлены его личностью.

Вместе с тем вывод судов о том, что в данной конкретной ситуации Руин К.Г. предпринял подобные исчерпывающие меры, направленные на повышение для кредиторов гарантий компенсации потенциальных убытков через получение страхового возмещения, документально не подтвержден. В частности, суды не выяснили, имелась ли у Руина К.Г. объективная возможность заключить несколько договоров страхования ответственности на требуемую сумму. Из ответов страховых компаний, отказавших в заключении договора на 167 млн. руб., следовала возможность заключить подобный договор в пределах лимитов, обусловленных необходимостью соблюдения требований к их финансовой

устойчивости и платежеспособности. При этом суды не выяснили причины незаключения арбитражным управляющим договора в пределах подобных лимитов с учетом наличия у него возможности запросить страхование в размере суммы, предложенной страховой организацией. Суды также не выяснили, рассматривалась ли Руиным К.Г. возможность увеличить сумму по основному договору страхования ответственности на предложенную страховой компанией сумму.

2. ПРАКТИКА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

[Постановление КС РФ от 21 июля 2022 г. N 34-П "По делу о проверке конституционности частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации", подпунктов 3 и 3.1 пункта 1 статьи 201.1, пункта 5 статьи 201.10, абзаца второго пункта 2 статьи 201.15, подпункта 1 пункта 8 статьи 201.15-1, пункта 11 статьи 201.15-2 Федерального закона "О несостоятельности \(банкротстве\)" в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой гражданки А.Н. Шалимовой"](#)

1. Свойство следования предопределяет привлекательность залога для участников оборота. Залог радикально снижает риски кредитора: пока существует предмет залога, кредитор, по общему правилу, вправе получить преимущественное удовлетворение за счет конкретного имущества независимо от того, к кому перешло право на него.

Необходимость защиты имущественных прав залоговых кредиторов, не являющихся по смыслу Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" участниками строительства, не предполагает ущемления прав лиц, являющихся таковыми. В рамках банкротных процедур законодатель может вводить регулирование, влекущее приоритетное удовлетворение требований тех или иных категорий кредиторов. Он вправе установить и особенности удовлетворения требований залоговых кредиторов, не являющихся участниками долевого строительства. Законодатель вправе для достижения баланса интересов участвующих в деле о банкротстве лиц указать на прекращение залогового обеспечения определенных кредиторов при наличии названных в законе обстоятельств (п.п. 10 п. 1 ст. 352 ГК РФ).

Указание в законе на сохранение бывшими залоговыми кредиторами своего права на удовлетворение требований за счет иного имущества должника не может быть гарантией соблюдения означенного принципа, поскольку залоговый приоритет относится к конкретному имуществу (предмету залога) и в случае его выбытия из имущественной массы должника без сохранения залога интерес бывшего залогового кредитора не может считаться обеспеченным в той же мере.

Введение нового регулирования, регламентирующего порядок передачи объекта незавершенного строительства фондам, созданным для защиты жилищных прав граждан, иному приобретателю, и распространение его на ранее возникшие правоотношения ухудшают положение залоговых кредиторов в части отмены тех гарантий удовлетворения их требований, которые предусмотрены законодателем для процедуры передачи объекта от застройщика (должника), поскольку в ситуации, подпадающей под действие части 14 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ, залоговые кредиторы могут претендовать на удовлетворение своих требований только в общей процедуре банкротства застройщика при наличии у него иного имущества.

С учетом общего правила действия гражданского законодательства во времени, залоговые кредиторы, не являющиеся по смыслу Закона о банкротстве участниками строительства, вступая в правоотношения с застройщиком до принятия ФЗ от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ, не могли прогнозировать такое изменение регулирования, которое ведет к ухудшению их имущественного положения и к лишению их права на приоритетное удовлетворение требований за счет имущества, находящегося в залоге.

Таким образом, части 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ во взаимосвязи с пунктом 11 статьи 201.15-2 Федерального закона "О несостоятельности

(банкротстве)" не соответствуют статьям 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 55 (часть 3) и 75.1 Конституции РФ в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не предусматривают необходимых правовых гарантий защиты прав кредиторов, не являющихся участниками строительства, при прекращении их залоговых прав в связи с передачей земельного участка, объекта незавершенного строительства фонду защиты прав граждан - участников долевого строительства в рамках дела о банкротстве застройщика.

2. На приобретателя земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями возлагается обязанность по погашению только части текущих платежей, которые согласно абзацу второму пункта 2 статьи 134 Закона о банкротстве относятся к первой очереди текущих платежей. Не погашенными им в таком порядке остаются требования кредиторов второй и последующих очередностей удовлетворения текущих платежей, в том числе: работников застройщика по требованиям о выплате текущей заработной платы; лиц, привлекавшихся после возбуждения дела о банкротстве для подрядных работ в целях завершения строительства (до принятия приобретателем решения о намерении приобрести права застройщика); лиц, оказывавших услуги, без которых невозможны нормальное проведение процедур банкротства и сохранность объекта незавершенного строительства (в частности, охранные организации, энергоснабжающие компании, субъекты, предоставившие помещения для работы управляющего с документами и участниками строительства), и т.д.

Иными словами, деятельность соответствующих кредиторов застройщика, в отношении имущества которого (земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями) имеется приобретатель, направлена на проведение отдельных мероприятий по строительству объекта, обеспечение его сохранности, надлежащее осуществление процедур банкротства, что также содействует успешному завершению строительства. Поэтому справедливым был бы учет интересов кредиторов по этим требованиям в рамках процедур, в которые вовлекается и фонд, действующий в целях защиты прав граждан.

Отсутствие гарантий погашения требований кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, чьи требования возникли до принятия заявления о признании должника банкротом, по сути, лишает кредиторов по текущим платежам, не относящимся к первой очереди удовлетворения текущих платежей, права на возмещение за счет имущества застройщика. Вместе с тем хотя бы в некоторых ситуациях при сохранении соответствующих объектов в собственности (владении) застройщика и с учетом всей совокупности требований к нему, в том числе обеспеченных залогом, такие кредиторы сохраняли бы действительную возможность вернуть долг или по крайней мере сопоставимую с ним сумму.

Пункт 5 статьи 201.10, абзац второй пункта 2 статьи 201.15, подпункт 1 пункта 8 статьи 201.15-1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" не соответствуют статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ими не допускается погашение требований кредиторов по текущим платежам, не относящихся к первой очереди удовлетворения текущих платежей, о возмещении расходов, обеспечивающих завершение конкурсного производства, за счет фонда, действующего в целях защиты прав граждан - участников долевого строительства, являющегося приобретателем объектов застройщика в рамках дела о банкротстве, если из обстоятельств дела, включая объем требований к застройщику, в том числе обеспеченных залогом, не следует, что сумма долга или по крайней мере значительная ее часть не была бы получена кредиторами по текущим платежам, даже если бы имущество не было бы передано фонду, а в части текущих платежей для удовлетворения требований об оплате труда работников застройщика, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору непосредственно на том объекте незавершенного строительства, который передан фонду, - вне зависимости от этого условия.

1.1. В рамках дела о банкротстве застройщика - ООО "Солдес Строй" Фонд защиты прав граждан - участников долевого строительства Пермского края обратился с заявлением о намерении стать приобретателем прав застройщика на имущество и исполнить обязательства застройщика перед участниками строительства, чьи требования включены в реестр требований участников строительства о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений площадью не более семи квадратных

метров. Определением Арбитражного суда Пермского края от 19 февраля 2021 года по делу N А50-10848/2014, оставленным без изменения постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 августа 2021 года, заявление удовлетворено. На конкурсного управляющего возложена обязанность передать фонду право собственности на один земельный участок со всеми неотделимыми улучшениями, включая объект незавершенного строительства (многоквартирный дом), право аренды на второй земельный участок, обязательства застройщика перед участниками строительства, требования к участникам строительства, не в полном объеме исполнившим обязательства по оплате объектов строительства, а на фонд - перечислить на специальный банковский счет ООО "Солдес Строй" 10 785 543,14 руб. для погашения текущих требований и требований кредиторов первой и второй очереди, включенных в реестр требований кредиторов.

Не согласившись с этими судебными актами, граждане Т.Т. Инцкирвели и Ю.В. Позднякова - залогодержатели передаваемого фонду имущества, чьи требования включены в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в четвертую очередь как обеспеченные залогом (залоговые кредиторы), обратились в Верховный Суд Российской Федерации с кассационными жалобами. Их возражения, заявленные в судах первой и апелляционной инстанций в связи с передачей имущества застройщика фонду, сводились к тому, что вследствие одного лишь факта такой передачи заложенного имущества они не могут быть лишены своих залоговых прав, т.е. права на получение удовлетворения за счет этого имущества (на получение соответствующей денежной компенсации). Отклоняя возражения, суды сослались на части 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ, в силу которых передача объектов застройщика фонду осуществляется без выплаты компенсации залоговым кредиторам и без их согласия на передачу.

Верховный Суд Российской Федерации, придя к выводу о наличии неопределенности в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 19 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 3), частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ, определениями от 21 февраля 2022 года приостановил производство по названным обособленным спорам и направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации.

По мнению заявителя, данные положения неконституционны в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования допускают придание обратной силы нормам о прекращении залоговых прав кредиторов, не являющихся участниками строительства, без выплаты им справедливой компенсации при передаче земельного участка, объекта незавершенного строительства соответствующему фонду в рамках дела о банкротстве застройщика. Как подчеркивается в запросе, норма о передаче объектов фонду применяется с обратной силой и ухудшает положение залоговых кредиторов, не являющихся участниками строительства, уменьшая объем принадлежащих им прав. Перечень же такого рода кредиторов в деле о банкротстве застройщика обширен: к ним относятся кредиторы, которым земельный участок и объект незавершенного строительства были переданы в ипотеку по договору; приобретатели нежилых помещений, заключившие с застройщиком договоры участия в долевом строительстве; все юридические лица, заключившие договоры участия в долевом строительстве, независимо от того, какой тип помещений (жилые либо нежилые) они намеревались приобрести.

Правила о прекращении залога в делах о банкротстве застройщиков при передаче объектов приобретателю отсутствовали в момент заключения кредиторами-залогодержателями сделок с должниками-залогодателями, а потому не могли быть учтены такими кредиторами, не охватывались их разумными ожиданиями. Придание правилам обратной силы лишило кредиторов, финансировавших строительство объекта, возможности получить приоритетное удовлетворение своих требований, на что они справедливо рассчитывали, вступая в отношения с застройщиком. Вместе с тем при прекращении залога и отсутствии необходимости для приобретателя осуществить расчеты с кредиторами-залогодержателями мероприятия по завершению строительства становятся более выгодными для фонда, что существенно влияет на принятие им положительного решения о финансировании этих мероприятий. Это повышает эффективность гарантий прав граждан - участников долевого строительства, у которых появляется возможность получить жилые помещения в натуре в результате завершения строительства, т.е. направлено на обеспечение их права на жилище. В то же время интересы одной стороны частноправового отношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон, тем более что финансирование, предоставляемое залоговыми

кредиторами, как правило, увеличивает стоимость объекта, который передается фонду, т.е. уменьшает его затраты на завершение мероприятий по строительству.

1.2. Кроме того, как установил Верховный Суд Российской Федерации в рамках дела N А50-10848/2014, разногласия между конкурсным управляющим ООО "Солдес Строй" и Фондом защиты прав граждан - участников долевого строительства Пермского края возникли относительно суммы текущих платежей, подлежащих перечислению фондом на специальный счет общества. Управляющий исходил из того, что у общества после передачи имущества и права аренды фонду не останется других активов, за счет которых могут быть погашены текущие обязательства, в связи с чем просил обязать фонд выплатить компенсацию в сумме, равной задолженности по всем текущим платежам. Фонд же настаивал на том, что вопрос о размере компенсации по текущим платежам специально урегулирован в пункте 5 статьи 201.10, абзаце втором пункта 2 статьи 201.15 и подпункте 1 пункта 8 статьи 201.15-1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" и к числу погашаемых за счет средств фонда текущих платежей отнесены только судебные расходы по делу о банкротстве, расходы на вознаграждение конкурсному управляющему, на оплату деятельности лиц, привлечение которых конкурсным управляющим для исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве в соответствии с данным Федеральным законом обязательно (текущие платежи первой очереди удовлетворения - абзац второй пункта 2 статьи 134 данного Федерального закона). Суды согласились с управляющим и возложили на фонд (что и послужило поводом для его обращения в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой) обязанность погасить все текущие платежи, включая расходы на оплату услуг лиц, привлечение которых управляющим хотя и не было обязательным с точки зрения данного Федерального закона, но было необходимо для проведения процедуры конкурсного производства. Это, в частности, расходы на охрану многоквартирного дома, строительство которого не завершено, на оплату услуг организации, сопровождающей (ввиду большого объема работы) деятельность управляющего, на аренду помещений для хранения документов, приема граждан - участников долевого строительства, дачи им консультаций и разъяснений, на выплату арендной платы за земельный участок, передаваемый фонду, на подготовку заключения о возможности продолжения строительства.

В своем запросе Верховный Суд Российской Федерации указывает, что на приобретателя имущества, т.е. на фонд, возложена обязанность по погашению не всех, а только части текущих платежей, относящихся к первой очереди. Особенность банкротства застройщиков заключается в том, что к числу их текущих кредиторов, чьи требования в силу специального регулирования в пункте 5 статьи 201.10 данного Федерального закона останутся непогашенными, относятся кредиторы второй и последующих очередностей удовлетворения текущих платежей: работники застройщика по требованиям о выплате текущей заработной платы; лица, привлекавшиеся после возбуждения дела о банкротстве для подрядных работ в целях завершения строительства (до принятия приобретателем решения о намерении приобрести права застройщика); лица, оказывавшие услуги, без которых невозможны нормальное проведение процедур банкротства и сохранность объекта незавершенного строительства (например, охранные организации, энергоснабжающие компании, субъекты, предоставившие помещения для работы управляющего с документами и участниками строительства), и т.д.

Верховный Суд Российской Федерации полагает, что в обозначенном аспекте пункт 5 статьи 201.10, абзац второй пункта 2 статьи 201.15, подпункт 1 пункта 8 статьи 201.15-1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" противоречат статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ими не допускается погашение требований текущих кредиторов, не относящихся к первой очереди удовлетворения текущих платежей, за счет соответствующего фонда - приобретателя объектов застройщика в рамках дела о банкротстве.

1.3. В рамках дела о банкротстве ООО "Юг-Стройка" (застройщик) Фонд защиты прав граждан - участников долевого строительства в Краснодарском крае обратился в арбитражный суд с заявлением о намерении стать приобретателем прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем объектами незавершенного строительства (многоквартирными домами, в том числе со встроенно-пристроенными помещениями, автостоянкой) и исполнить обязательства застройщика перед участниками строительства, чьи требования включены в реестр требований участников строительства о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений площадью не более семи квадратных метров.

Определением Арбитражного суда Краснодарского края от 10 июня 2021 года, оставленным без изменения постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 августа 2021 года, заявление удовлетворено. Суд принял решение о передаче фонду права собственности на земельный участок с находящимися на нем объектами незавершенного строительства.

Возражения А.Н. Шалимовой о нарушении ее имущественных прав как залогового кредитора, не являющегося участником строительства, в связи с прекращением у нее права залога отклонены. Как отмечено, в том числе со ссылкой на статью 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ и пункт 11 статьи 201.15-2 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", приобретатель не обязан получать согласие залоговых кредиторов на передачу ему имущества и обязательств застройщика или осуществлять погашение требований, обеспеченных залогом прав на земельный участок и объект незавершенного строительства.

По мнению заявительницы, подпункты 3 и 3.1 пункта 1 статьи 201.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" противоречат статье 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, при банкротстве застройщика приводят к дискриминации физических лиц, заключивших договор участия в долевом строительстве, в зависимости от вида объекта недвижимости: жилое или нежилое помещение. На ее взгляд, пункт 11 статьи 201.15-2 - данного Федерального закона не соответствует статьям 17 (часть 3) и 35 (части 1 - 3) Конституции Российской Федерации, поскольку при банкротстве застройщика и передаче его прав и имущества региональным фондам защиты прав граждан - участников строительства ведет к погашению регистрационных записей в Едином государственном реестре недвижимости о залоге прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями по обязательствам, не связанным с обеспечением прав участников строительства, без какого-либо удовлетворения требований залоговых кредиторов, не являющихся участниками строительства.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), а право частной собственности охраняется законом, никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статья 35, части 1 и 3). В силу ее статей 15 (часть 2), 17 (часть 3) и 19 (части 1 и 2) и исходя из общеправового принципа справедливости, действующего в сфере регулирования имущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и самостоятельности их участников, защита права собственности и иных имущественных прав, включая право требования, должна осуществляться с учетом принципа соразмерности, с тем чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота: собственников, кредиторов, должников. Вводимые ограничения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы предпринимательской деятельности и свободы договора должны быть справедливыми, адекватными и пропорциональными, не затрагивать существо конституционных прав, т.е. не сужать пределы применения конституционных норм. Как сама возможность ограничений, так и их характер должны определяться законодателем не произвольно, а в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации: только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 года N 10-П, от 14 мая 2012 года N 11-П, от 5 марта 2019 года N 14-П, от 12 мая 2020 года N 23-П и др.).

В Постановлении от 22 июня 2017 года N 16-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что с жилым помещением связаны не только конституционно значимые имущественные интересы гражданина, но и гарантии права на жилище, закрепленные статьей 40 Конституции Российской Федерации. Заключение договоров с целью приобретения жилого помещения, в том числе посредством участия в долевом строительстве, может быть направлено на удовлетворение не только жилищных потребностей гражданина, но и его экономических интересов (сбережение денежных средств, формирование имущественной базы для дальнейшего получения дохода от сдачи жилья внаем и т.д.), при том что жилым помещением достаточной площади он уже обеспечен. Тем не менее участие в долевом строительстве выступает прежде всего формой реализации гражданами своего интереса в обеспечении личной потребности в жилище. При этом гарантированность права на жилище при участии в долевом строительстве, в силу значимости жилища для граждан, является важным фактором доверия к действиям публичной власти, так как, несмотря на частноправовой характер соответствующих

отношений, возникновение тяжелой жизненной ситуации вследствие неисполнения застройщиком обязательств дает основания для упрека в недостаточном принятии государством мер для защиты интересов граждан. Этим объективно, исходя из предписаний статей 7 и 75.1 Конституции Российской Федерации, обусловлена возможность установить в регулировании отношений в области долевого строительства (в том числе в связи с банкротством застройщика) приоритет удовлетворения интересов граждан, приобретающих таким путем жилые помещения или машино-места и нежилые помещения площадью не более семи квадратных метров, которые приобретаются в основном для использования вместе с жилым помещением.

3. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)", включая параграф 7 "Банкротство застройщиков" главы IX "Особенности банкротства отдельных категорий должников - юридических лиц", предусматривает возможность приобретения публично-правовой компанией "Фонд развития территорий" или соответствующими фондами субъектов Российской Федерации прав застройщика-банкрота на земельный участок с находящимися на нем объектами незавершенного строительства для завершения строительства этих проблемных объектов, что в целом направлено на защиту прав граждан применительно к жилищному строительству.

Соответствующие региональные фонды создаются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации исходя из тех же целей деятельности и принципов формирования. По существу, эти фонды выступают организационно-правовой формой использования публичных финансовых ресурсов для содействия в разрешении ситуаций, возникающих при банкротстве застройщиков и характеризующихся рисками нарушения прежде всего прав граждан - участников долевого строительства, приобретающих жилые помещения.

Сама же применяемая при урегулировании обязательств застройщика перед участниками строительства передача его имущества и связанных с ним обязательств, в свое время введенная в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)", представляет собой, по сути, реабилитационный план по созданию механизма исполнения обязательств застройщика-должника перед, прежде всего, гражданами, внесшими денежные средства за жилые помещения, направленный не на продажу недостроенного дома и соответствующего земельного участка (или прав на него) и распределение полученной суммы между кредиторами, как это обычно происходит в процедуре банкротства, а на завершение строительства новым застройщиком вне зависимости от иных результатов дела о банкротстве и передачу этим новым застройщиком участникам долевого строительства помещений в доме.

3.1. Пункт 1 статьи 201.15-1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в числе прочего устанавливает, что при урегулировании обязательств застройщика применяется возмездная передача его имущества (в том числе имущественных прав) и обязательств иному застройщику, который становится приобретателем и в качестве встречного представления исполняет за застройщика полученные от него в порядке перевода долга обязательства перед участниками строительства по передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений (абзац первый), а приобретателем может быть публично-правовая компания "Фонд развития территорий" или соответствующий фонд субъекта Российской Федерации на основании принятого ею или им решения о финансировании мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства (абзац шестой). В силу абзаца первого пункта 2 той же статьи и подпункта 3 пункта 3 статьи 201.10 данного Федерального закона передача земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и обязательств застройщика осуществляется с соблюдением условия о том, что в реестре требований кредиторов отсутствуют требования кредиторов, не являющихся участниками строительства, по обязательствам, обеспеченным залогом прав застройщика на объект незавершенного строительства и земельный участок, либо указанные кредиторы согласились на передачу объекта незавершенного строительства, либо на депозитный счет арбитражного суда внесены денежные средства в соответствии с пунктом 6 статьи 201.10 данного Федерального закона, т.е. в размере, достаточном для погашения требований указанных кредиторов.

Согласно части 9 статьи 13 Федерального закона "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" к отношениям, вытекающим из залога, возникающего на основании данного Федерального закона, применяются - с учетом установленных им особенностей -

положения Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона от 16 июля 1998 года N 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)".

Статья 353 ГК Российской Федерации закрепляет общий принцип следования залога за предметом залога, означающий, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного залогом обязательства взыскание может быть обращено на заложенное имущество и тогда, когда оно перешло в собственность третьего лица. Обеспечение интересов залогодержателя при переходе права на заложенное имущество к другому лицу составляет конституирующий элемент этого института, без которого залог не может выполнять свои функции (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года N 1247-О, от 22 апреля 2014 года N 755-О и др.).

Тем самым достижение баланса интересов залоговых кредиторов, должников, залогодателей и иных участников строительного рынка, в том числе в условиях банкротства застройщика, обеспечивает не только доверие к контрагенту, но и в итоге устойчивость сферы жилищного строительства, а также ее дальнейшее развитие, т.е. в конце концов имеет значение и для граждан - конечных приобретателей строящегося жилья. Нарушение найденного равновесия может привести к снижению доверия кредиторов и инвесторов к надежности вложений и повлечь их уход из сферы долевого строительства, что в конечном итоге негативно отразится и на его участниках.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что в силу различных и зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен стремиться к балансу их прав и законных интересов, что, собственно, и служит публично-правовой целью института банкротства, призванного создать условия для защиты экономических и юридических интересов всех кредиторов при наименьших отрицательных последствиях неплатежеспособности должника. Специальный режим предъявления в арбитражном суде имущественных требований к должнику в рамках процедуры банкротства не допускает их удовлетворения в индивидуальном порядке, позволяет обеспечивать определенность объема его имущества в течение всей процедуры банкротства, создавая необходимые условия как для принятия мер к преодолению неплатежеспособности должника, так и для возможно более полного удовлетворения требований кредиторов (постановления от 12 марта 2001 года N 4-П, от 19 декабря 2005 года N 12-П, от 31 января 2011 года N 1-П, от 18 мая 2015 года N 10-П, от 18 ноября 2019 года N 36-П, от 19 декабря 2019 года N 41-П, от 14 июля 2021 года N 36-П и др.).

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 16 мая 2000 года N 8-П, от 15 февраля 2016 года N 3-П и др.) права требования и законные интересы кредиторов в рамках конкурсного производства в процедуре банкротства подлежат защите в соответствии со статьей 35 Конституции Российской Федерации. В то же время это не означает, что размер полученного каждым из кредиторов в процедуре банкротства будет равен и даже сопоставим с размером его требований, так как начало процедуры банкротства связано именно с нехваткой ресурсов для расчетов с кредиторами. Именно на понимании ограниченности таких ресурсов основано все правовое регулирование механизма банкротства.

При этом необходимость защиты имущественных прав залоговых кредиторов, не являющихся по смыслу Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" участниками строительства, не предполагает ущемления прав лиц, являющихся таковыми. В рамках банкротных процедур законодатель - исходя из положений статьи 7 (часть 1) Конституции Российской Федерации о том, что политика России как социального государства направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека, а также ее статьи 75.1 об экономической и социальной солидарности - может вводить регулирование, влекущее приоритетное удовлетворение требований тех или иных категорий кредиторов. Он вправе установить и особенности удовлетворения требований залоговых кредиторов, не являющихся участниками долевого строительства. Принимая во внимание, что согласно подпункту 10 пункта 1 статьи 352 ГК Российской Федерации залог прекращается в иных, помимо перечисленных в этом пункте, случаях, предусмотренных законом или договором, законодатель вправе для достижения баланса интересов участвующих в деле о банкротстве лиц указать на прекращение залогового обеспечения определенных кредиторов при наличии названных в законе обстоятельств.

Указание в законе на сохранение бывшими залоговыми кредиторами своего права на удовлетворение требований за счет иного имущества должника не может быть гарантией соблюдения означенного принципа, поскольку залоговый приоритет относится к конкретному имуществу (предмету

залога) и в случае его выбытия из имущественной массы должника без сохранения залога интерес бывшего залогового кредитора не может считаться обеспеченным в той же мере.

3.2. Согласно пункту 11 статьи 201.15-2 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" государственная регистрация перехода прав на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями осуществляется на основании определения арбитражного суда о передаче приобретателю имущества и обязательств застройщика в соответствии с законодательством о государственной регистрации прав на недвижимое имущество; залог прав застройщика на земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями по обязательствам, не связанным с обеспечением прав участников строительства по договорам участия в долевом строительстве в соответствии с законодательством об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, прекращается со дня государственной регистрации перехода прав на указанное имущество к приобретателю; прекращение залога в таком случае не влечет изменения очередности удовлетворения требований, которые были обеспечены залогом, кредиторов, не являющихся участниками строительства.

Само по себе прекращение обеспечительного правоотношения (залога) не влечет прекращения основного, и кредиторы, включая залоговых, сохраняют возможность удовлетворения своих требований за счет иного имущества, входящего в конкурсную массу застройщика, в общей процедуре его банкротства с учетом очередности удовлетворения требований кредиторов, в том числе путем привлечения контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности. Вместе с тем реальное удовлетворение требований в этой ситуации зависит от достаточности имущества застройщика-банкрота. По общему правилу при передаче объекта незавершенного строительства для таких залоговых кредиторов предусмотрена возможность получить удовлетворение своих требований в пропорциональном соотношении за счет внесенных участниками строительства или же третьим лицом на специальный счет денежных средств в размере, достаточном для погашения требований указанных кредиторов.

Так, согласно пункту 6 статьи 201.10 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", если требования не являющихся участниками строительства кредиторов, включенные в реестр требований кредиторов, обеспечены залогом прав застройщика на объект незавершенного строительства и земельный участок, участники строительства или третьи лица до рассмотрения арбитражным судом ходатайства о передаче объекта незавершенного строительства вправе внести на депозитный счет арбитражного суда денежные средства в размере, достаточном для погашения требований указанных кредиторов и установленном подпунктом 1 пункта 1 статьи 201.14 данного Федерального закона. Согласно этому подпункту из средств, вырученных от реализации предмета залога, шестьдесят процентов направляется на погашение требований кредиторов по обязательству, обеспеченному залогом названных объектов или прав на них должника, но не более чем основная сумма задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающихся процентов.

В силу части 14 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ, если договор с первым участником строительства был заключен без использования счетов эскроу до 1 июля 2019 года, то передача земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями и обязательств застройщика приобретателю осуществляется лишь с соблюдением условий, предусмотренных подпунктами 2 и 4 пункта 3 статьи 201.10 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)". Следовательно, подпункт 3 пункта 3 статьи 201.10 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" - который защищает интересы залоговых кредиторов, не являющихся участниками строительства, и согласно которому передача участникам строительства объекта незавершенного строительства может быть осуществлена при условии, что в реестре требований кредиторов отсутствуют требования кредиторов, не являющихся участниками строительства, по обязательствам, обеспеченным залогом прав застройщика на объект незавершенного строительства и земельный участок, либо указанные кредиторы согласились на передачу объекта незавершенного строительства, либо на депозитный счет арбитражного суда внесены денежные средства в соответствии с пунктом 6 той же статьи, - перестал действовать применительно к рассматриваемой ситуации.

Введение нового регулирования, регламентирующего порядок передачи объекта незавершенного строительства фондам, созданным для защиты жилищных прав граждан, иному приобретателю, и распространение его на ранее возникшие правоотношения ухудшают положение залоговых кредиторов в части отмены тех гарантий удовлетворения их требований, которые предусмотрены законодателем

для процедуры передачи объекта от застройщика (должника), поскольку в ситуации, подпадающей под действие части 14 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ, залоговые кредиторы могут претендовать на удовлетворение своих требований только в общей процедуре банкротства застройщика при наличии у него иного имущества.

4. Конституционный Суд Российской Федерации уже формулировал правовые позиции по вопросу о действии закона во времени. В частности, отмечалось, что придание обратной силы закону - исключительный тип его действия во времени, использование которого относится к прерогативе законодателя. Только он вправе распространить новую норму на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до ее введения в действие, т.е. придать закону обратную силу (ретроактивность), либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утратившей силу нормы (ультраактивность). При этом либо в тексте закона, либо в правовом акте о порядке его вступления в силу содержится специальное указание о таком действии во времени. Законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, принимает во внимание специфику регулируемых общественных отношений: обратная сила применяется преимущественно в отношениях, возникающих между индивидом и государством, и в интересах индивида (например, уголовное, пенсионное законодательство), а в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила обычно не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон. Преобразования отношений в той или иной сфере жизнедеятельности также не могут осуществляться вопреки общему принципу действия закона во времени. Внесение в действующее правовое регулирование изменений, оказывающих неблагоприятное воздействие на правовое положение граждан, должно сопровождаться соблюдением принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также в случае необходимости - предоставление гражданам возможности в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям. Подобный подход обусловлен необходимостью достижения соразмерности при соблюдении интересов общества и условий защиты основных прав личности, т.е. баланса конституционно защищаемых ценностей, а потому вопрос придания обратной силы закону, изменяющему обязательства юридически равных участников гражданского правоотношения, требует дифференцированного подхода, обеспечивающего сбалансированность и справедливость соответствующего правового регулирования, не допускающего ущемления уже гарантированных прав и законных интересов одной стороны и умаления возможностей их защиты в пользу другой (Решение от 1 октября 1993 года N 81-Р; постановления от 22 апреля 2014 года N 12-П и от 15 февраля 2016 года N 3-П; определения от 18 января 2005 года N 7-О, от 25 января 2007 года N 37-О-О, от 15 апреля 2008 года N 262-О-О, от 20 ноября 2008 года N 745-О-О, от 16 июля 2009 года N 691-О-О, от 29 января 2015 года N 211-О, от 23 апреля 2015 года N 821-О, от 2 июля 2015 года N 1539-О и др.).

С учетом общего правила действия гражданского законодательства во времени, которое закреплено в статье 4 ГК Российской Федерации и согласно которому действие закона распространяется на отношения, права и обязанности, возникшие после введения его в действие, залоговые кредиторы, не являющиеся по смыслу Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" участниками строительства, вступая в правоотношения с застройщиком до принятия Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ, не могли прогнозировать такое изменение регулирования, которое ведет к ухудшению их имущественного положения и к лишению их права на приоритетное удовлетворение требований за счет имущества, находящегося в залоге.

Таким образом, части 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ во взаимосвязи с пунктом 11 статьи 201.15-2 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" не соответствуют статьям 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 55 (часть 3) и 75.1 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не предусматривают необходимых правовых гарантий защиты прав кредиторов, не являющихся участниками строительства, при прекращении их залоговых прав в связи с передачей земельного участка, объекта незавершенного строительства фонду защиты прав граждан - участников долевого строительства в рамках дела о банкротстве застройщика.

Однако признание этих положений не соответствующими Конституции Российской Федерации не должно означать восстановления залоговых прав кредиторов, не являющихся участниками строительства и приобретших права залогодержателей до принятия оспариваемого регулирования, поскольку это могло бы влечь препятствия для завершения строительства в случае банкротства застройщика и для удовлетворения потребностей граждан в жилище. Защита прав указанных лиц должна осуществляться посредством иных правовых механизмов, учитывающих переход прав застройщика на имущество, в связи с которым возникли данные обязательства, соответствующему фонду, действующему в целях защиты прав граждан - участников долевого строительства, но не аналогичных по содержанию следованию залога за этим имуществом.

Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование изменения, предусматривающие гарантии прав кредиторов, не являющихся участниками строительства и приобретших права залогодержателей до принятия оспариваемого регулирования, в случае утраты ими своих залоговых прав. В то же время Конституционный Суд Российской Федерации исходит из понимания того, что ожидание внесения таких изменений создает неопределенность, которая, в частности, может сдерживать соответствующие фонды от принятия на себя обязательств застройщика перед участниками строительства, а потенциальные судебные споры должны иметь правовые ориентиры для разрешения. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" полагает возможным установить, что впредь до внесения изменений в законодательное регулирование в соответствии с настоящим Постановлением части 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ во взаимосвязи с пунктом 11 статьи 201.15-2 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" применяются судами с учетом следующего.

У лиц, ранее являвшихся залоговыми кредиторами застройщика, перед которыми у фонда, действующего в целях защиты прав граждан - участников долевого строительства, не возникли обязательства по предоставлению помещений, в связи с прекращением залога возникает право требования к фонду, ставшему приобретателем прав застройщика на соответствующее имущество, в размере основной суммы задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающихся процентов, без возобновления начисления процентов, но не более - совокупно по всем лицам, ранее являвшимся залоговыми кредиторами, - стоимости предмета залога на день принятия решения арбитражного суда о передаче фонду соответствующего имущества; данные требования подлежат удовлетворению фондом в следующем порядке:

посредством распределения между лицами, ранее являвшимися залоговыми кредиторами, обязательства перед которыми к этому моменту не погашены, пропорционально размеру этих обязательств части выручки от реализации фондом помещений в объекте незавершенного строительства, кроме подлежащих передаче участникам строительства в соответствии с принятыми на себя фондом обязательствами; размер соответствующей части выручки устанавливается судом с учетом совокупного размера требований лиц, ранее являвшихся залоговыми кредиторами, к фонду, объема работ, необходимых для введения объекта незавершенного строительства в эксплуатацию, и иных обстоятельств, влияющих на расходы фонда в связи с участием в правоотношениях по поводу данного объекта; фонд, если это возможно с учетом этапа строительства и в соответствии с правилами (нормативами, регламентами), обеспечивающими безопасность объектов капитального строительства, должен принять меры по увеличению площади помещений в объекте незавершенного строительства таким образом, чтобы максимально удовлетворить за счет этих помещений требования лиц, ранее являвшихся залоговыми кредиторами, без ущерба для иных обязательств, связанных с завершением строительства;

лицам, ранее являвшимся залоговыми кредиторами по таким обязательствам застройщика, возникновение которых было определяющим условием для строительства многоквартирного дома (связанным с предоставлением объекта недвижимости, предоставлением денежных средств в качестве кредита или инвестиций, без которых строительство не могло бы осуществиться), а также лицам, ранее являвшимся залоговыми кредиторами в силу закона по обязательствам застройщика передать им объекты долевого строительства, обязательства по оплате которых ими полностью исполнены, фонд, вне зависимости от реализации помещений в объекте незавершенного строительства, также выплачивает в порядке, предусмотренном пунктом 6 статьи 201.10 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", если иной порядок не определен судом, сумму, устанавливаемую

судом на основе равного для всех указанных лиц процентного отношения (но во всяком случае не выше пятидесяти процентов) к размеру их требований к фонду с учетом совокупного размера требований таких лиц, объема работ, необходимых для введения объекта незавершенного строительства в эксплуатацию, и иных обстоятельств, влияющих на расходы фонда в связи с участием в правоотношениях по поводу данного объекта; суд определяет срок внесения (выплаты) соответствующей суммы, а передача прав застройщика на соответствующее имущество фонду не обуславливается осуществлением такой выплаты;

соответствующие обязательства фонда признаются погашенными, если размер выплат в соответствии с двумя предшествующими абзацами настоящего Постановления достиг размера требований лица, ранее являвшегося залоговым кредитором застройщика, к фонду либо если этот размер не достигнут, но возможность реализации фондом помещений в объекте незавершенного строительства исчерпана, а выплата, если она предусмотрена в соответствии с предшествующим абзацем настоящего Постановления, осуществлена.

За лицами, ранее являвшимися залоговыми кредиторами, также сохраняется право на удовлетворение денежных требований в порядке процедуры банкротства застройщика в соответствующей очереди, с тем чтобы совокупное удовлетворение требований этих лиц фондом и в порядке процедуры банкротства не превысило сумму основной суммы долга и процентов по ранее обеспеченному залогом обязательству. В случае такого превышения его сумма возвращается лицами, ранее являвшимися залоговыми кредиторами, фонду в пределах погашенных фондом обязательств перед ними.

Вывод о неконституционности частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона от 27 июня 2019 года N 151-ФЗ во взаимосвязи с пунктом 11 статьи 201.15-2 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" не может быть основанием для отмены решения о передаче соответствующему фонду, действующему в целях защиты прав граждан - участников долевого строительства, прав застройщика на соответствующее имущество и для его отказа от своих обязательств, а также препятствием для такой передачи прав фонду и принятия фондом на себя соответствующих обязательств.

5. Как указывается в запросе Верховного Суда Российской Федерации, правовая природа текущих требований состоит в том, что контрагенты по соответствующим обязательствам вступают в отношения с заведомо несостоятельным лицом. Предполагается, что их имущественное предоставление в пользу должника осуществляется в интересах всех реестровых кредиторов, направлено на необходимое функционирование организации, находящейся в процедуре несостоятельности. Осуществление подобного предоставления означает принятие упомянутыми контрагентами на себя и в интересах конкурсной массы повышенного (по сравнению с обычным оборотом) риска неполучения в будущем встречного исполнения, что, в свою очередь, обусловило их преференции в виде приоритетного удовлетворения требований в режиме текущих платежей в качестве общего правила (пункт 2 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)").

Означенным доводам корреспондируют и выводы Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные в Постановлении от 1 февраля 2022 года N 4-П, где, в частности, подчеркнуто, что погашение вне очереди за счет конкурсной массы требований кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, чьи требования возникли до принятия заявления о признании должника банкротом, обусловлено отнесением, согласно статье 5 и пункту 2 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", к текущим платежам тех расходов в деле о банкротстве, которые обеспечивают саму возможность завершения конкурсного производства, достижения целей этой процедуры и расчета с конкурсными кредиторами. Кроме того, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление от 1 февраля 2022 года N 4-П; определения от 25 мая 2017 года N 1133-О, от 11 апреля 2019 года N 856-О, от 28 мая 2020 года N 1155-О и др.), законодатель в силу возложенных на него дискреционных полномочий - принимая во внимание характер и правовую природу текущих платежей, а равно то, что требования кредиторов по текущим платежам не подлежат включению в реестр требований кредиторов и кредиторы по текущим платежам при проведении соответствующих процедур не признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве (пункт 2 статьи 5 данного Федерального закона), - вправе определить очередность удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам, отличную от требований иных кредиторов. Эта правовая позиция в полной мере применима и к регулированию, позволяющему изменить очередность удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам, предусмотренную пунктом 2 статьи 134 данного Федерального закона,

исходя из специфики таких требований, в частности когда их внеочередное удовлетворение направлено на защиту конституционных ценностей.

Как следует из содержания абзаца второго пункта 2 статьи 201.15 и подпункта 1 пункта 8 статьи 201.15-1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", в течение десяти дней со дня поступления заявления о намерении стать приобретателем земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями конкурсный управляющий (внешний управляющий) представляет расчет суммы, необходимой для погашения задолженности по текущим платежам и требований кредиторов первой и второй очереди и определяемой в соответствии с пунктом 5 статьи 201.10 данного Федерального закона на день направления заявления о намерении в арбитражный суд. Условием передачи объектов приобретателю в силу пункта 2 статьи 201.15-1 данного Федерального закона является в том числе выполнение требований, предусмотренных пунктом 5 его статьи 201.10. Согласно же пункту 5 его статьи 201.10, если имущества, которое остается у должника после передачи объекта незавершенного строительства, недостаточно для погашения текущих платежей, связанных с судебными расходами по делу о банкротстве, выплатой вознаграждения конкурсному управляющему, оплатой деятельности лиц, привлечение которых конкурсным управляющим для исполнения своих обязанностей в деле о банкротстве в соответствии с данным Федеральным законом является обязательным, требований кредиторов первой и второй очереди, участники строительства или третьи лица до рассмотрения арбитражным судом ходатайства о передаче объекта незавершенного строительства вправе внести в соответствии со статьей 201.15 данного Федерального закона на специальный банковский счет должника денежные средства в размере превышения совокупного размера указанных текущих платежей и требований кредиторов первой и второй очереди над стоимостью имущества застройщика, которое остается у него после передачи объекта незавершенного строительства, но не более десяти процентов стоимости прав застройщика на объект незавершенного строительства и земельный участок.

Такое регулирование обусловлено тем, что соответствующее имущество, оставаясь у застройщика, может рассматриваться как возможный источник погашения соответствующей задолженности, но при его переходе к приобретателю такая возможность утрачивается. Установление указанной дополнительной обязанности приобретателя призвано компенсировать для кредиторов, в том числе по предусмотренным этой нормой текущим платежам, утрату возможности рассчитывать на удовлетворение требований за счет реализации имущества. При этом в принципиальном плане соответствующая обязанность фонда, действующего в целях защиты прав граждан - участников долевого строительства, как приобретателя земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями обусловлена тем же обстоятельством. Социальное предназначение такого рода фондов состоит прежде всего в удовлетворении потребности граждан в жилье, комплексное удовлетворение имущественных притязаний всех участников отношений по поводу строительства многоквартирного дома сюда не относится. Не предусмотрено и извлечение фондами экономической выгоды из этой своей деятельности. Тем не менее, поскольку передача фонду земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями является правовым средством решения его основной задачи, из этого проистекает и распространение на него обязанности, установленной пунктом 5 статьи 201.10 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)".

В то же время из приведенных положений следует, что на приобретателя земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями возлагается обязанность по погашению только части текущих платежей, которые согласно абзацу второму пункта 2 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" относятся к первой очереди текущих платежей. Не погашенными им в таком порядке остаются требования кредиторов второй и последующих очередностей удовлетворения текущих платежей, в том числе: работников застройщика по требованиям о выплате текущей заработной платы; лиц, привлекавшихся после возбуждения дела о банкротстве для подрядных работ в целях завершения строительства (до принятия приобретателем решения о намерении приобрести права застройщика); лиц, оказывавших услуги, без которых невозможны нормальное проведение процедур банкротства и сохранность объекта незавершенного строительства (в частности, охранные организации, энергоснабжающие компании, субъекты, предоставившие помещения для работы управляющего с документами и участниками строительства), и т.д.

Иными словами, деятельность соответствующих кредиторов застройщика, в отношении имущества которого (земельный участок с находящимися на нем неотделимыми улучшениями) имеется

приобретатель, направлена на проведение отдельных мероприятий по строительству объекта, обеспечение его сохранности, надлежащее осуществление процедур банкротства, что также содействует успешному завершению строительства. Поэтому справедливым был бы учет интересов кредиторов по этим требованиям в рамках процедур, в которые вовлекается и фонд, действующий в целях защиты прав граждан.

Отсутствие гарантий погашения требований кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, чьи требования возникли до принятия заявления о признании должника банкротом, по сути, лишает кредиторов по текущим платежам, не относящимся к первой очереди удовлетворения текущих платежей, права на возмещение за счет имущества застройщика. Вместе с тем хотя бы в некоторых ситуациях при сохранении соответствующих объектов в собственности (владении) застройщика и с учетом всей совокупности требований к нему, в том числе обеспеченных залогом, такие кредиторы сохраняли бы действительную возможность вернуть долг или по крайней мере сопоставимую с ним сумму.

Тем не менее требования кредиторов по текущим платежам подлежат удовлетворению из имущества самого должника и тем самым не могут считаться требованиями, удовлетворение которых гарантировано. В случае, если имущества застройщика-должника недостаточно, в результате чего удовлетворение требований кредиторов по текущим платежам за счет его реализации становится невозможным, передача имущества должника соответствующему фонду, по существу, не является фактором, ухудшающим положение кредиторов по текущим платежам, а потому не может создавать дополнительные гарантии удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам, которые, вступая в данные правоотношения, несут сопряженные с этим риски. Необходимость соблюдать баланс интересов всех участников данных правоотношений не может пониматься как предопределяющая предоставление упомянутым кредиторам гарантий удовлетворения их требований в ситуации, когда, как будет установлено судом, такое удовлетворение не было бы получено, даже если бы имущество не было передано фонду.

С другой стороны, по смыслу статьи 75.1 Конституции Российской Федерации о защите достоинства граждан и уважении человека труда, обеспечении социального партнерства, экономической и социальной солидарности, а также с учетом положения ее статьи 37 (часть 3) о праве на вознаграждение за труд удовлетворение требования об оплате труда работников застройщика, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору непосредственно на том объекте строительства, который передан фонду, действующему в интересах защиты прав граждан - участников долевого строительства, должно осуществляться и безотносительно к указанному выше обстоятельству. Тем более есть основания презюмировать, что трудовой вклад работников объективно увеличивает степень готовности объекта и тем самым сокращает расходы приобретателя на завершение его строительства, и куда меньше оснований ожидать и требовать от работников быстрого реагирования на изменившиеся экономические обстоятельства в случае начала банкротства их работодателя - застройщика.

Кроме того, в силу статьи 1079 ГК Российской Федерации строительная и иная связанная с нею деятельность связана с повышенной опасностью для окружающих. Приостановка строительства, в том числе в связи с началом банкротства застройщика, если она не сопровождается надлежащими мерами безопасности, которые могут требовать и финансовых затрат, способна влечь возникновение угроз. Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что согласно абзацу второму пункта 1 статьи 134 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", который применяется с учетом Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2022 года N 4-П, в случае, если прекращение деятельности организации должника или ее структурных подразделений может повлечь за собой техногенные и (или) экологические катастрофы либо гибель людей, вне очереди преимущественно перед любыми другими требованиями кредиторов по текущим платежам также погашаются расходы на проведение мероприятий по недопущению возникновения указанных последствий. Соответственно, возложение на приобретателя земельного участка с находящимися на нем неотделимыми улучшениями обязанности по погашению тех текущих платежей, которые согласно абзацу второму пункта 2 статьи 134 данного Федерального закона относятся к первой их очереди, тем более не может исключать обязанность по погашению такого рода внеочередных текущих платежей.

Таким образом, пункт 5 статьи 201.10, абзац второй пункта 2 статьи 201.15, подпункт 1 пункта 8 статьи 201.15-1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" не соответствуют статьям 19

(часть 1), 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования ими не допускается погашение требований кредиторов по текущим платежам, не относящихся к первой очереди удовлетворения текущих платежей, о возмещении расходов, обеспечивающих завершение конкурсного производства, за счет фонда, действующего в целях защиты прав граждан - участников долевого строительства, являющегося приобретателем объектов застройщика в рамках дела о банкротстве, если из обстоятельств дела, включая объем требований к застройщику, в том числе обеспеченных залогом, не следует, что сумма долга или по крайней мере значительная ее часть не была бы получена кредиторами по текущим платежам, даже если бы имущество не было бы передано фонду, а в части текущих платежей для удовлетворения требований об оплате труда работников застройщика, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору непосредственно на том объекте незавершенного строительства, который передан фонду, - вне зависимости от этого условия.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Книги

Кризисные состояния юридического лица в российском банкротном праве/Стасюк И.В., Улезко А.С. – Москва : Статут, 2022. – 158 с.

2. Статьи

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Июнь

Пермяков О., Кондрашова П. [Защита прав контролирующих лиц. Новые позиции законодателя и судов](#)

Майорова Д., Гаврилина М. [Компанию исключили из ЕГРЮЛ. Как привлечь руководителя к ответственности](#)

Спиридонов А. [Неплатежеспособность vs банкротство. Четыре ключевых различия](#)

Петручак Р., Гаврилина М. [Обращение взыскания на право аренды участка. Инструкция для кредитора](#)

Рыжов А. [Дисквалификация на шесть месяцев за мелкие нарушения. Как управляющих лишают профессии](#)

Савченко Д. [Чем больше вред кредиторам, тем реже встречаются такие нарушения на практике](#)

Ноготков В. [Управляющий провел торги без повторной инвентаризации — удалось доказать, что он не пытался скрыть информацию](#)

Тулиев К. [Управляющий погасил пени должника за свой счет — это помогло прекратить административное дело](#)

Труба А. [Управляющий продал с торгов федеральное имущество, но не было страха остаться на три года без профессии](#)

Слесарев С. [Можно показать суду, что дисквалификация управляющего повлечет негативные последствия для банкротного процесса](#)

Покрышкин Н., Ушакова М. [Должник оплачивал поставки нефти за месяц до банкротства. Юристы добились иммунитета для платежей](#)

Август

Пермяков О. [Кредитор с залогом товаров в обороте. Три сценария на случай банкротства должника](#)

Коновалов С., Скутин Г. [Залоговый приоритет требований кредитора. Три нетипичные ситуации](#)

Тажбаев А. [Кредитор включился в реестр. Какие требования не получится исключить](#)
Иванова Ю. [Должник получает пенсию. Как включить ее в конкурсную массу](#)

Журнал «Юрист компании»

Август

Бирюлин Д. [Как работать с должниками во время моратория на банкротство](#)

Газета «ЭЖ-Юрист»

Июль

Бакешин С. [Все, что нужно знать об отказе от моратория на банкротство: ответы на распространенные вопросы](#)

Зарбабян М. [Преюдициальная сила решений по уголовным делам в процедуре банкротства](#)

Бирклей В. [Отстранение арбитражного управляющего: заинтересованность и судебная практика](#)

Шестакова М. [ВС РФ рассказал, как получить компенсацию за то, что обанкротившийся соинвестор продал квартиры физлицам](#)

Август

Шестакова М. [КС РФ защитил права залоговых кредиторов, которые лишились права на компенсацию из-за передачи недостроя Фонду защиты прав дольщиков](#)

Шестакова М. [ВС РФ решил, сколько денег взыскать с бывших участников обанкротившегося общества, которое присоединилось к другой компании](#)

Шестакова М. [Если кредитор имеет долг перед банкротом, то он не вправе оспаривать договор дарения квартиры должника](#)

Баринов А. [Интеллектуальные права и банкротство: идентифицировать и включить в конкурсную массу](#)

Шестакова М. [ВС РФ рассмотрел вопрос о том, прикрывает ли оспариваемая цепочка сделок компенсационное финансирование](#)

Шайбаков С. [Уменьшение размера ответственности при взыскании убытков с арбитражного управляющего: тенденции и судебная практика](#)

Шестакова М. [Действия покупателя, приобретающего имущество по цене, явно ниже кадастровой и рыночной, нельзя назвать осмотрительными](#)

3. Блоги

[Заседание Банкротного клуба от 03 июня 2022 г.](#)

Бевзенко Р. - [О «видах» дольщиков // К определению по делу Паначева](#)

[Бюджетным средствам проверят уровень иммунитета // Верховный суд решит, можно ли расплачиваться с другими кредиторами средствами по госконтракту](#)

[Верной дорогой в реестр идете, товарищи // Верховный суд разрешил кредиторам включать требования в реестр на основании договора простого товарищества](#)

[Вознаграждение управляющего и новый стандарт доказывания в практике ВС // Дайджест новостей банкротства за июнь 2022 года](#)

Горяев Н. - [Ящик Пандоры](#)

Домнин С. - [Алименты, прожиточный минимум и банкротство, или «Детям — мороженое, бабе — цветы. Смотри, не перепутай!.. Кутузов!»](#)

Иванков Н. - [О требованиях кредиторов, основанных на расписках, в банкротстве](#)

[Инвесторам в жилье повысили риски // Дольщик, купивший несколько квартир, не может претендовать на банкротный приоритет, решил ВС](#)

Коняев И. - [Наша миссия - комиссия. Послесловие](#)

Кравченко А. - [Субординация «недобровольных» кредиторов. В каких случаях она допустима?](#)

[Ланцов В. - Может ли суд по собственной инициативе без соответствующих возражений должника применять ограничения, связанные с введением «моратория на банкротство»?](#)

[Лядова Ю. - «Косвенная осведомленность» о противоправности цели должника при оспаривании подозрительной сделки \(п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве\) | Определение Верховного Суда от 04.08.2022 №305-ЭС21-21196\(5\)](#)

[Масленников Г. - Пересмотр судебных актов по налоговым делам по инициативе КДЛ \(привлекаемого к субсидиарной ответственности\)](#)

[Морев Д. - Оспоримые или ничтожные: как квалифицировать «безвозмездные» сделки должника](#)

[Мькольников А. - Продать нельзя исключить \(о доле супруга в банкротстве\)](#)

[Никишина Ю. - Основания для взыскания с арбитражного управляющего убытков в делах о несостоятельности \(банкротстве\) и возникающие в связи с этим последствия](#)

[Ответственность арбитражных управляющих // Видеолекция Владимира Ефремова на портале «Анатомия убытков»](#)

[Отступное лишает управляющего вознаграждения // Кейс месяца по банкротству](#)

[Плешанова О. - Жилищный кризис, или Добро пожаловать в гетто](#)

[Растегаев В. - Мимокрокодил и Collateral damage// К вопросу о банкротном терроризме](#)

[Реестр кредиторов пополнился товарищами, или «Кронверк» против «Крована» // Кейс месяца по банкротству](#)

[Савченко Д. - Мир – хижинам, война - дворцам!](#)

[Стаценко П. - Очередной раз к вопросу о начале течения срока исковой давности по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках банкротства](#)

[Субсидиарную ответственность ограничили корпоративным договором // Верховный суд решит, связывает ли это суды](#)

[Сульженко Е. - Мораторий-то ненастоящий! Или все же настоящий?](#)

[Титкова В. - Продолжение хозяйственной деятельности должника в процедуре банкротства: за и против](#)

[Ткачев А. - Обзор судебных актов Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2022 года по делам о банкротстве](#)

[Шаповалова Е. - Кейсы месяца по привлечению арбитражных управляющих к административной ответственности за июнь 2022 г.](#)

[Шаповалова Е. - Распространяется ли закон о персональных данных на арбитражного управляющего?](#)

[Шарапова Н. - Проблемы страхования ответственности арбитражных управляющих](#)

Ответственный редактор Дайджеста:

Юрий Сбитнев,
адвокат, магистр частного
права (РШЧП), партнер
Адвокатского бюро
"Эксиора" город Москва

Редакторы:

Гульнара Исмагилова

юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру

Арина Щелокова

младший юрист АБ «Эксиора»

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#).

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44